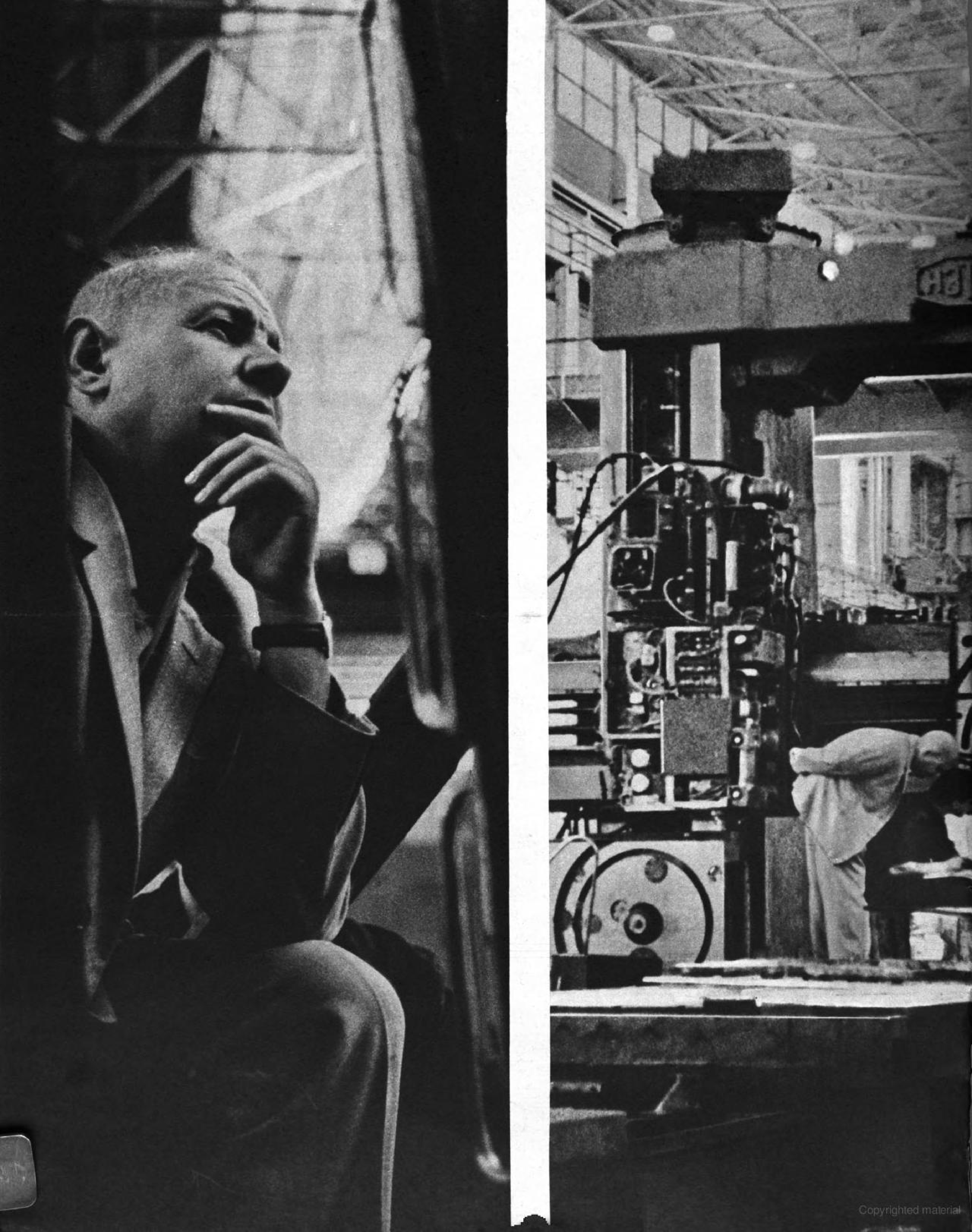

ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



СИБИРСКИЙ УНИКУМ

НА ТРУДОВОЙ ЛЕНИНСКОЙ ВАХТЕ

Странный получался разговор. Едва ли не на каждый вопрос ведущий конструктор Юрий Николаевич Федоров отвечал усталым и коротким «нет».

— Скажите, станок продольно-строгальный?

— Нет.

— А какой же?

— Комбинированный. Это новая машина. Она может не только строгать, но и фрезеровать, шлифовать, сверлить и так далее...

— Машина пойдет в серию?

— Нет. Опытный образец. Останется в единственном экземпляре. Его задача — проложить путь новой гамме машин.

— Грустная у него судьба...

— Нет. Судьба великолепная,— не принимает шутку Юрий Николаевич.

— Почему?

— Да потому, что сотни людей на нем учатся. Для нас, конструкторов, это не машина, а целая академия. Сейчас на сборке видно все, что на бумаге казалось загадочным. Разводку трубопровода мы три раза делали: собрали — глаз режет, попробовали по-другому — опять не так. Зато теперь разводка доставляет поистине эстетическое наслаждение.

...По огромному цеху плывет многотонная деталь, на ней какой-то шутник написал мелом: «Вручную лучше не кантовать!» Из соседнего пролета доносится:

— Станок в Англию отгружаем...

Для новосибирского завода «Тяжстанкогидропресс» имени А. И. Ефремова экспорт — дело обычное. Взять наугад хотя бы август: один станок собирался для Австрии, другой — для ОАР, третий — отгрузили в Японию, насосно-аккумуляторную станцию — в Индию. Среди заказчиков — Франция, Финляндия, Канада, Аргентина... С каждым годом география расширяется.

Заводу четверть века — в три раза моложе своего города. В сорок третьем году начальник основного сборочного цеха Д. Д. Горн не со станками дело имел, а с... жеребцами. Возницей был. Весело причмокивая, помахивал вожжами и возил начальство на различные совещания. Правда, лихой ямщицкий посвист был скорее символом: лошадь с трудом выдирала ноги из болотной жижи — на том месте, где сейчас стоит завод, в ту пору уток диких стреляли. Много воды утекло с тех пор.

...«Федоровский» станок наделал много шума — уникальный. На нем будут обрабатывать детали шириной в два с половиной метра, длиной почти в семь, высотой — до трех.

Даже заместитель главного конструктора Александр Михайлович Тув переселился из кабинета в цех и с утра до вечера всё у этого станка.

— Понимаете,— говорит Александр Михайлович,— закавыки и сложности на стыках. Там, где электроника, электрика и механика как бы сводятся в одно, стыкуются. Словом, новинки не только радость приносят, но и кучу хлопот.

...Надежность. Это слово услышишь сегодня на любом заводе. Таково веление времени. Век такой. Как достичь ее при жестком производственном плане? Какой тут секрет? Очень простой. И не секрет вовсе: мастерство, квалификация людей, для которых без завода нет жизни. Один из них — Герой Социалистического Труда коммунист Иван Ильич Шурбин, бывший алтайский кузнец. Он собрал десятки станков и прессов, которые теперь надежно работают на многих наших и зарубежных заводах. Сколько раз и у себя и за границей — он и там пускал сибирские станки — к нему обращались как к инженеру высокой квалификации. Одно слово — мастер!

Или вот бригада... «чертей». Никак иначе ее в цехе и не называют. В ней два брата Мирутенко: Василий и Владимир. При выполнении заданий они укладываются в самые жесткие сроки. Недавно за три дня собрали поперечины и суппорты огромной машины, сумели с точностью до двух «соток» отшабрить детали по всей длине ползуна.

Братья вообще во всем успевают: учатся в техникуме, заядлые спортсмены (и болельщики). И еще одно — яростные спорщики. А спорят на заводе много. У замасленных чертежей, набрасывая мелом эскиз на какой-нибудь чугунной колонне, объясняя на спичках, на заготовках, на пальцах. Здесь непрестанно ищут новое в привычном деле. И это привилегия не одних конструкторов и технологов. Такая уж работа. Ведь это совсем не просто — освоить и выпустить только в нынешнем году тринадцать новых уникальных машин. Выпустят. Непременно. Сборщики стоят на трудовой вахте в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина. Работают они блестяще.

И отправляются из Сибири во все концы света продольно-обрабатывающие и расточные станки, многочисленные гидравлические прессы, почти для каждого из которых требуется отдельный железнодорожный состав.

Р. НОТМАН.

На снимках:

Заместитель главного конструктора завода — Александр Михайлович Тув.

Задача этого станка — проложить путь новой гамме машин.

Фото Д. Ухтомского.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 48 (2161)

Основан 1 апреля 1923 года

23 НОЯБРЯ 1968

НЕРУШИМАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ



18 ноября в Москву из Варшавы возвратилась делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, принимавшая участие в работе V съезда ПОРП.

На снимке: К. Т. Мазуров, А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Шелепин во время встречи на Белорусском вокзале.

Фото С. Преображенского и А. Конькова (Фотохроника ТАСС).

Мощными звуками «Интернационала», прозвучавшего под сводами Зала конгрессов Дворца культуры и науки в Варшаве, закончился V съезд Польской объединенной рабочей партии. Он ознаменовал дальнейшее единение трудящихся республики вокруг своего авангарда — партии польских коммунистов.

Делегаты, выступавшие с трибуны съезда, говорили об успехах народной Польши, о большой политической и организационной роли ПОРП, о путях дальнейшего социалистического строительства.

«Советских людей, всех друзей социалистической Польши искренне радуют успехи польского народа, с воодушевлением претворяющего в жизнь намеченную партией генеральную линию социалистического строительства»,— говорится в приветствии пятому съезду Польской объединенной рабочей партии от Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

С глубоким вниманием участники съезда слушали речь главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Продолжительными аплодисментами были встречены слова товарища Брежнева о том, что «коммунистам социалистических стран жизненно необходимо высоко нести знамя социалистического интернационализма, постоянно крепить сплоченность и солидарность стран социализма».

ИССЛЕДОВАНИЕ КОСМОСА П

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, «ЗОНД-6»!

17 НОЯБРЯ 1968 ГОДА ПОСЛЕ СЕМИСУТОЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ЗЕМЛЯ — ЛУНА — ЗЕМЛЯ АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЗОНД-6» ВОЗВРАТИЛАСЬ ТОЧНО В ЗАДАННЫЙ РАЙОН СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

НЕ ПРОШЛО И ДВУХ МЕСЯЦЕВ С ТЕХ ПОР, КАК АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЗОНД-5» ПРИВОДНИЛАСЬ В РАСЧЕТНОМ РАЙОНЕ АКВАТОРИИ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА, СОВЕРШИВ ОБЛЕТ ЛУНЫ И ВПЕРВЫЕ В МИРЕ УСПЕШНО ВЕРНУВШИСЬ НА ЗЕМЛЮ СО ВТОРОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СКОРОСТЬЮ. ТОГДА «ЗОНД-5» ВОШЕЛ В ЗЕМНУЮ АТМОСФЕРУ И ПО БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАЕКТОРИИ ОСУЩЕСТВИЛ СПУСК. ЭТО БЫЛО БОЛЬШОЕ ДОСТИЖЕНИЕ.

И ВОТ НОВЫЙ УСПЕХ, НОВЫЙ ШАГ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ. ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ «ЗОНД-6», ПРИБЛИЗИВШИСЬ К ЗЕМЛЕ СО ВТОРОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СКОРОСТЬЮ, ПОСЛЕ ОБЛЕТА ЛУНЫ СОВЕРШИЛ УПРАВЛЯЕМЫЙ СПУСК. В ЭТОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ ВПЕРВЫЕ БЫЛ ПРОВЕРЕН БОЛЕЕ СЛОЖНЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ВОЗВРАЩЕНИЯ КОСМИЧЕСКИХ АППАРАТОВ С МЕЖПЛАНЕТНЫХ ТРАЕКТОРИЙ — МЕТОД УПРАВЛЯЕМОГО СПУСКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЭРОДИНАМИЧЕСКОЙ ПОДЪЕМНОЙ СИЛЫ (АЭРОДИНАМИЧЕСКОГО КАЧЕСТВА) СПУСКАЕМОГО АППАРАТА.

СПУСК «ЗОНДА-6» ПРОХОДИЛ ПО ТРАЕКТОРИИ С ДВУМЯ ПОГРУЖЕНИЯМИ В АТМОСФЕРУ. ПРИ ЭТОМ СКОРОСТЬ БЫЛА УМЕНЬШЕНА СНАЧАЛА СО ВТОРОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ДО 7,6 КИЛОМЕТРА В СЕКУНДУ, ЗАТЕМ, ПРИ СЛЕДУЮЩЕМ ПОГРУЖЕНИИ В АТМОСФЕРУ, ТОРМОЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЛОСЬ, «ЗОНД-6» ТАКЖЕ СНИЖАЛСЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЭРОДИНАМИЧЕСКОГО КАЧЕСТВА. ЭТО ОБЕСПЕЧИЛО ЕГО ПРИЗЕМЛЕНИЕ В ЗАДАННОМ РАЙОНЕ ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

НАМЕЧЕННАЯ ПРОГРАММА ИСПЫТАНИЙ И ОТРАБОТКИ БОРТОВЫХ СИСТЕМ, АГРЕГАТОВ, УЗЛОВ И АППАРАТУРЫ, А ТАКЖЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЫПОЛНЕНА.

«ПРОТОН-4» — НА ОРБИТЕ

ЗАПУЩЕНА КРУПНЕЙШАЯ В МИРЕ АВТОМАТИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ.

ОБЩИЙ ВЕС ПОЛЕЗНОГО ГРУЗА, ВЫВЕДЕННОГО НА ОРБИТУ (БЕЗ ПОСЛЕДНЕЙ СТУПЕНИ РАКЕТЫ-НОСИТЕЛЯ) — ОКОЛО 17 ТОНН, ВЕС НАУЧНОЙ АППАРАТУРЫ — 12,5 ТОННЫ.

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ СОВЕРШАЕТ ОБОРОТ ВОКРУГ ЗЕМЛИ ЗА 91,75 МИНУТЫ, МАКСИМАЛЬНОЕ УДАЛЕНИЕ ЕЕ — 495 КИЛОМЕТРОВ, ПРИБЛИЖЕНИЕ — 255 КИЛОМЕТРОВ.

ВСЕ БОРТОВЫЕ СИСТЕМЫ, АГРЕГАТЫ СТАНЦИИ И НАУЧНАЯ АППАРАТУРА РАБОТАЮТ НОРМАЛЬНО.

В космос выведена самая тяжелая автоматическая научная станция из всех, которые до сих пор были запущены в мире. Это говорит о мощи советской ракеты-носителя, об огромных возможностях нашей ракетной техники. Но само по себе это достижение потребовалось не для того, чтобы установить своеобразный рекорд. Есть глубокая научная необходимость в запуске тяжелых спутников Земли.

Наше время нередко называют атомным веком. Его свершения в мирной и военной областях общеизвестны. Значительно менее известен такой на первый взгляд парадоксальный факт: наука до сих пор не знает тех глубинных законов, которые управляют атомным ядром, теми огромными ядерными силами, которые человек пытается — и в некоторых областях довольно успешно — поставить себе на служение.

Как устроен микромир, по какому чертежу возведено здание материи? Без ответа на эти фундаментальные вопросы не может успешно развиваться наука. И вот во всем мире физики решают эту сложнейшую задачу, для этого во многих странах строятся огромные ускорители, в них элементарные частицы разгоняют до фантастических энергий. В Серпуховском протонном ускорителе — крупнейшем в мире — до 76 миллиардов электроновольт. Созданы проекты ускорителей на двести и даже на тысячу миллиардов.

Но из Вселенной идут к Земле частицы с такими большими энергиями, которые не могут быть реально получены пока ни на одном ускорителе и даже не предполагаются в самых оптимистических проектах. Речь идет о космических лучах — потоке частиц, среди которых основную часть составляют протоны. Что порождает их? Вспышки сверхновых звезд, какие-то неизвестные науке процессы внегалактического происхождения. При полетах советских межпланетных станций «Венера-2», «Венера-3», «Зонд-3» впервые были зарегистрированы космические лучи солнечного происхождения.

Но как изучать космические лучи? В чистом виде на поверхности Земли это сделать невозможно. Врываясь в атмосферу, они порождают поток вторичных частиц, тормозятся, растрачивают свою энергию. Вот почему исследователи поднимаются на вершины гор, в области разреженной атмосферы. Но и там интенсивность потока частиц мала.

Подлинная революция в изучении космических лучей произошла в результате развития ракетно-космической техники. Вынести сложную, тяжелую измерительную аппаратуру за пределы земной атмосферы, познакомиться с космическими лучами в их чистом виде — эта возможность безгранично расширила научный поиск.

В Советском Союзе запуском тяжелых космических станций серии «Протон» — в 1965—1966 годах — на орбиту были выведены целые физические лаборатории, оснащенные уникальной научной аппаратурой.

С помощью этой аппаратуры были всесторонне изучены налетающие частицы очень высоких энергий: была измерена их энергия, определена их природа, исследовано, как они взаимодействуют с атомными ядрами вещества, была установлена вероятность ядерных процессов, сделано еще множество сложных и важных измерений, получены данные, которые, в случае, если они подтвердятся в последующих экспериментах, будут иметь колоссальное значение для создания теории взаимодействия элементарных частиц.

РОДОЛЖАЕТСЯ

Сейчас в космосе новая физическая лаборатория — «Протон-4». Она продолжает исследования, начатые тремя ее предшественницами — автоматическими космическими станциями серии «Протон».

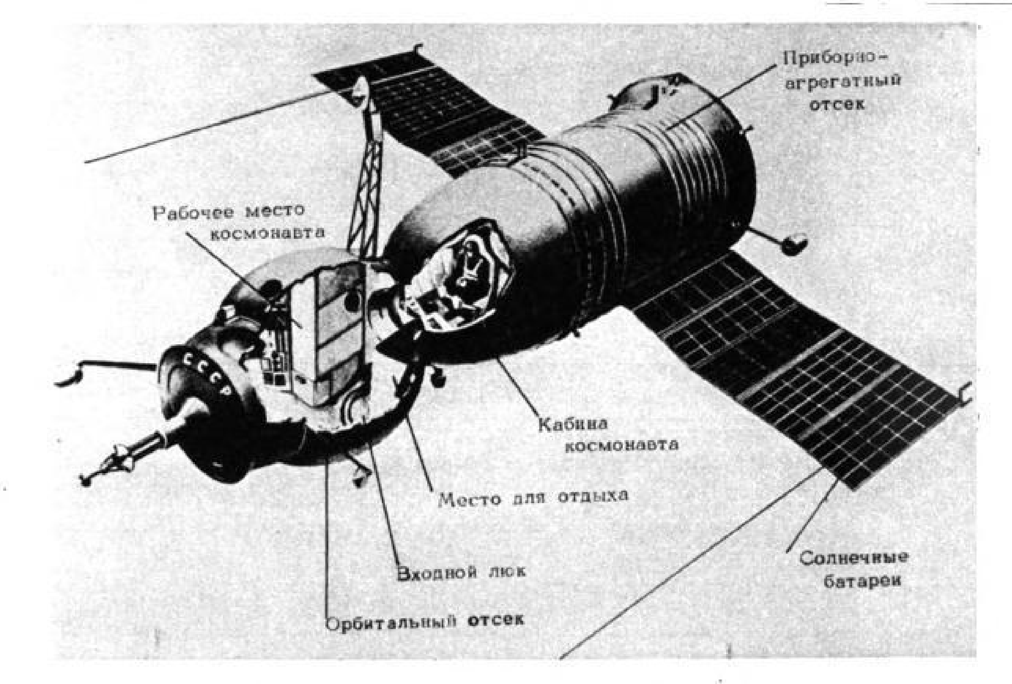
Программа научных экспериментов «Протона-4» велика. Среди многих существенных исследований она включает определение энергий частиц, входящих в космические лучи — вплоть до 10^{15} электроновольт. Если расшифровать это астрономическое по своей величине число и сравнить его с известными нам, то речь пойдет о возможности уловить частицы небывалых, сверхвысоких энергий — до миллиона миллиардов электроновольт! Это в тысячу раз больше, чем предполагается получить на одном из ускорителей, который только еще проектируется и, естественно, далек от практического воплощения.

В научную программу «Протона-4» входит и поиск в первичных космических лучах кварков—частиц с дробным электрическим зарядом. Анализируя этот пункт программы автоматической станции, мы снова возвращаемся к проблеме строения материи.

В последние годы было открыто огромное количество элементарных частиц и резонансов. Ученые еще не знают, зачем природе такое количество «кирпичиков» материи. И они задумываются, нельзя ли все это многообразие свести к некоторому небольшому числу действительно основных, действительно элементарных частиц, из которых образовались все известные нам протоны, нейтроны, мезоны и т. п. В этом предположении заложена глубокая мысль о простоте строения Вселенной.

По некоторым теоретическим представлениям такими первочастицами или прачастицами могут быть гипотетические кварки, пока еще не обнаруженные ни на одном из ускорителей на Земле. В принципе они могут содержаться в ничтожном количестве в космических лучах. Открытие кварков означало бы революцию в наших представлениях о материи и Вселенной.

Космические эксперименты, поставленные на советской автоматической станции «Протон-4», имеют огромное значение для науки.



В нашей печати опубликованы дополнительные данные об устройстве космических кораблей «Союз». Важные сведения, в частности, сообщаются в разделе «медико-биологическое обеспечение».

Мы обратились к профессору Ю. Г. НЕФЕДОВУ с просьбой более подробно рассказать о медико-биологическом обеспечении четырехсуточного полета летчика-космонавта Георгия Тимофеевича Берегового.

С комфортом!

Профессор Ю. Г. НЕФЕДОВ

Научиться безукоризненно управлять космическим кораблем — задача чрезвычайно сложная. Достаточно сказать, что для характеристики работы в космосе трудно, а может быть, даже невозможно подобрать аналогичную земную профессию. Одно можно сказать наверняка: деятельность космонавта сочетает в себе не только высокую физическую, но и колоссальную интеллектуальную нагрузку.

Сближение с таким объектом, как беспилотный корабль «Союз-2», с помощью системы ручного управления требует от космонавта полной мобилизации всех физических и нервнопсихических ресурсов организма. Задача подготовки полета состояла в том, чтобы обеспечить в кабине космического корабля условия, близкие к комфортным. Это было необходимо для того, чтобы Георгий Тимофеевич Береговой не тратил силы на преодоление трудностей, неизбежно возникающих в процессе полета, а сосредоточил все свое внимание на выполнении предусмотренной программы.

Как же были созданы такие условия?

Прежде всего их удалось достичь благодаря конструкции космического корабля «Союз-3». Она позволяла поддерживать на все время полета привычную для жителя Земли температуру, давление и влажность воздуха. Размеры корабля дали возможность выделить и оборудовать специальный отсек, предназначенный для отдыха. Большой объем помещения, больший простор позволял космонавту не только свободно передвигаться, но и выполнять комплекс физических упражнений. Они поддерживали тонус мышц и посредством этого тонус центральной нервной системы. Большое значение имело и то, что Г. Т. Береговой был снабжен необходимыми средствами личной гигиены.

Я уже упомянул о физических упражнениях. Разумеется, все они были разработаны на Земле. Цель их была — повысить сопротивляемость организма вредным условиям полета, возникающим из-за перегрузок в момент выведения корабля на орбиту, из-за невесомости и влияния замкнутого пространства кабины.

Наконец, огромное значение имела отработка пищевого рациона космонавта. Известно, что напряженная физическая и особенно умственная деятельность требует повышенного содержания ряда пищевых веществ, минеральных солей, витаминов. И эти требования были учтены. Завтрак, обед и ужин Г. Т. Берегового включали все необходимые пищевые вещества, были полностью сбалансированы по отношению к энерготратам организма во время выполнения задания.

Сегодня мы можем утверждать, что системы жизнеобеспечения космического корабля «Союз-3» работали отлично. Уверенно и спокойно выполнял Георгий Тимофеевич Береговой сложные маневры по сближению кораблей и переходу на другую орбиту полета, четко включал механизмы ручного управления, следил за приборами. Все, кто следил за телесеансами из космоса, видели, что он чувствовал себя в замкнутой кабине корабля, летящего в космических просторах, как у себя дома. Все субъективные ощущения космонавта во все время полета подтверждались объективными данными приборов, следящих за его самочувствием. Достаточно сказать, что частота пульса товарища Берегового в момент работы была равна 63 ударам в минуту, частота дыхания — 16 в минуту. Не было, по данным телеметрии, изменений в электрокардиограмме. Все это непреложно свидетельствовало о том, что Г. Т. Береговой был хорошо подготовлен длительными тренировками наземных космических тренажеров. Его организм быстро приспособился к условиям космического полета.

Г. МАКАРОВ

...Отгрохотали танки, по серостальной брусчатке проплыли тела могучих ракет. Замыкая парад, последним покинул Красную площадь сводный оркестр. И вот среди колонн демонстрантов на ее простор вышел Ленин — живая людская волна вознесла над площадью огромный портрет. Смолкли марши, и из репродукторов над Кремлем, над Москвой, над всей страной раздался голос Владимира Ильича. Миллионы и миллионы людей услышали бессмертные ленинские слова: «Советская власть есть путь к социализму, найденный массами трудящихся и потому — верный и потому — непобедимый».

Всего три минуты звучит речь В. И. Ленина «Что такое Советская власть?», но для тех, кто восстановил запись этой речи, эти три минуты во время демонстрации 7 ноября 1963 года были и останутся минутами гордости и счастья. Разве могут они забыть момент, когда старые большевики, работавшие с В. И. Лениным,— Ф. Н. Петров, Л. А. Фотиева, П. И. Воеводин, С. Г. Уралов, Т. С. Кривов, Е. К. Минина,— прослушав варианты восстановленных записей (а их было подготовлено несколько), единодушно заявили: «Да, это голос Владимира Ильича...»

...Кинозал. Такой же, как и многие другие. И не такой. Уже давно с одинаковым и неизменным интересом, пристальным вниманием, боясь пропустить малейшую деталь, смотрят здесь люди один и тот же фильм. Сюда, в Музей Владимира Ильича Ленина, приходят второй раз, третий... На экране — Ильич. Живой Ленин улыбается, идет по Ивановской площади Кремля, отвечает собеседнику, садится в автомобиль, произносит речь. Замирает зал, кажется, вот-вот, сейчас мы услышим ленинский голос. Нет, в те времена кинематограф был хотя и великим, но, увы, немым. Уже близок конец фильма, и вдруг Ленин заговорил.

Граммофонные пластинки сохранили голос Ленина. Но как же несовершенна была техника звукозаписи! Вот он, известный снимок фотографа Центропечати Л. Леонидова. На этом снимке руководитель первого в мире социалистического государства стоит перед картонным рупором, подвешенным на веревочках. Примитивный этот прибор, конечно, не был в состоянии передать все богатство оттенков голоса, а материал первых пластинок только ухудшал качество звучания. Скользя по его неоднородной шероховатой поверхности, игла граммофона воспроизводила шумы, треск, щелчки.

Первые попытки реставрации в основном касались звуконосителя — пластинки. Новый метод предполагал улучшение, очистку, реставрацию не звуконосителя, а самого звука.

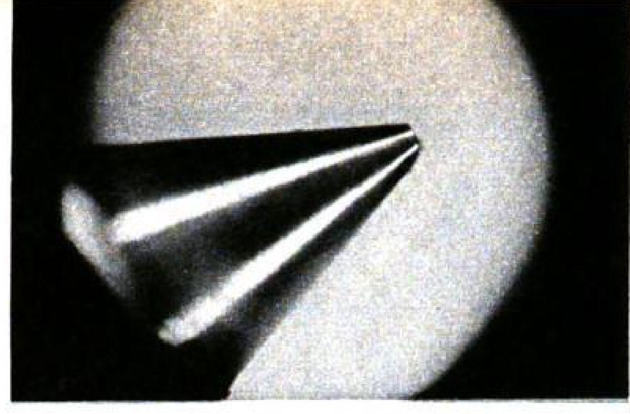
Прежде всего нужно было найти ранние пластинки с речами В. И. Ленина и матрицы, с которых они печатались. Реставраторы совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС разработали план самой настоящей розыскной операции. Искали в Красногорском архиве кинофотофонодокументов, в музеях, в частных собраниях.

Было и другое направление поиска. Примитивная техника звукозаписи того времени могла исказить тембр голоса Ильича. Всякий, кто слушал старые граммофонные пластинки с записями речей Ленина, полагает, что у Владимира Ильича был тенор. Так ли это? Известно, что Ленин любил петь. Репертуар указывает, хотя, конечно, и косвенно, на характер голоса. В одном из писем к матери из ссылки Владимир Ильич говорит: «какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, чтó и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня выражалась)».

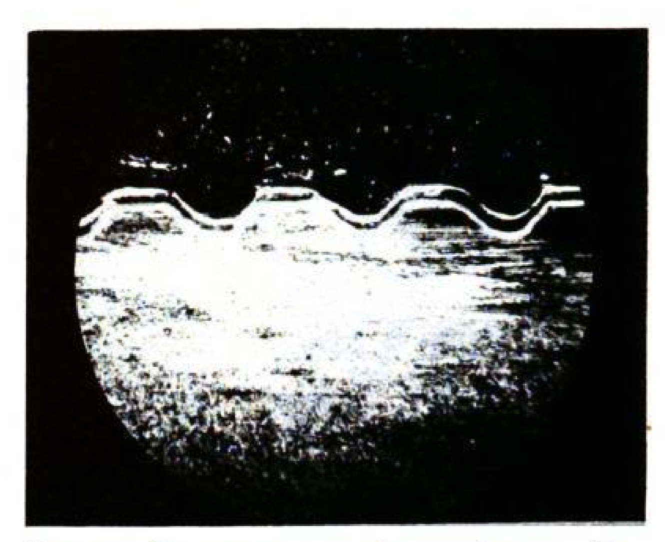
Найдены наконец оригиналы ранних грампластинок, с них получены копии. Казалось бы, можно перенести запись на магнитную ленту и начать следующий этап работы. Но с какой скоростью должен вращаться диск, чтобы звучание было наиболее правильным? С той, конечно, с которой была произведена запись. Нужно было изучить всю литературу о технике грамзаписи начала века и о технических параметрах применявшейся в 1919—1920 годах аппаратуры. Затем начались эксперименты. Одна из пластинок, с записью арии из оперы «Фауст», была изготовлена на той же аппаратуре, что использовалась для записи речей В. И. Ленина. И вот оказалось, что пластинка эта зазвучала правильно только при 78 оборотах диска.

Дальше началась поистине ювелирная работа. Магнитную запись с ранней пластинки буквально препарировали. Вырезали все щелчки и шумы, не накладывавшиеся на слова. Бывало, что таких щелчков

ГОВОРИТ ЛЕНИН



Под микроскопом — одна из корундовых игл, изготовленных в Ниналмаз по заказу группы реставрации.



Поперечный срез пластинки под микроскопом. Эти канавки запечатлели голос Ленина.



В аппаратной реставрации. Звукорежиссеры Д. Гаклин, В. Таболин и Б. Жорников.



из одной только записи речи, длящейся всего три минуты, вырезывалось до 250.

Вновь переписанная лента, уже без щелчков, еще и еще раз подвергалась коррекции. Снижение уровня шумов, поиск и возможное сохранение и восстановление интонационного строя каждой из речей проводились с использованием новейшей, а порой и специально сконструированной в этих целях аппаратуры.

В задачи этого репортажа не входит подробное описание всех деталей технологии, но как не вспомнить хотя бы о подборе иглы для первичного прочтения оригинала! Первую седлообразную иглу из бамбука сделал Борис Жорников лезвием безопасной бритвы, а закончился этот этап работы заказом корундовых игл с различной геометрией заточки в Ниналмаз. Чтобы определить наиболее приемлемую форму острия иглы, пришлось сделать поперечные срезы пластинки с записью и под микроскопом изучать форму канавки, несущей звук.

...В аппаратной реставрации Государственного дома радиовещания и звукозаписи через ролики магнитофона пятый, десятый, двадцатый раз вновь и вновь бежит склеенная в кольцо короткая лента. На ней препарированная часть записи — два-три слова. Электронный луч чертит на экране трубки картину спектра звуковых частот голоса Ленина. Чем не поверка гармонии алгеброй? Но пока еще никакая аппаратура не может воссоздать полную картину характеристик голоса и заменить тончайшую человеческую способность, именуемую музыкальным слухом. Поэтому люди, работавшие у корректоров звуковых частот, у шумоподавителей, спектрографов и звукосмесителей, должны были быть одновременно инженерами и музыкантами-профессионалами. Таким образом, появлялась обратная связь: теперь уже алгебра поверялась гармонией. Слова, произнесенные Владимиром Ильичем перед картонным рупором и записанные иглой на восковом диске, окрасились богатством интонаций, наполнились теплом живого голоса Ленина.

Нередко случается так, что исследования приводят не только к решению основной задачи, но приносят попутные открытия, порой не менее важные.

Тщательно знакомясь с исходным материалом для реставрации записей ленинских речей, группа звукорежиссеров — Д. И. Гаклин, Б. А. Жорников и В. Н. Таболин — на основании изучения маркировки, технических особенностей матриц и пластинок пришла к выводу, что это первые записи, сделанные в советское время, а пластинки с речами В. И. Ленина — первые советские грампластинки.



Славный юбилей

24 ноября исполняется 50 лет со дня основания Коммунистической партии Венгрии.

Полвека назад в этот день квартира инженеров Келен в доме № 42 по улице Варошмайор в Будапеште была предоставлена «напрокат» для важного совещания. Его нельзя было провести в рабочем общежитии или в кафе, так как полиция сразу же пронюхала бы об этом. Собралось около 40 человек. Среди них был и Бела Кун. Он выступил с докладом, в котором говорил о русской пролетарской революции, о необходимости создания партии, захвата политической власти. После прений совещание вынесло решение: создать новую, самостоятельную рабочую партию, партию венгерских коммунистов.

Партия избрала Центральный Комитет, председателем стал Бела Кун. «Образование Коммунистической партии Венгрии было исторической вехой в жизни венгерского рабочего класса и венгерского народа. С образованием партии венгерский рабочий класс и вся венгерская нация получили целеустремленного руководителя»,— так оценил значение этого события первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар. Говоря о рождении Коммунистической партии Венгрии, Янош Кадар напоминает о том, что основатели партии руководствовались идеями и учением великого Ленина.

Через несколько месяцев после того, как образовалась Венгерская коммунистическая партия, в Венгрии была провозглашена Советская республика. Ее горячо приветствовал Ленин.

Компартия Венгрии продолжила и обогатила замечательные интернациональные традиции венгерского рабочего движения. Ее создание стало важным звеном развертывания мирового коммунистического движения.

Создание коммунистической партии означало поворот в венгерском рабочем движении и в истории венгерского народа. И вот уже полвека венгерские коммунисты являются авангардом, поистине ведущей революционной силой венгерского рабочего класса, всего венгерского народа.

Венгерская социалистическая рабочая партия является преемником и продолжателем дела Коммунистической партии Венгрии. ВСРП твердо и решительно выступает за развитие социалистической экономики, за прочное единство братских социалистических стран, продолжает дело, начатое пятьдесят лет назад венгерскими революционерами, создавшими Коммунистическую партию Венгрии.

На снимке: В. И. Ленин и Тибор Самуэли — представитель Венгерской советской республики — в Москве. Май 1919 года.

ФОНД МИРА: САМЫЕ ДОРОГИЕ ДЕНЬГИ

Кропоткинская улица, 10, Фонд мира. Этот адрес известен многим. Сюда, на старую московскую улицу, когда-то застроенную дворянскими особняками, придающими свою особую прелесть старому центру столицы, в дом, принадлежавший в прошлом декабристу М. Ф. Орлову, приходят денежные переводы. Иногда с одной подписью, а иной раз и без нее. Я видел бланк, на котором было написано «гражданин СССР». И все. Но чаще денежный перевод сопровождает письмо. Собственно, даже не письмо, а исповедь, признание, идущее из глубины сердца.

«Я инвалид Отечественной войны второй группы, 1901 года рождения, безногий и больной. Экономически живу небогато. Но чувствую необходимость из своего скромного сбережения внести в Фонд мира 100 рублей. Таким образом я поднимаю свой голос протеста против хищничества американского империализма, помогаю предупредить вспышку мировой войны, сохранить жизнь и спокойствие на земле».

Это пишет Иван Романович Таранчук из села Гавриловка, Винницкой области.

В Фонд мира приходят и телеграммы.

«Мы, пионеры лагеря «Орленок» Свердловска, шлем детям борющегося Вьетнама деньги, заработанные в лесопитомнике, желаем скорейшей победы вашей родине. Пусть всегда будет солнце, мир».

Красный партизан из Дагестана Пирали Амаев в 1919—1920 годах командовал пулеметным отрядом. Он выслал в Фонд мира свою двухмесячную пенсию.

Есть письма, в которых как бы собрана, сконцентрирована история целого поколения. Вот одно из них:

«Я домашняя хозяйка. Муж умер год назад, был рабочим. У нас трое детей, дети получили высшее образование, все работают, мне помогают. Я получаю пенсию. Недавно переехала на новую квартиру со всеми удобствами, живу хорошо, читаю газеты, слушаю радио. Моя небольшая помощь, надеюсь, даст пользу.

Даканова из Москвы».

Одно из писем, полученных Фондом мира, привело меня в Одессу, на улицу 1905 года, к И. Б. Яхинсону.

Меня встретил сухой, подвижной человек, с пышными седыми волосами и белой острой бородкой.

— Через месяц,— сказал он,— жизнь моя заходит в 79-й год. Вся моя работа была связана с воспитанием: начал с того, что учил детей азбуке в школе, кончил лектором в педагогическом вузе. А сейчас лекции читает мой сын — доктор технических наук. Другой сын пошел добровольцем в армию и погиб в войну. Год назад умерла моя жена. Впервые мы с ней послали деньги в Фонд мира в шестьдесят втором году. За две недели до смерти жена сказала мне: «Мы уже давно не посылали деньги в Москву». Так что моя помощь Фонду мира — это не только выражение общественного сочувствия Вьетнаму, арабским народам и нашей внешней политике, это и моральное завещание.

...Мария Исаковна Кефели по профессии врач-стоматолог. Она караимка. Родилась в Полтаве, отец работал на табачной фабрике. В гимназии она долго бы не проучилась — у отца не было денег,— если бы не материальная помощь писателя В. Г. Короленко. О нем, о его дочерях Мария Исаковна вспоминает с особым теплом. В двадцатых годах переехала в Одессу, работала в «коллективе безработных». В грозные месяцы штурма Одессы участвовала как врач в обороне города, была ранена.

За помощь подпольщикам, за мужество, проявленное в тяжелое для одесситов время, Мария Исаковна награждена медалью «За доблестный труд».

Но не менее ценна врачу и другая реликвия — пожелтевший листок бумаги с написанной от руки благодарностью Одесского комсомола: «М. И. Кефели, работая врачом-педагогом в период оккупации, проявила облик советского врача, помогая молодежи...»

Во время войны Мария Исаковна вместе с сестрой спасала от гитлеровской расправы одесских евреев. В июне 1967 года Мария Кефели послала деньги в Фонд мира в помощь арабским народам, пострадавшим от израильской агрессии.

— Когда началась эта жуткая история,— сказала мне она,— я была очень удручена. Я подумала: как я могу помочь арабам в такое тяжелое время? Материально. В этом нет ничего удивительного: мы интернационалисты. Так уж мы воспитаны. Отец работал всю жизнь, и мы тоже. А у тех, кто трудится, свои принципы.

...Эвелина Арутюнян работает воспитательницей в интернате. Вечерами она учится на вечернем отделении исторического факультета МГУ. Уже на шестом курсе. Ее специальность — история партии. Помимо этого, есть и общественные поручения. Полтора года — секретарь комсомольской организации. Сейчас Эвелина ведет на работе семинар по теме «Коллектив и личность». Два месяца назад вступила в партию.

— Я не знала войны. Хотя коечто помню: карту, на которой отец отмечал положение на фронте, затемнения, лампу-коптилку. Мне было тогда как раз столько же, сколько сейчас моей дочке Олечке. Не хочу, чтоб у нее были такие воспоминания. Наверное, поэтому я и шлю деньги в Фонд мира.

У семьи Арутюнян хорошие революционные традиции. Дед Эвелины, математик, вместе с Н. И. Подвойским активно участвовал в революции.

...На Кропоткинской меня принимает ответственный секретарь Фонда мира Леонид Георгиевич Никонов.

— Наш Фонд,— рссказывает он,— существует около семи лет. Это общественная организация, созданная на добровольных началах по инициативе советской общественности. В Уставе Фонда сказано, что он «призван оказывать финансовую поддержку организациям и лицам, ставящим своей целью содействие сохранению и укрепле-



Советский корабль «Раздольное», направленный советским Фондом мира и Комитетом поддержки Вьетнама, разгружается в порту Хайфона. Судно привезло во Вьетнам промышленные и продовольственные товары в дар вьетнамскому народу от советских людей.

нию мира во всем мире, развитие дружбы, взаимопонимания и солидарности между народами, всеобщее и полное разоружение». Средства Фонда мира идут на подготовку и проведение мероприятий в защиту мира и демократии, в поддержку национально-освободительной борьбы народов, за сплочение всех прогрессивных сил в их борьбе с империализмом.

Фонд мира существует не только на пожертвования отдельных лиц. Сравнительно недавно, например, рабочие волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь» перевели на помощь детям Вьетнама свои сбережения — 8 310 рублей. Свыше тысячи рублей из личных средств внесли сотрудники Министерства газовой промышленности СССР и работницы Тульского пошивочного комбината.

Предприятия перечисляют на наш счет средства, заработанные трудящимися на субботниках и воскресниках. К нам поступают гонорары от писателей, ученых, художников, театральных коллективов. Когда вьетнамские школьники или бойцы армии Освобождения получают подарки из Советского Союза, когда к нам, в Фонд мира, приходит благодарность от борцов за свободу Зимбабве или Южной Африки,— в этом заслуга и тульских ткачих и металлургов Волгограда. Когда арабские беженцы получают советские одеяла, палатки и медикаменты, когда жертвы атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки лечатся с помощью советского медицинского оборудования,— это значит, что рабочие Волгограда, инвалид с Украины и московская домохозяйка, бывший дагестанский партизан и школьники Свердловска знают, помнят, беспокоятся о них. Беспокоятся от души и по велению сердца.

— Фонд мира растет из года в год,— сказал в заключение Л. Г. Ниионов.— Это может происходить только в стране, народ которой полон душевных сил и щедр сердцем. Всем людям, которые помогают нам, я прошу передать через журнал «Огонек» благодарность и наш глубокий поклон.

А. ИГНАТОВ

●

Лучший вратарь — Юрий Пшеничников



Растет список лучших вратарей страны, обладателей Кубка «Огонька». Трижды кубком награждался Л. Яшин, почетный приз вручался В. Маслаченко, С. Котринадзе, В. Банникову. Дважды им награждался А. Кавазашвили. В нынешнем году лучшим вратарем страны признан Юрий Пшеничников, вратарь команды ЦСКА, страж ворот сборной команды СССР.

Фото А. Бочинина.

ВЕРНЫЙ СЫН НАРОДА



К 70-летию Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского

Давно бытует в народе крылатое изречение о том, что каждый солдат носит в своем ранце жезл маршала... Этот афоризм навеян многолетней мечтой простых парней, одетых в серые солдатские шинели, выбиться, что называется, в люди. Но мечта оставалась мечтой. Только после Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной в нашей стране, эта мечта нашла реальную почву для своего осуществления. Наши генералы и адмиралы — это вчерашние рабочие, крестьяне, студенты, служащие. Маршалами и адмиралами Советского Союза стали бывшие солдаты и матросы С. М. Буденный, А. И. Еременко, Н. Н. Воронов, И. С. Исаков. Среди славных имен советских полководцев в первом ряду заслуженно стоит имя дважды Героя и Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского.

С ранних лет связал он свою жизнь с армейской службой. В годы первой мировой войны солдат Малиновский был дважды ранен, получил Георгиевский крест. А ведь тогда пулеметчику едва минуло шестнадцать...

Сразу же после Октябрьской социалистической революции Родион Яковлевич добровольно стал бойцом молодой Красной Армии. Почти полвека верно служил своему народу один из храбрейших и талантливейших его сынов. Он принимал непосредственное участие в боях против белогвардейцев и иностранных интервентов в годы гражданской войны, а в мирное время отдавал все свои силы и незаурядные способности военачальника строительству и укреплению Советской Армии. Впервые свои силы Р. Я. Малиновский испытал в боях в республиканской Испании в 1936—1938 годах. Но его замечательный полководческий талант по-настоящему проявился и развернулся в годы Великой Отечественной войны, когда он последовательно занимал посты командира корпуса, командующего армией и командующего войсками Южного, Юго-Западного, 2-го и 3-го Украинских фронтов.

В выпущенной на днях Воениздатом книге «Солдатский долг» К. К. Рокоссовского описан такой эпизод.

Вступив в конце 1942 года в должность командующего Сталинградским фронтом (вскоре он был переименован в Донской), К. К. Рокоссовский отправился в 66-ю армию, которой тогда командовал генерал Р. Я. Малиновский. Ее части и соединения занимали оборону в междуречье Волги и Дона и вели тяжелые бои с превосходящими силами противника. Прибыв на командный пункт 66-й армии, К. К. Рокоссовский не застал там командарма: он выехал в одно из подчиненных ему соединений. Побывав на командных пунктах дивизий и полков, Рокоссовский добрался до КП батальона, но и здесь ему не удалось встретиться с командармом. Сказали, что он находится в одной из рот.

«Нужно сказать,— вспоминает К. К. Рокоссовский,— что в этот день здесь шла довольно оживленная артиллерийско-минометная перестрелка, и было похоже на то, что противник подготавливает вылазку в ответ на атаку, проведенную накануне войсками армии. Я решил добраться туда из любопытства: чем там занимается командующий? Где в рост по ходу сообщения, а где и согнувшись в три погибели, по полузасыпанным окопам, добрел до самой передовой. Здесь и увидел среднего роста коренастого генерала. После церемонии официального представления друг другу и краткой беседы я намекнул командарму, что вряд ли есть смысл ему лазить по ротной позиции, и порекомендовал выбрать более подходящее место, откуда будет удобнее управлять войсками. Родион Яковлевич Малиновский замечание выслушал со вниманием. Угрюмое лицо его потеплело.

— Я сам это понимаю,— улыбнулся он.— Да уж очень трудно приходится, начальство нажимает...

Расстались мы друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику».

Таким был и навсегда останется в наших сердцах — в сердцах солдат, офицеров, генералов и всех, кто хорошо знал его по фронту,— простой и отзывчивый, храбрый и мудрый военачальник Родион Яковлевич Малиновский. Войска, которыми он командовал, громили фашистские полчища на Волге и в Донбассе, на юге Украины и в Молдавии. Его имя хорошо знакомо трудящимся Румынии и Венгрии, Чехословакии и Австрии. Он был удостоен многих наград социалистических стран, в освобождении которых принимали участие руководимые им войска. Большая заслуга принадлежит Родиону Яковлевичу Малиновскому и в ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке — разгроме сильнейшей Квантунской армии японских империалистов.

Родион Яковлевич Малиновский являлся не только выдающимся советским полководцем, прошедшим все ступени нелегкой армейской службы, он был всесторонне одаренным человеком вообще. С большим и дружеским вниманием следил он за развитием советской литературы и высоко ценил ее. Выступая в феврале 1964 года на встрече с писателями и мастерами искусств он говорил:

«...У вас в руках могучее оружие — оружие художественного образа, обладающего огромной силой эмоционального воздействия на души и сердца людей. И если это оружие всегда исправно и нацелено правильно — оно бьет верно, без промаха».

Родион Яковлевич и сам занимался литературным трудом. Ему принадлежат многие статьи, брошюры и книги. В 1965 году в журнале «Огонек» были опубликованы главы из книги «Гневные вихри Испании», в которых автор рассказал о малоизвестных, но насыщенных большими событиями страницах своей биографии... Родион Яковлевич является одним из авторов книги «Ясско-Кишиневские Канны». В 1965 году в издательстве «Знание» вышла его книга о Великой Отечественной войне — «Величие победы». А недавно, уже после смерти автора, в журнале «Москва» появились отрывки из его новой книги «Солдаты России».

Полковник С. БОРЗУНОВ

Компас в поле

В. ШАЙКИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

Сегодня нельзя быть гражданином своей страны, оставаясь равнодушным к делам колхозным и совхозным, к делам в одном из главных цехов материальной базы коммунизма. Проблемы кино, литературы, градостроительства, воспитания молодежи волнуют — и справедливо — нашу общественность. Не могут не волновать ее и судьбы нашего сельского хозяйства, с продукцией которого мы встречаемся на дню много раз. Вот почему все мы приветствуем дальнейшее осуществление политики партии и практические меры по развитию сельского хозяйства, выработанные XXIII съездом КПСС.

Не раз мне приходилось слышать: если использовать в нашем сельском хозяйстве все знания, весь опыт, накопленные человеком, урожаи по крайней мере удвоились бы! Я несколько лет работал на опытной станции, мы многое пытались осуществить на деле. И что же? Даже при том уровне механизации, который был в нашем распоряжении лет десять назад, нам действительно удавалось — в основном за счет агротехнических мер — получать урожаи в полтора-два раза выше, чем в колхозах и совхозах, окружающих станцию. И это не только на делянках, а в элитном хозяйстве, к тому же в дальнем, таежном углу Красноярского края...

Я нарочно ссылаюсь на этот, может быть, не совсем типичный пример. Где-нибудь под Москвой или Воронежем природно-экономические условия, конечно, лучше, и высокий эффект может быть достигнут с меньшими затратами сил и средств. Практика передовиков свидетельствует о том, что это правда; если умело применять в поле, в саду, на огороде хотя бы только то, что рекомендуют агрономические учебники, не говоря уже о новейших достижениях науки и техники, можно ежегодно собирать куда больше продуктов питания с каждого квадратного метра земли, с каждого гектара, чем это удается сейчас.

За чем же дело стало?— невольно возникает вопрос. Вот что об этом сказано в постановлении состоявшегося в конце октября Пленума ЦК КПСС: «Во многих колхозах и совхозах медленно внедряются передовые приемы ведения хозяйства, лучшие формы и методы организации труда и производства, еще слабо поставлена экономическая работа». То есть нередко игнорируются научные основы ведения хозяйства — научные!

Культура земледелия... Выражение это стало модным, в последнее время оно примелькалось в печати, вот-вот и его постигнет инфляция, а между тем именно культуры земледелия недостает многим хозяйствам. Иначе чем же объяснить, что в прошлом году на Украине более 900 хозяйств намолотили... менее 10 центнеров зерна с гектара, в то время как 650 — по 30 центнеров и более! А в Казахстане хозяйств, собравших меньше 10 центнеров зерна с гектара, еще больше — 1 332, и лишь 152 хозяйства получили по 16 и более центнеров. Как видно даже из этих цифр, есть над чем задуматься руководителям производственных управлений, всем, кого волнуют судьбы нашей деревни.

Так вот нас — скажем, потребителей — не может не волновать, почему же многие хозяйства, находящиеся совершенно в одинаковых условиях, имеют столь различные результаты. Этим вопросам не случайно была посвящена работа Пленума ЦК КПСС. Анализ и здравое размышление показывают: да, они работают неодинаково! Сказывается разная культура людей, и прежде всего недостаточно развитая производственная культура некоторых руководителей и специалистов, планирующих и организующих работу на земле, а зачастую и низкая культура непосредственных ее исполнителей — трактористов, сеяльщиков, полеводов. Культура земледелия сегодня должна определять всю деятельность в хозяйстве, если его руководители, сами земледельцы, механизаторы рассчитывают на прочный успех. А главный показатель их работы — получить как можно больше продукции при наименьших затратах. Истина? Но как нелегко она пробивает себе путь! Ведь можно получить неплохой урожай и за счет ручного труда — обрабатывая землю тяпкой, поливая всходы из лейки, подкармливая растения из горсти. И не раз вот так и «били» рекорды. Но рекорды урожайности еще не говорят о высокой культуре, так как производительность труда при этом может оставаться очень низкой. А поднять ее можно, лишь помня, что на дворе XX век, лишь опираясь на последние достижения науки и эффективно используя землю, машины, удобрения.

Что нынче главное в нашем сельском хозяйстве? Сейчас у нас в каждой природно-экономической зоне складывается **своя система ведения** хозяйства. Это целый комплекс агротехнических, организационных, гидротехнических и других мероприятий. Применяемые порознь, они, как правило, не дают должного эффекта. А ведь сколько раз мы грешили тем, что хватались то за одно, то за другое... Наступает время научно обоснованной системы земледелия. Выполнять все во взаимосвязи — значит иметь в хозяйстве (в каждом!) четкую систему чередования культур — севооборот. А в соответствии с ним и систему обработки почвы, удобрения растений и защиты их от болезней и вредителей. Но беда в том, что сложилось мнение, будто севооборот — это нечто книжное, сугубо специальное, необязательное для практиков и уж вовсе не интересное для тех, кто далек от сельского хозяйства. На самом деле все обстоит иначе, должно быть иначе!

Земледелие имеет свою историю. Ее должен знать хотя бы в общих чертах каждый культурный человек — так же, как историю своего государства, историю главнейших научных и технических открытий. Ибо это история отечественных полей, а производство продуктов питания касается каждого из нас, от него зависит благосостояние общества. Вот почему мне хочется напомнить некоторые моменты ее.

...Яркий и теплый солнечный луч падает на зеленый лист растения, пронизывает его клеточки — и от его энергии в глубинах тончайших субмолекулярных структур рождается новое живое вещество. Коэффициент полезного действия солнечного луча может быть и большим и малым. Это зависит от того, какие именно растения мы заставим усваивать солнечную энергию, в какие условия поставим их, то есть насколько полно наша агротехника обеспечит нужды растений. Еще древние греки и римляне знали, что землю можно улучшать, если правильно менять на одном и том же поле возделываемые растения, периодически высевая бобовые культуры, хотя древние не могли даже догадываться о накоплении азота в почве бобовыми. Средневековая Европа жила на зерновой трехполке. У нас в стране тоже было так: одно поле — зеленый (обычно в сорняках) пар. Его называли «крестьянским», по нему можно было даже пасти скот. Другое поле занимала озимь, а третье — ярь. Урожай сам-три, сам-четыре, до 40—50 пудов с десятины. О большем можно было только мечтать!

А население росло. Вскоре все земли, которые можно было распахать, были использованы под посевы. Примитивное крестьянское хозяйство ничего не могло противопоставить засухе или другим неблагоприятным условиям. Неурожаи поражали целые страны, лучшие умы искали выход из положения.

В конце XV века Европа познакомилась с Америкой. На полях появились новые невиданные растения — кукуруза, подсолнечник, картофель и другие. Их благодаря широкорядному посеву и обработке междурядий во время ухода стали называть пропашными. Они имели совсем иной цикл развития, требовали другого подхода при возделывании. Заалели поля и клевером — он перешел сюда с лугов и перелесков (впервые это произошло в Нидерландах в XVI веке). Появились севообороты совсем нового типа: в них чередовались растения, дающие разные плоды. Такие севообороты получили название **плодосменных.**

Введение плодосмена позволило многим странам Европы вместо шести — восьми центнеров зерна с гектара собирать до шестнадцати. И это без применения минеральных удобрений, которых тогда еще не знали! А к нашему времени, когда удобрения используют в больших количествах и под все культуры, урожаи еще раз удвоились: тридцать и больше центнеров зерна с гектара — это средний уровень сейчас для некоторых стран.

Плодосменная система земледелия нашла немало сторонников и среди русских ученых. Достаточно вспомнить И. И. Комова, А. В. Советова, М. Г. Павлова. Однако осуществить ее до революции практически не удалось. Во всяком случае, достаточных следов этого почти не осталось даже в нашей специальной литературе. Но в работах П. А. Костычева, В. В. Докучаева, Д. Н. Прянишникова плодосменные севообороты получили дальнейшее научное обоснование.

Страна наша велика. Отдельные ее районы в природно-экономическом отношении сильно отличаются друг от друга. Поэтому в свое время было предложено несколько разновидностей русского плодосмена с учетом конкретных условий и **местных традиций в земледелии** каждой зоны. Была серьезная попытка одно время преувеличить роль многолетних трав. Но Дмитрий Николаевич Прянишников не придавал многолетним травам столь большого агротехнического значения, не присваи-

К. Махарадзе. ЗЕМЛЯ ГРУЗИНСКАЯ.



Н. Кузнецов. ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ.



В. Давыдов. НА СЕВЕРЕ. ДО СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА!

Д. Свешников. ЛЫЖНИЦА.



вал им универсальной роли. Он куда выше ценил удобрение почвы. И еще подчеркивал: должен быть выдержан принцип чередования разнородных культур! Он писал: «Сказанного, пожалуй, и довольно о наших севооборотах, принадлежащих в сущности к плодосменному типу, но **только с паром...»** (подчеркнуто мною. — **В. Ш.**).

Значит, если согласиться с Д. Н. Прянишниковым,— а с ним нельзя не согласиться! — внедряя так называемую травопольную систему, мы фактически пытались ввести плодосменные севообороты, но только в русском издании. Настоящего же травополья, к слову сказать, у нас никогда и нигде не было. А что оно из себя представляет? Это когда травы являются ведущими и занимают площадь большую, чем хлеба́. Такие севообороты целиком направлены на удовлетворение нужд животноводства.

Почему же тогда при всем старании в течение многих лет освоить севообороты плодосменного типа урожаи оставались низкими, особенно в нечерноземной полосе? Да потому, что мы их так и не освоили. Их ввели — да и то не полностью — лишь в единичных хозяйствах, главным образом в опытно-селекционных и семеноводческих, и здесь эффект был налицо.

В январе этого года мне пришлось быть на совещании работников сельского хозяйства центрально-черноземной полосы. Это богатейший по природным условиям край: черноземные почвы, широкие открытые поля, обилие солнца, достаточное количество влаги — все, казалось бы, есть для того, чтобы выращивать прекрасные урожаи. Однако средние сборы зерна по районам и областям сравнительно невелики: многие хозяйства получают мало потому, что не имеют освоенных севооборотов! Больше половины колхозов и совхозов находятся в таком положении... Запомнилось выступление директора совхоза «Михайловский», Панинского района, Воронежской области, Владимира Александровича Топоркова. За последние пять лет средний урожай зерновых культур в хозяйстве равен 28 центнерам с гектара. Совхоз ежегодно получает до 900 тысяч рублей прибыли при общей рентабельности производства в 46 процентов! И вот Владимир Александрович сказал, что главная причина совхозных успехов — **строгое соблюдение севооборота.** Оно помогает планово проводить обработки почвы и накоплять влагу в ней, вносить удобрения не вслепую, а с учетом плодородия каждого участка земли, помогает предупреждать эрозию почвы, четко вести борьбу с сорняками, вредителями и болезнями растений. Между умением работать, производственной эстетикой и результатом труда — прямая связь. У заботливого бригадира, грамотно ведущего дело, и поле красиво — обработано без огрехов, без единого сорняка.

Почему обо всем этом я так подробно рассказываю читателям отнюдь не отраслевого журнала? Потому что это тема большого государственного разговора. Хотя хозяйств, овладевающих культурой земледелия, становится все больше, процесс этот идет медленно. Несмотря на то, что сейчас для этого имеются необходимые материально-технические условия. И особо хочется подчеркнуть: первейшая проблема сейчас для колхозов и совхозов — ввести у себя и постоянно совершенствовать современный земледельческий комплекс! И держаться системы севооборотов плодосменного типа, несмотря ни на какие попытки нарушить их. Ни телефонные звонки из райконтор, ни соображения конъюнктуры не должны поколебать решимости мастеров земледелия вести свое хозяйство на прочной научной основе. От нищенской средневековой трехполки (пусть даже в квадрате или в третьей степени — все равно!) многого ждать сегодня не приходится. Об этом убедительно говорит большой опыт. Однако во многих хозяйствах — то ли от непонимания, в какое время живем, то ли от агрономического бескультурья, то ли из-за механического подхода к заданию по производству зерна — все же пытаются планировать и внедрять отжившую трехполку. Во многих хозяйствах и ныне применяются — увы! — отнюдь не плодосменные севообороты. Почему? Да потому что живуче мнение, что так называемую структуру посевных площадей можно устанавливать произвольно — кто хочет и как хочет... Конечно, сделать можно как угодно. Однако наука и опыт предупреждают, что типовые схемы севооборотов не случайны, они вырабатываются в процессе многолетнего изучения, а всякое произвольное изменение наносит хозяйственный ущерб. Конъюнктурный подход тут совершенно недопустим, об этом свидетельствует немало случаев, происшедших у нас на памяти. В каждой зоне теперь есть свои наилучшие в агротехническом и организационно-хозяйственном отношении варианты севооборотов — именно их надо использовать.

...Институт сельского хозяйства центрально-черноземной полосы имени В. В. Докучаева. Здесь, в Каменной степи, применяется дифференцированное земледелие. В степи — одно чередование культур, на склонах — другое, в пониженных местах — третье, с большим количеством многолетних трав, а местами и полное залужение. Соответственно меняются и обработка почвы и орудия для нее. Поля разделяют полосы леса. Овраги обсажены, в них создаются пруды, чтобы задержать влагу.

Институты и опытные станции во всех зонах страны накопили сейчас немалый земледельческий опыт. Колхозам и совхозам прямой резон его использовать. Климент Аркадьевич Тимирязев говорил, что наука, теория не могут и не должны давать готовых рецептов. Они предлагают лучшие варианты. Умение выбирать надлежащий прием для своего случая всегда остается делом личной инициативы, личного искусства самого земледельца. Стоит вдуматься в эти слова! Высока роль агронома, владеющего **теорией урожая!** Всякий агротехнический прием, а тем более новый, приходится применять не однажды, а много раз и в различных условиях. Так оттачивается мастерство земледельца. В этом суть работы агронома, и в этом же существенное отличие полевой технологии, допустим, от заводской, где смонтировал однажды станочную линию и запустил... В поле же обстановка каждый день складывается по-новому. Противопоставить свою волю капризам природы земледельцу помогают новая техника, приборы, агротехнические картограммы — без всего этого он не может стать мастером урожаев.

К сожалению, работа по внедрению агрономических или технических новинок пока материально стимулируется недостаточно. Это касается всех: и специалистов и механизаторов... А ведь квалифицированная работа на земле сейчас уже невозможна без помощи многочисленных механических помощников. Даже самый низовой работник должен быть мастером в своем деле. Да, промышленность готовит для себя десятки тысяч мастеров всевозможных профессий. А село? Разве работник полеводческой бригады или огородного звена должен быть профаном, слепым исполнителем воли агронома? Нет! В конечном счете от его умения зависит и совершенствование технологии на научной основе, и сама производительность труда, и главное — урожай. От него! И даже самый хороший агроном без умелых исполнителей мало чего добьется. Так у нас часто и происходит...

Ближайшие годы, безусловно, будут временем массового оснащения сельского хозяйства умными помощниками земледельца. Смешно теперь голой пяткой измерять температуру или влажность почвы — для этого существуют приборы, точные и беспристрастные. Высокая степень механизации, отказ от кустарщины — это все из области культуры самого земледельца. Так приходит в деревню наука. Без нее уже не обойтись, нельзя сбивать в сторону стрелку полевого компаса! А работать в деревне стало интереснее, есть прямой смысл отдать все силы души и мастерство процветанию отечественной нивы.

ГОДЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ



Патон... Это имя нам хорошо знакомо. Его носил большой ученый, инженер, знаменитый мостовик, «сварщик № 1» — Е. О. Патон.

Это славное имя носит Б. Е. Патон, академик, президент крупнейшей республиканской Академии наук — Украинской ССР. Он возглавляет созданный отцом Институт электросварки.

В институте, в кабинете отца, тщательно сохраняется обстановка, которая была, когда здесь еще работал высокий седоусый и седовласый старик. Но как изменился с тех пор сам институт! Научно-техническая революция, рождающая новые направления научного поиска, внесла коренные изменения в работу ученых. Возникли и успешно развиваются небывалые виды сварки — такие, как электроннолучевая, токами радиочастоты, лазерная, плазменная и многие другие.

В этих коренных изменениях, отвечающих глубоким потребностям времени, главную роль сыграли ученики Е. О. Патона и прежде всего Б. Е. Патон.

Смелость, вкус к новому, умение подхватить его и внедрить в теорию и практику — характерные особенности научного стиля Б. Е. Патона, формула его таланта. Эти черты сочетаются в нем с отлично усвоенным заветом отца — не просто выдавать идеи «нагора́», но доводить их до практического применения — до нового станка, технологической схемы, нового способа сварки и т. д. Это одно из неизменных правил Б. Е. Патона.

За большие заслуги перед отечественной наукой, техникой и промышленностью много раз отдельные ученые Института сварки и целые коллективы исследователей отмечались Ленинскими премиями. Среди них и Б. Е. Патон — за электрошлаковую сварку. С ее помощью удалось решить такие технические задачи, которые вообще, казалось, невозможно было осуществить.

Избрание Б. Е. Патона президентом Академии наук Украинской ССР — это для него не просто значительно более широкий круг обязанностей, это качественно новый шаг, который сделал ученый, исследователь, организатор науки. В поле его зрения — перспективы развития целых отраслей знания, концентрация сил на главнейших, перспективнейших направлениях поиска и вместе с тем комплексное решение проблем — разными институтами, под разными углами зрения, высокая эффективность исследований.

В деятельности Б. Е. Патона — президента АН УССР — также проявляются знакомые особенности его научного стиля — вкус к новому в сочетании с постоянным стремлением найти ему быстрое применение — в промышленности, в практике.

27 ноября Борису Евгеньевичу Патону исполняется 50 лет. Это срок творческой зрелости. Но, как мне кажется, пора подводить итоги его деятельности далеко еще не настала. Хотя за плечами и немалый путь в науке, планы на будущее самые обширные. Борис Евгеньевич молод и в переносном смысле и в самом прямом, непосредственном значении этого слова. Молод, полон сил, энергии, оптимизма. С годами Б. Е. Патон обрел ту замечательную степень свободы, которую дают опыт и осознание собственных сил. Это обещает новый творческий взлет ученого.

К. БАКШИ

Благородный и добрый талант

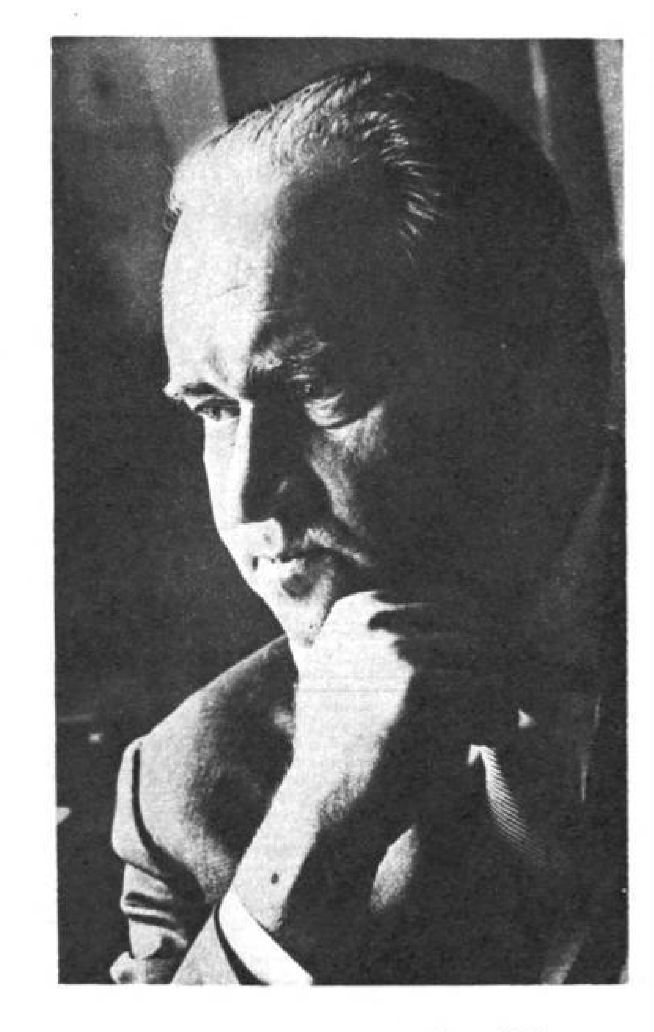


Фото С. Хенкина.

Б. ВЛАДИМИРСКИЙ

Концерты в Большом зале Московской консерватории постоянно привлекают внимание многочисленных любителей музыки. Здесь нередко рождаются события, мировое значение которых трудно переоценить. В начавшемся сезоне таких событий было два — концерт Давида Ойстраха-скрипача и концерт Давида Ойстраха-дирижера. В памяти людей, которым посчастливилось на них побывать, они останутся надолго.

В первом из них Давид Ойстрах, по справедливости признанный одним из величайших скрипачей современности, исполнил концерт Чайковского, 2-й концерт Шостаковича и скрипичные романсы Бетховена в отличном сопровождении симфонического оркестра Московской филармонии под руководством народного артиста РСФСР Г. Н. Рождественского.

Имя Давида Ойстраха неразрывно связано с достижениями советской музыкальной культуры. Его искусство уже давно шагнуло и за пределы нашей Родины: нет. таких стран на земном шаре, где благородный и добрый талант выдающегося советского художника не был бы известен и любим.

Артистическая жизнь замечательного музыканта началась очень рано. Семнадцати лет он окончил Одесскую консерваторию и начал свои выступления на концертной эстраде, которые сразу стали приметными. Блистательная техника позволяла ему преодолевать с завидной легкостью все скрипичные барьеры. Однако виртуозность сама по себе еще не музыка. И молодой артист очень скоро понял это. Знать больше, учиться беспрестанно и всегда видеть музыкальные творения своими глазами — такой путь, нелегкий и далекий, избрал Ойстрах.

Его исполнительское творчество не знает канонизированных или традиционных схем. Игру артиста отличает необыкновенная взыскательность, безупречный вкус и тончайшее ощущение намерений композитора. Что бы он ни исполнял — Баха или Шостаковича, Моцарта или Чайковского, Брамса или Прокофьева, в его интерпретации — кристаллическая ясность и правдивость музыкальных образов.

Давно известно, что многие новые произведения начинают счастливую жизнь, попав в руки большого мастера — подлинного художника. Даже великое музыкальное творение нередко долго ждет своего открытия. Пытливая, я бы сказал, беспокойная, художническая натура Ойстраха немало способствовала таким открытиям. Нельзя забыть его роль в утверждении мировой славы таких замечательных произведений, как концерты для скрипки с оркестром Д. Д. Шостаковича, А. И. Хачатуряна, и многих других произведений советских композиторов, неутомимым пропагандистом которых он является.

К вершинам скрипичного мастерства Ойстраха привела удивительная творческая разносторонность. Известно, что созданное им трио с участием пианиста Л. Н. Оборина и, к сожалению, безвременно ушедшего виолончелиста С. Н. Кнушевицкого сыграло немаловажную роль в пропаганде камерной музыки в стране. Любители музыки знают квартетные и другие ансамблевые выступления, душой которых неизменно является Д. Ф. Ойстрах.

Наверное, об Ойстрахе-педагоге надо писать специально. В нашей стране и далеко за ее пределами известны имена его учеников — замечательных скрипачей И. Ойстраха, В. Климова, В. Пикайзена, О. Крысы, Л. Исакадзе, С. Снитковского, Р. Файн и многих других. Все они блестящие музыканты, но при этом совершенно разные по своему артистическому облику. Ойстрах — педагог скрупулезно внимательный и вместе с тем строгий друг даровитого ученика. Он ценит в нем каждую крупицу музыкальной самобытности, стремясь уберечь от слепого подражательства и односторонних увлечений.

Не так давно Д. Ф. Ойстрах для многих открылся новой стороной своего огромного дарования. Ойстрах-дирижер — уже сейчас явление исключительное. Взяв в руки дирижерскую палочку, он в самый короткий срок (случай почти беспрецедентный) стал одним из интереснейших интерпретаторов многочисленных творений классической и современной музыки.

В упомянутом выше дирижерском концерте оркестр Московской филармонии под управлением Ойстраха исполнил Вторую симфонию Шуберта, Шестую — «Патетическую» Чайковского и «Скифскую сюиту» Прокофьева. Сама программа как бы символизирует диапазон творческих устремлений дирижера. Он очень широк.

Особенно в программе привлекло исполнение Шестой. Необычной здесь оказалась, я бы сказал, пламенность исполнительской концепции.

Ойстрах с исключительной ясностью раскрывает в симфонии самую сильную сторону композиторского гения — непреодолимую силу жизнеутверждения, истоками которой являются светлые черты непревзойденной, глубоко человечной задушевной лирики творчества великого русского композитора. Скорбь, мрачные раздумья отнюдь не определяют сущность этого гениального творения. В интерпретации Ойстраха даже в беспредельно тревожных страницах последней части симфонии ощущается не отчаяние и мучительная печаль, которые принято по аннотационным версиям связывать с мыслью о расставании с жизнью, а, наоборот, страстность протеста и уж никак не примирение с судьбой.

Кстати, в исполнении симфонии, как, впрочем, и других произведений, чувствовался органический контакт дирижера с оркестром, явно разделявшим его намерения. И оркестр был превосходен!

Известный французский критик Кларендон недавно писал: «...Сменяя свой смычок на дирижерскую палочку, Давид Ойстрах не меняет призвания. Играет ли он концерт или дирижирует, он продолжает делать музыку».

Автор этих строк как-то спросил Ойстраха, как ему удалось в удивительно короткий срок достигнуть высокого мастерства в многотрудном искусстве дирижирования. Ответ был прост: «Я никогда не расставался с оркестровой партитурой, много играл и много слушал; к тому же ученики...»

Свое шестидесятилетие Давид Федорович Ойстрах, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, профессор — встретил в расцвете своего творчества.

Можно не сомневаться, что щедрость его таланта немало еще приумножит богатства советской и мировой музыкальной культуры.

ЧТО

* * *

Всегда семь пятниц на неделе,
А воскресенья вовсе нет,
Так помоги забыть о деле,
Лихой черемуховый цвет!

Чтоб я сказал со страстью
новой,
Как пленник, выйдя из оков:
— Мой путь, на редкость
бестолковый,
Теперь совсем не бестолков.

Дубы возносятся, не старясь,
Лелеют пахоту грачи,
И на изломах древних стариц
Сверкают свежие ручьи.

Нет, над собою я не властен,
Ругай меня иль не ругай,
Но крик синиц — как голос
счастья,
Как верный рай — зеленый гай.

Пронзают чащу стрелы просек,
На веслах радуга цветет.
Душа неведомого просит
Все непреклонней каждый год.

Душе неведома усталость,
Но я не властен и над ней:
Кто знает, сколько ей осталось
Омытых синью вешних дней?

И вы, родные, не дивитесь,
Что отрешенный взор грустит,
Коль паровоз, как древний витязь,
В былину дальнюю летит.

И телеграммы улетают
По звонкой нитке проводов,
И облака за лесом тают,
Как седина былых годов.

Поют березы, солнцем светясь,
Им не от солнца горячо...
А мне от роду только месяц,
Да нет и месяца еще...

* * *

Смоленый борт волна качала,
Взлетало солнце от весла.
Все начинается сначала —
Начало юность принесла.

После выступления «Огонька»

«ДАРЫ РУССКОГО ЛЕСА»

Владислав ШОШИН

ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

В ночах тротилового дыма,
В салютах праздничных огней
Все было правильно, помимо
Суровой строгости моей.

Но это мир был строг и честен,
Кровь расплывалась на снегу,
И лишь один был клич уместен
К любому сердцу: месть врагу!

Хранились письма в гимнастерках,
И только в бой любовь вела,
И над Невой зенитчиц зорких
Одна святая дума жгла.

Мильон сердец в могилы бросив,
Навек сковал блокадный лед,
Во мне он нежность заморозил.
Когда же оттепель придет?

* * *

И Волхонка и Пресня
О тебе лишь поют.
Ты проходишь, как песня,—
Все в лицо узнают.

Блеском вешнего света
Каждый друг дорожит,
И листва не от ветра —
От восторга дрожит.

Не руками ль твоими
Ива кудри прядет,
Не твое ль это имя
В небе летчик ведет?

И Волхонка и Пресня
О тебе лишь поют.
Ты проходишь, как песня,—
Все в лицо узнают!

* * *

Солнце и в зените и в ударе,
Солнце словно сердце на волне!
Ты писал мне, что судьба подарит
Нечто ослепительное мне.

Нет письма, и ты теперь далёко
Если не дорогой — от души.
Только над весной голубоокой,
Вспыхнув, снег стряхнули камыши.

В блеске, словно в пламени,
стропила,
Полон лес зеленого огня.
Жизнь и вправду счастьем
ослепила
Солнцем ослепленного меня!

* * *

Сосулькой март морозу погрозил,
И вот уже наполнен мир
броженьем.
Уже ледок на лужах просквозил
Полуденного солнца отраженьем.

Шутник какой-то в посвисте воды
Весну встречает на велосипеде.
В снегу расплылись валенок
следы.
Как будто проходили здесь
медведи.

А может, от села и до села
Здесь молодость беспутная
плутает?
А может, это чья-то жизнь
прошла,
И снег растает — и она растает?

* * *

По убитым годам не тоскую...
Как стремительный лёт голубей,
Я нашел себе радость такую,
Что весна каждый год голубей!

Я от ясного неба ликую,
От раздольного снега берез.
Я нашел себе радость такую,
Что душа молодеет всерьез.

Звонко бьют по каменьям копыта,
Жжет девичьих улыбок игра,
И душа откровенью открыта,
И синица играет с утра.

И простор мне распахнут
былинный,
И река в заревом серебре.
Воробьиный, азарт воробьиный
На кустах,
На душе,
На заре!

По убитым годам не тоскую...
Как стремительный лёт голубей,
Я нашел себе радость такую,
Что весна каждый год голубей!

* * *

Ах, все штемпели да штемпели,
Сотни писем под рукой!
В нервном темпе, в ровном
темпе ли —
Все на сердце непокой.

Свято дело почтальонное,
Только святость надоест,
Если празднество зеленое
Разливается окрест.

Все трясут подруги клипсами,
Все горит в руке печать,
Чем квитанции выписывать,
Лучше письма получать!

Пусть летят они в сиянии
Ливнем вымытых полей.
Пусть летят они в дыхании
Белоснежных тополей.

Колесом багряным катится
Солнце в небе голубом.
Ты девчонка в белом платьице,
Ждешь ты почты над прудом...

* * *

Прошлую войну мы побороли,
Побороли, но ценой какой?
Сердце разрывается от боли,
Сердце не вернет себе покой.

Капли бьют по дождевым аллеям
Пулеметной дрожью навесной.
Новую войну мы одолеем,
Одолеем, но какой ценой?

Верю я в надежность автомата,
Есть еще и атом под рукой.
Только для советского солдата,
Нет, войны не нужно никакой!

* * *

Вид у библио́теки ученый:
Книги мудро стопками лежат,
Есть рабочий стол — к нему
зеленый
Лист бумаги кнопками прижат.

Только в век ато́мный
и тревожный
Литератор — это не монах.
Много ли сердец увлечь
возможно,
Сидя в четырех своих стенах?

Вот и едем мы в командировки
По Отчизне и за рубежи,
Надевая фраки, как спецовки,
Словно латы в битвах против лжи.

И, спеша к барьеру вновь и снова,
Мы — пусть враг берет нас
в топоры! —
Выхода не ищем запасного:
Выходить нам рано из игры!

* * *

Не прощаясь,
Печалясь,
Отчаясь,
Расстались.
Хватит радости, сердце, теперь
отдохни!
Фонари на столбах придорожных
качались,
Отплывавшего солнца роняя огни.

Только судьбы людей
обжигают не боги,
Только ласточкой май
постучался в окно,
Только сердце в тревоге
И снова в дороге,
Потому что иначе не бьется оно.

Я не ждал бы тебя,
Не искал,
Не тревожил,
Сумасбродства мои — они
только мои!
Только тысячи зорь
я без радости прожил,
Только нынче поют о тебе
соловьи.

* * *

Что такое счастье?
Посмотри
На неомраченный лик зари,
На ручьи, бегущие вразброс,
Словно золотые струи кос.

Что такое счастье?
Погляди,
Как взлетает юность из груди
Песней ветра,
Всполохом огня,
Парусом в волнистой зыби дня.

Что такое счастье?
Надо мной
Блещет небо синей крутизной,
Сталью самолетов и стрижей,
Скоростью,
Которой нет свежей.

Ленинград.

В № 41 журнала за этот год был опубликован маленький фельетон Н. Кружкова «Дары русского леса». Редакция получила ответ из Министерства лесного хозяйства РСФСР. Вот что он гласит:

«Коллегия Министерства лесного хозяйства РСФСР 10 октября с. г. рассмотрела фельетон «Дары русского леса», опубликованный в журнале «Огонек» № 41 за октябрь 1968 г., и отметила, что журнал правильно отражает положение дел с поставкой лесных пищевых продуктов специализированному магазину «Дары русского леса» в Москве.

За необеспечение поставки лесной продукции в магазин «Дары русского леса» заместитель начальника Главного управления рабочего снабжения Министерства т. Морозов А. Ф. освобожден от занимаемой должности.

В целях устранения отмеченных в фельетоне недостатков разработаны конкретные мероприятия по поставке продукции в Москву для продажи в фирменном магазине. Главное управление рабочего снабжения Министерства разработало и согласовало с администрацией магазина график поставки.

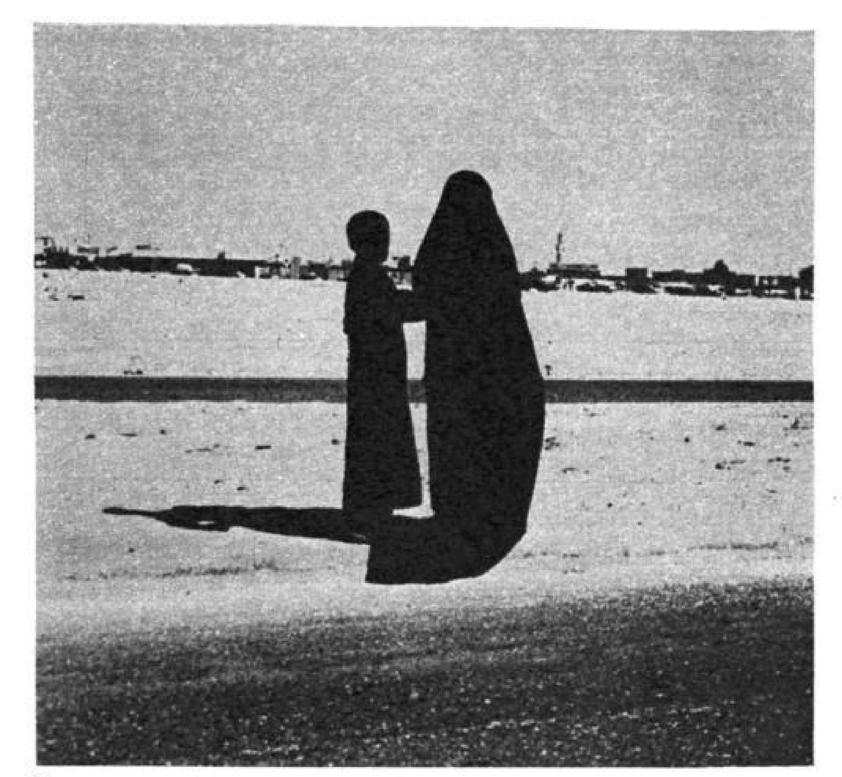
Управлениям лесного хозяйства, УРСам и ОРСам Владимирской, Ивановской, Калининской, Калужской, Брянской, Смоленской и Рязанской областей дано указание производить доставку продукции собственным автотранспортом непосредственно магазину «Дары русского леса» по его заявкам.

Приняты меры по улучшению снабжения магазина изделиями из древесины (бочата, туески, корзинки, сувениры и другие изделия).

Заместитель министра
О. РОЖКОВ».

Леонид МЕДВЕДКО

Зарницы над Кувейтом



Пустыня рядом.

Пустыня начиналась сразу же за городом. Легкий ветер не мог разогнать красное марево песчаной пыли, которое почти круглый год обволакивает Эль-Кувейт.

Эту картину видишь всегда, приезжая в Кувейт. Пожалуй, сейчас лишь улицы города продвинулись дальше в глубь песков и прибавилось еще несколько колец автострад, опоясывающих городские кварталы.

Незадолго прошел сильный дождь. Метеорологи расценили его как феноменальное явление природы. Он превратил асфальтированные дороги в бурные реки, площади — в озера. Градостроители не предусмотрели стоков для воды, а архитекторы, соревновавшиеся с ними в модернизме, видимо, сочли излишними водосточные трубы.

Принимавший меня кувейтский министр поспешил извиниться за потеки, которые бросались в глаза на потолке его богато обставленного кабинета, где роскошь Востока странно сочеталась с ультрасовременным стилем Запада и картинами абстракционистов на стенах. Некоторые английские и американские журналисты не без иронии телеграфировали в свои редакции и агентства, что Кувейт больше всего озабочен «ликвидацией последствий наводнения».

В самом деле, могло показаться, что здешний климат вдруг изменился. Впервые мне удалось разглядеть другой берег бухты, обычно затуманенный неподвижным облаком пыли. Воздух после дождя словно стал прозрачней и чище. Но еще больше изменился политический климат в районе Персидского залива, воротами которого считают Кувейт — первое арабское княжество, добившееся независимости. О прошедшем ливне здесь думают гораздо меньше, чем о ликвидации последствий «шестидневной войны», развязанной Израилем и его покровителями, о пресечении продолжающейся агрессии.

Хотя израильские снаряды рвутся сравнительно далеко, в Кувейте принимают эти события близко к сердцу, тем более что почти половина его полумиллионного населения (более 90% живут в столице) — выходцы из Палестины. Израильская агрессия вызвала волну патриотического подъема, гневные протесты народных масс. Помощь Кувейта пострадавшим от войны арабским странам не ограничилась его взносами в соответствии с Хартумским соглашением (154 миллиона долларов). Общественные организации собрали в фонд арабской солидарности еще около 100 миллионов долларов.

В самолете, державшем курс из Багдада к Бахрейнским островам, я заметил, что многие английские и американские пассажиры высадились в Эль-Кувейте, хотя это была не конечная точка авиалинии. Империалисты и в прошлом придавали большое значение Кувейту. Еще на рубеже XX века кайзеровская Германия пыталась склонить его правителя на передачу ей части кувейтской территории в связи с планами строительства магистрали Берлин—Босфор—Багдад. Англичане, издавна считавшие княжество и весь этот район своей «заповедной зоной», воспрепятствовали германскому проникновению. Но помешать США получить доступ к кувейтской нефти они не смогли — это произошло после первой мировой войны.

Сегодняшний Кувейт — один из крупнейших производителей нефти. По ее запасам, которые оцениваются в десять миллиардов тонн, он занимает первое место в капиталистическом мире. По добыче ее он стоит на пятом месте. Уже в 1966 году он дал 114 миллионов тонн нефти, то есть лишь немногим меньше, чем Саудовская Аравия, ставшая «родиной» крупнейших калифорнийских и техасских мультимиллионеров.

Каких-нибудь семь лет назад маленький клочок земли площадью в 20 тысяч квадратных километров, занимаемый Кувейтом, был полностью отрезан от внешнего мира. В феврале 1961 года Великобритания вынуждена была предоставить Кувейту независимость, но при этом навязала ему договор «об обороне и сотрудничестве» сроком на десять лет. В мае 1968 года Кувейт официально уведомил английское правительство о своем намерении денонсировать этот договор. Лондону ничего не оставалось, как согласиться с этим требованием, но, судя по всему, согласие британских политиков было только формальным.

Кувейтом правит эмир, там имеются парламент и другие учреждения, характерные для стран с конституционной монархией. Однако он называется не королевством и не княжеством, а просто государством Кувейт. Само официальное название подчеркивает идею обретенной независимости — то главное, чем больше всего гордится его народ. Этот город-государство все чаще становится местом многих межарабских встреч, ареной деятельности арабских патриотов, вынужденных жить в эмиграции.

За рынок Кувейта монополии в последние годы ведут не менее ожесточенную борьбу, чем за его нефть и направленность его политики. В городе можно увидеть товары со всех континентов, которые часто продаются по более дешевым ценам, чем там, где они выпускаются. Американские, западногерманские машины последних марок проносятся по автострадам. Каждый богатый кувейтец считает своим долгом приобрести именно новейший автомобиль, а «устаревший» отдает в аренду для использования в качестве такси. Кстати, в Эль-Кувейте до сих пор почти нет обычного городского транспорта.

И в лавчонках и в больших магазинах можно купить, скажем, японские транзисторы, западногерманские магнитофоны, лучшие парижские духи, английские и американские сигареты отборных сортов — очень многое, что недоступно и стоит значительно дороже трудящимся США, Великобритании, ФРГ, Японии, Франции. Здесь торгуют, покупают и перепродают также индийцы, пакистанцы, но всем приходится в той или иной мере считаться с политикой цен, устанавливаемых крупными иностранными монополистами. Хотят этого или не хотят кувейтские торговцы, но они от них зависят.

* * *

Я встретил Ахмада на набережной Эль-Кувейта, когда он только что спустился с борта бахрейнской шхуны. Он оказался ловцом жемчуга, которым с незапамятных времен славились Бахрейнские острова. И теперь еще, как давным-давно, люди этой древнейшей профессии ныряют с парусников метров на тридцать, пользуясь не аквалангами, а костяными зажимами для носа. Рабочий день продолжается до тех пор, пока их корзины не заполняются драгоценными раковинами. Сами они никакой зарплаты не получают, а «участвуют» в чистой прибыли фирмы, которой принадлежат суда.

Я предложил ему советскую сигарету. И Ахмаду сигарета понравилась.

— Я бывший раб,— сказал он между двумя затяжками.

— Как это понять?

— Один из рабов, каких много в Катаре.

— Что за рабство в наше время?

— Обыкновенное рабство. Я не бахрейнец, я из Катара. У нас, кто имеет две-три сотни фунтов стерлингов, может купить себе раба. Я убежал. На острова. На Бахрейн. Пролив маленький. Я плыл. Подобрали. Я сильный. В Катаре тоже доставал жемчуг...

Мне вспомнились события в Южном Йемене. Там, в Хадрамауте, еще перед самым уходом английских войск можно было купить

и продать человека. Упразднение рабства стало одним из первых декретов правительства Народной Республики Южного Йемена. В Катаре рабство было официально отменено еще в 1952 году. Прошло полтора стремительных десятилетия, отзвуки египетской революции взволновали весь арабский мир. И вот я впервые вижу своими глазами живого раба, пусть и бывшего.

— А теперь ты свободен?

— Свободен. До июня. (С первых июньских дней и до конца сентября в Персидском заливе сезон добычи жемчуга.— **Л. М.**) Нанялся на эту посудину. Потом вернусь. Я сильный, могу долго не дышать, корзина всегда полная. Денег мало.

Мне хотелось узнать подробнее о положении Кувейта, все еще сложном и двойственном. Ключи от «Ворот Персидского залива» теперь уже не в руках колонизаторов, но те по-прежнему стремятся использовать его в собственных империалистических целях. Вечером в баре гостиницы я беседовал со знакомым журналистом.

— Можно быть откровенным? — спросил он.— Мы помогаем арабским странам, княжествам Персидского залива, для этого у нас достаточно возможностей. Но мы не все можем сделать. Верно, наш эмир, да продлит аллах его дни, связан с правителями княжеств родственными узами, у него есть свои планы, у них — свои. Но шейхи еще больше связаны британскими узами, да и мы все еще тоже. Заколдованный круг, le cercle vicieux,— сказал он по-французски...

Эти слова, вероятно, услышал сидевший за соседним столиком элегантно одетый господин с седыми волосами и тонкими чертами лица. Он присоединился к нам, и беседа стала общей.

— Да, заколдованный круг, особенно здесь, на Ближнем Востоке... Простите, господа, приятно услышать родной язык... Но война между Израилем и арабскими странами многое изменила здесь. Да и не могло быть по-другому. И мир не тот, и Ближний Восток не тот, когда я был молодым, все было другое. И торговля уже не та. Приходится переквалифицироваться,— вздохнул он.

Этот человек оказался обедневшим коммерсантом, который много раз побывал в Леванте. Я был еще под впечатлением встречи с Ахмадом и заговорил о жемчуге.

— Жемчуг — это старина, мсье, это древняя история и сейчас ничего не значит. Что жемчуг! Сейчас богатеют на нефти. Нефть — это все. Неужели вы не знаете, что на Востоке нет больше романтики? Ваш Ахмад — раб и теперь. За несколько нефтяных скважин в Кувейте или в княжествах можно купить все жемчужины мира...

Через несколько дней у меня произошла еще одна встреча, которая живо напомнила мне мой первый приезд в Кувейт.

Тогда здесь состоялась конференция арабских журналистов. В перерыве между заседаниями ко мне подошла группа юношей. Просто одетые, темноглазые, серьезные, они словно даже отказались от обязательной для каждого араба при знакомстве улыбки. Я обратил на них внимание еще в зале заседаний, где они раздавали делегатам печатные листовки, рассказывающие о борьбе населения княжеств Персидского залива за независимость. Как я узнал, эти молодые арабы (нахожу в записной книжке имена: Махмуд — из Дибаи, Гияс — из Омана, Мухаммед — из Катара, Мустафа— из Маската) обосновались в Эль-Кувейте. Один работал на опреснительном заводе, крупнейшем не только в этих краях, другие — в порту или находили себе временные, случайные заработки. И почти половину всего, что они получали, вкладывали в фонд организаций, борющихся за освобождение от колониального господства. На такие взносы были изданы и брошюры, которые были вручены мне.

И вот однажды случайно на улице я наткнулся на палестинца Али, одного из тех молодых арабов, которых я знал с первой поездки в Кувейт. Уже после нашей кувейтской встречи он был захвачен «шестидневной войной» в Аммане, столице Иордании. Затем снова приехал сюда. Как выяснилось, ненадолго. Я спросил о судьбе его товарищей. Некоторые из них — в Народной Республике Южного Йемена, участвуют в строительстве новой жизни, отражают атаки ее врагов. Гияс сражается с британскими карателями в рядах оманских партизан. Другие выполняют поручения своих организаций.

И сам Али, являясь членом одной из палестинских патриотических организаций, намерен скоро уехать из Кувейта, чтобы принять, как он сказал, участие не словом, а делом в освобождении своей оккупированной родины. Здесь, в Кувейте, многие требуют более активного сопротивления империалистам и их сионистским прислужникам. Настаивают, чтобы на кувейтской территории были открыты военные лагеря для боевой подготовки добровольцев, в которых здесь нет недостатка. Выступают за увеличение материальной помощи арабским странам — жертвам агрессии.

* * *

У голубых вод залива стоит дворец с высокой белой башней. Это официальная резиденция эмира Кувейта.

Часы на высокой башне отсчитывают время. По мусульманскому календарю идет 1388 год, по современному — 1968-й. Но время не простой отсчет годов. Время всегда движется вперед. Величайшие социальные преобразования, начатые в октябре 1917 года, определили новый ход времени, изменили облик мира, отразились на самых отдаленных или искусственно «закупоренных» империалистами его уголках. И Кувейт, как район Персидского залива в целом, не составляет исключения.

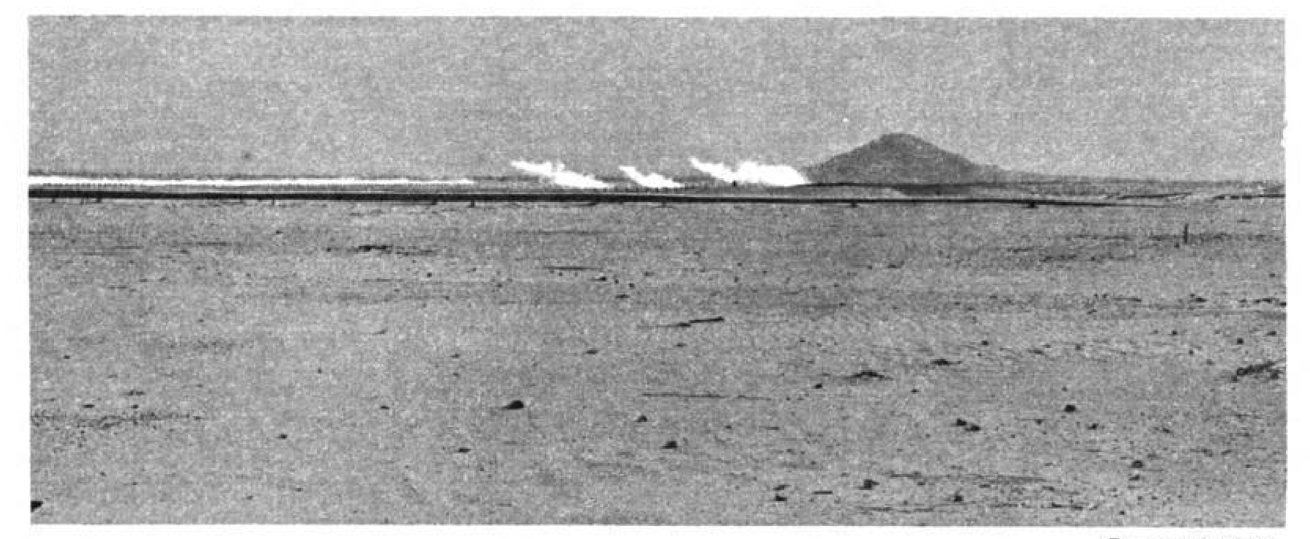
В просторном выставочном зале Кувейтского университета, широко открытые двери которого обрамляли государственные флаги СССР и Кувейта, я видел фотоэкспозицию, посвященную жизни и учебе советской молодежи. На столиках — стопки книг на арабском и английском языках, изданных в Москве и переданных в качестве дара МГУ своему юному собрату. Несколько смуглых юношей в национальной одежде — на них длинные, почти до пят, темные рубахи-даждаши — остановились у одного из стендов. Их внимание привлекли фотографии обучающихся в Московском университете арабских студентов. Интерес к нашей стране, как и всюду, растет.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и государством Кувейт были установлены вскоре после того, как оно обрело независимость. Тогда же были подписаны первые соглашения между обоими государствами в экономической и культурной областях. Нашу «Волгу» и «Москвича» можно все чаще увидеть на здешних улицах и автострадах. Большим спросом пользуются советские фотоаппараты. А главное, когда сейчас сюда приезжает советский человек, его встречают с уважением и той сердечностью, которая придает особую теплоту арабскому приветствию «ахлян уасахлян».

У причала кувейтского порта я увидел новое судно. На его мачте развевается кувейтский флаг, на корме и носу латинскими и арабскими буквами выведено: «Кадисия». А на блестящей медной дощечке, прикрепленной к стене капитанской рубки, написано русскими буквами: «Херсонский судостроительный завод». Это судно, приобретенное «Кувейт шиппинг компани»,— флагман кувейтского торгового флота. Мне говорили, что Кувейт собирается закупить у Советского Союза еще несколько грузовых судов такого же класса. Наше отечественное кораблестроение, таким образом, представлено и в этом районе давнего мореходства.

Недалеко от порта, на небольшой верфи, вырисовывается остов деревянного суденышка, напоминающего по своей форме традиционную фелюгу дау, которые некогда составляли славу Кувейта. Сотни и тысячи дау, построенных местными мастерами, бороздили воды Персидского залива и смело выходили далеко в Индийский океан. Именно на таких судах ходил и легендарный Синдбад-мореход. Кувейтское правительство решило возродить древнее национальное ремесло с учетом современных технических достижений. Эту задачу во многом помог решить местным мастерам советский инженер Б. Быков из Астрахани. Работала здесь и группа советских ученых, занимавшихся исследованием возможностей развития рыбного промысла в Персидском заливе.

Видный кувейтский архитектор и журналист Саба Жорж говорил мне, что события, связанные с агрессией Израиля против арабских стран, наглядно показали кувейтцам, кто их друзья и кто враги. Ведь за сионистскими захватчиками стоят те же империалистические круги западных держав, которые разнообразными путями стремятся оказывать нажим и на Кувейт. Политика колонизаторов является в наши дни фактором всех социальных контрастов во всем районе Персидского залива.



Горят факелы...

Последовательная и решительная позиция Советского Союза, который требует немедленного вывода израильских войск с оккупированных арабских земель, оказывает реальную поддержку арабским странам в их борьбе за свои справедливые права, находит в Кувейте все большую признательность. Об этом мне рассказывали и другие кувейтцы, представители самых различных слоев населения, в том числе даже тех, на которых делают ставку английские, американские и западногерманские монополисты.

Министр обороны Кувейта Саад Абдалла ас-Сали ас-Сабах недавно заявил: «Используя все свои возможности и средства, Кувейт будет занимать твердую позицию в исторической борьбе арабов против экспансионистских планов сионизма». Как и другие арабские страны, Кувейт находится в состоянии войны с Израилем. И сейчас в этом государстве продолжается сбор пожертвований во имя благородной цели отстоять свободу и независимость арабских народов.

Сам ход событий показывает, что Кувейт не может оставаться в стороне от национально-освободительной борьбы, зарницы которой ярче горящих на нефтеразработках факелов.

Продолжаем турнир-викторину «Огонек» — ТВ-68. Сегодня на наших страницах состоится поединок между командами Уралмашзавода (Свердловск) и Нефтяных Камней (Баку). Участники придумали по шесть вопросов друг для друга и по одному заданию специально для вас, читатели «Огонька».

Напоминаем условия вашего участия в викторине. Прежде всего вы должны:

1. Оценить вопросы каждой из команд по пятибалльной системе. Свое мнение необходимо серьезно обосновать. Ведь, скажем, не зная верного ответа, трудно оценить и сам вопрос. Проставляя отметки, обращайте особое внимание на оригинальность вопроса (или ответа на него), ценность научно-технической информации, популярность изложения, остроумие. Не забывайте и о таких качествах, как скрытый подвох, неоднозначность ответа и т. п.

2. Ответить на задания, которые команды приготовили специально для вас. За лучшие ответы команды установили особые призы.

Кроме того, трое из вас, кто в своих оценках вопросов команд окажется ближе всего к оценкам жюри, будут отмечены редакцией.

А теперь будьте внимательны. Поединок начинает:

Команда Уралмашзавода

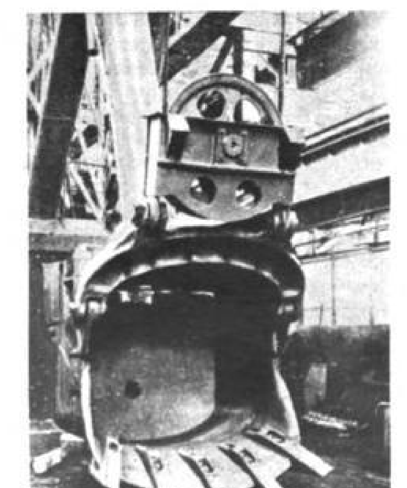
УЗТМ

1

Продукция «Уралмаша» широко известна: мощные прокатные станы и дробилки, обжиговое оборудование и уникальные прессы, шагающие экскаваторы и товары народного потребления. Все они служат человеку, облегчают его труд. Например, шагающий экскаватор ЭШ-25/100 заменяет 12 тысяч землекопов!

НАШ ВОПРОС: КАКУЮ ЕМКОСТЬ ИМЕЮТ ИЗДЕЛИЯ НАШЕГО ЗАВОДА, ИЗОБРАЖЕННЫЕ НА ЭТИХ ФОТОГРАФИЯХ?





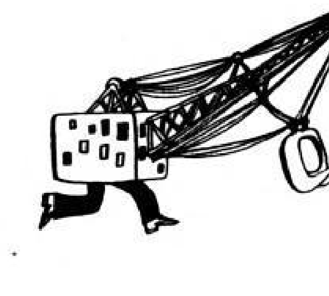
2

Недавно в Советском Союзе был создан новый технологический процесс, совершивший переворот в одной из ведущих отраслей промышленности. Это стало возможным в результате применения одного из нефтепродуктов. Новый метод получил высокую оценку специалистов и удостоен Ленинской премии.

КАКОМУ ПРОИЗВОДНОМУ ЧЕРНОГО ЗОЛОТА ИЗОБРЕТАТЕЛИ ОБЯЗАНЫ СВОИМ ОТКРЫТИЕМ?

3

Случается, что какой-нибудь принцип или способ, давно и широко используемый в одной отрасли промышленности, вдруг начинает применяться в другой. Иногда это приводит к неожиданным открытиям. Например, принцип полета аэроплана помог создать современные корабли на подводных крыльях. Даже смертоносный взрыв удалось использовать в обработке



металлов: штамповать детали, упрочнять их поверхность и т. п.

А КАКАЯ ВСЕМ ИЗВЕСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПОМОГЛА СОЗДАТЕЛЯМ ШАГАЮЩЕГО ЭКСКАВАТОРА?

4

Обычно, говоря о литье, прессовании или штамповке, по привычке мы имеем в виду обработку металлов. Однако подобные же методы применяются и в других, порой очень далеких отраслях промышленности — например, в кондитерской. Но вот что интересно: технологии очень разных производств обнаруживают между собой поразительное сходство.

НАШ ВОПРОС: ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЖИДКОЙ СТАЛЬЮ И ШАМПАНСКИМ?



5

Богата советская земля умельцами: тульская гармонь и янтарь Прибалтики, палехская шкатулка, серебряная чеканка Кавказа, ковры Средней Азии, изделия из уральских самоцветов.

Наши земляки-уральцы создали шедевр, который был удостоен золотой медали на международной выставке.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, КОГДА, ГДЕ И ЗА СОЗДАНИЕ КАКОГО ИМЕННО ПРОИЗВЕДЕНИЯ УРАЛЬЦАМ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ ЭТА И ДРУГИЕ ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ?




6

ЗАДАЧА-ШУТКА

Так уж устроен человек, что во все времена ему было (и будет!) свойственно стремление придумывать такое, что до него никто не придумал.

К сожалению, в наш век узкой специализации бывает, что где-то безуспешно пытаются найти решение какой-нибудь проблемы, которая давно уже решена у соседей.

Может быть, вы — НЕФТЯНИКИ БАКУ — и есть те самые СОСЕДИ, КОТОРЫЕ ПОМОГУТ НАМ ПРИДУМАТЬ АГРЕГАТ, ЯВЛЯЮЩИЙСЯ ОДНОВРЕМЕННО: а) ПОЧТИ ВЕЧНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ, б) УСТРОЙСТВОМ, РЕГУЛИРУЮЩИМ ИНТЕНСИВНОСТЬ СВЕТОВОГО ПОТОКА, и в) АВТОМАТОМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЖИДКОСТИ В НЕПРОЗРАЧНОМ ТРУБОПРОВОДЕ?

Будем рады рассмотреть любые проекты.

ЗАДАНИЕ УРАЛМАШЕВЦЕВ

1. Урал часто называли всесоюзной кузницей. Наш суровый край прославило не только оружие, изготовленное на его заводах. Воинские соединения, сформированные из уральцев и сибиряков, стояли насмерть под Москвой, а созданный в 1943 году Уральский добровольческий танковый корпус участвовал в битве под Курском, штурмовал Берлин, освобождал Прагу.

ГДЕ, КОМУ И КОГДА БЫЛ ПОСТАВЛЕН ПАМЯТНИК, КОТОРЫЙ ИЗОБРАЖЕН НА ЭТОЙ ФОТОГРАФИИ?

2. Известный советский литератор, кровно связанный с Закавказьем, написал этюды об одном из лучших поэтов Азербайджана и создал прекрасный очерк о Свердловске.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ ОБ ЭТОМ ПИСАТЕЛЕ?



Раздел ведет Е. МОСКАТОВ

Рисунки Б. Алимова.

ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

3. В 1748 году по требованию «Главной Артиллерии и фортификации» из Екатеринбурга были отправлены мортиры и гаубицы для укрепления южных рубежей России. Они были доставлены в крепость, расположенную в 200 верстах от азербайджанского города Закаталы.

В КАКОМ ГОРОДЕ БЫЛА ЭТА КРЕПОСТЬ?

4. Одна ИЗВЕСТНАЯ АКТРИСА начинала свою творческую деятельность в Свердловске. Впоследствии она вернулась на родину и прославила своим талантом столицу Азербайджана.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЕЕ?

5. На этой фотографии изображен ОДИН ИЗ ОБРАЗЦОВ ПРОДУКЦИИ УРАЛМАШЗАВОДА. ЧТО БЫ ЭТО МОГЛО БЫТЬ? Добавим, что это и есть наш первый приз тому, кто наберет наибольшее количество очков в нашем задании.







Вопросы задает команда Нефтяных Камней

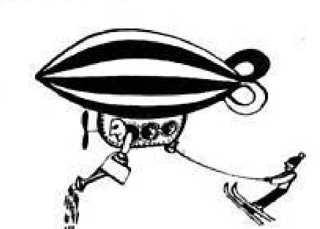
1

Нефть называют черным золотом, хотя существует много ее разновидностей, далеких от черного цвета. Есть даже белая нефть.

А ПОЧЕМУ НЕФТЬ НАЗЫВАЕТСЯ НЕФТЬЮ?

2

В Свердловске—столице славного Урала — много разных заводов, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро. В одном из них был придуман оригинальный способ... Впрочем, КАКОЙ ИМЕННО СПОСОБ, И ТРЕБУЕТСЯ УКАЗАТЬ. Скажем только, что на него было получено авторское свидетельство и что речь идет о дирижабле.



3

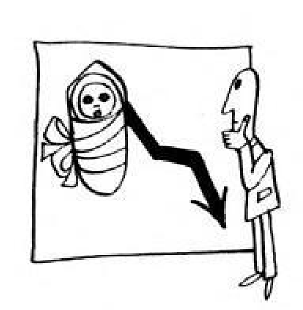
Эстакадных дорог, проложенных на трубчатых сваях, у нас, на Нефтяных Камнях, не одна сотня километров. И большая их часть имеет деревянный настил. Естественно, такая дорога быстро выходит из строя. Главные ее разрушители—тракторы. Совсем недавно нашим рационализаторам удалось почти полностью обуздать их агрессивный нрав, и довольно простым способом. Теперь трактора ходят по эстакадам на цыпочках, бесшумно.

ЧТО ПРИДУМАЛИ НЕФТЯНИКИ?

4

Всем известно, что представляют собою шахты для добычи угля, руды и других полезных ископаемых. Наверное, многие слышали и о значении таких слов, как шахтный ствол, шахтная проходка и т. д.

А ЧТО ТАКОЕ ШАХТОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ?



5

На фотографии показан неожиданный синтез: старое и новое, техника сегодняшнего дня и устаревшая конструкция.

Наш вопрос: ЧТО ИЗОБРАЖЕНО НА ФОТОГРАФИИ И КАК МОГ ВОЗНИКНУТЬ ТАКОЙ ▶ СТРАННЫЙ СИМБИОЗ?

6

Азербайджан славится не только работой нефтяников, мировыми достижениями в глубинном бурении. Есть у нас и другие рекорды. И среди них один весьма своеобразный. В республике существует такое местечко, где зарегистрирована самая низкая рождаемость в СССР.

В КАКОМ РАЙОНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА ОН НАХОДИТСЯ, КАК НАЗЫВАЕТСЯ, СКОЛЬКО ТАМ НАСЕЛЕНИЯ?

Турнир-Викторина ТВ-68

ЗАДАНИЕ НЕФТЯНИКОВ ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА»

1. Каких только видов транспорта не существует: железнодорожный, автомобильный, авиационный, водный... Нефтяные Камни обслуживают вертолеты, дизель-электроходы, катамараны, катера. НО ОСОБЕННОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ КИРЖИМЫ. КАК ПО-ВАШЕМУ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

2. Нефть добывают из глубин морского дна. Но и там в ТОЛЩЕ ПОРОД МОЖНО ВСТРЕТИТЬ МОРСКУЮ ВОДУ. Однако НЕФТЯНИКИ нисчуть этим не обеспокоены. Больше того, они сами ТУДА ЕЕ ЗАГОНЯЮТ. ЗАЧЕМ ЭТО ДЕЛАЕТСЯ?

3. Недавно на Нефтяных Камнях был установлен мировой рекорд бурения. ЧТО ЭТО ЗА РЕКОРД И ЧЕМ ОН ПРИМЕЧАТЕЛЕН?

4. В мифологии много разных чудищ: циклопы, гарпии, церберы. Но как ни странно, НЕФТЯНИКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ С ГРОЗНЫМИ ГРИФОНАМИ, но не мифическими, а вполне реальными.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О НИХ?

5. В прошлом году была опубликована книга известного советского писателя. ДЕЙСТВИЕ ЕГО НОВОГО РОМАНА ПРОИСХОДИТ НА НЕФТЯНЫХ КАМНЯХ. КТО АВТОР РОМАНА И КАК ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ НАЗЫВАЕТСЯ?

Трое читателей, которые наберут наибольшее количество очков, будут награждены нашими специальными призами.

Письма с оценками вопросов и ответами на задания присылайте не позднее 20 декабря 1968 года. Не забудьте написать на конверте: «Викторина».

ПУТЕШЕСТВИЯ «ОГОНЬКА»

Далеко на востоке раскинулся удивительно красивый, богатый и благодатный край. В недрах Приморья — уголь, цинк и вольфрам, в водах — масса рыбы, в тайге — огромные запасы древесины.

Но есть у этого края свои особенные приметы, о которых спешат рассказать его патриоты. Они утверждают: считайте, что вы не были в Приморье, если не побывали в Находке, не познакомились с биологами в аквалангах, не посетили Арсеньевский «улей» и т. д. и т. п.

Наш репортаж о некоторых таких приметах.



Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ...

...Шторм бушевал четыре дня подряд. Экипаж окончательно выбился из сил. Внезапный удар волны — и корабль потерял управление. Надежды на спасение нет... Каково же было удивление моряков, когда утром они обнаружили, что корабль занесло в чудесную гавань, которая оказалась поистине счастливой находкой для терпящего бедствие русского корвета «Америка».

Так в июне 1859 года была открыта бухта Находка.

Прошло без малого сто лет, и на берегах залива вырос красивый, современный город Находка. В этом году он праздновал свое совершеннолетие. Восемнадцать лет! В 72 страны мира уходят отсюда голубые дороги. Практически нет морской державы, вымпелы которой не побывали бы в Находке.

У причалов всегда много рыболовных судов: здесь штаб активного морского рыболовства.

Начальник порта и радушный хозяин, и дипломат, и механик, и диспетчер, и... Многими из этих «и» надо владеть в совершенстве, чтобы командовать крупнейшим торговым портом. Юрий Иванович Островский принадлежит к числу таких людей. На его груди орден Ленина и Знак Почета. Порт награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Гудит порт, грохочет. На полную мощность действуют краны, автопогрузчики, железнодорожный транспорт... Быстро работают, в хорошем темпе. Раз много заморских гостей, значит, надо считаться с международными нормами обработки судов. Задержишь корабль — плати штраф, обработаешь быстрее — получай премию.

— Уже появилась традиция,— говорит Островский,— идя в Находку, капитаны припасают определенную сумму для выплаты премии.

Юрий Иванович посмотрел в распахнутое окно. Снизу кто-то басовито подал голос:

— Шабаш! Загрузили «англичанина». Может пыхтеть до дому!

— Вот видите... Опять премию получать нам! Досрочно загрузили... Творческое, так сказать, содружество двух Героев Социалистического Труда. Когда бригада портовых рабочих Григория Маякова работает вместе с крановщицей Марией Поповой, морякам на берег лучше не сходить: совершенно неожиданно, намного раньше срока, судно может быть готовым к выходу в море... А вообще-то они мои учителя. Я сюда приехал в пятьдесят втором, после окончания Одесского института инженеров морского флота. Начал диспетчером. В руках практически весь порт, а моим рукам в лучшем случае можно было доверить карандаш для составления ведомостей... Через десять лет, когда мне исполнилось тридцать два, стал начальником порта.

...У пассажирского причала — белоснежная «Туркмения». Кто-то уезжает, кто-то провожает, обычная прощальная суета. Сегодня это судно уходит в Японию.

— Пошли на «Туркмению», с японцем познакомлю,— предложил Юрий Иванович.— С господином Конке... Директор совместной грузо-пассажирской линии «Находка — Джапан лайн». Два судна даем мы, два — они. Сотрудничаем уже десять лет.

Конке прекрасно говорил по-русски, и мы обошлись без переводчика. Он рассказал о популярности, которой пользуется линия в Японии, о перспективах торговли с Советским Союзом, о том, как приятно бывать в Находке...

А когда «Туркмения» медленно отвалила от причала, с борта полетели ленточки цветной бумаги. Их было так много — синих, красных и зеленых цепей, что, казалось, не отойти. Но полоса воды ширилась, и серпантин лопался.

— Вот так. Еще одни проводы,— сказал Юрий Иванович и предложил нам пойти вместе с ним на судно, где грузят так называемый генеральный груз.— Дело это не такое уж сложное, но неожиданности тут всякие бывают. Как-то слониху выгружали. Не идет в сетку — и баста. Тогда грузчик подлез под слониху, похлопал по ноге, скомандовал «Вира помалу!» — и она послушно переступила в сетку...

И мы пошли туда, где грузили продовольствие для жителей Арктики. Последний в этом году арктический рейс, и начальник порта хочет сам проследить, все ли в порядке.

АРСЕНЬЕВСКИЙ «УЛЕЙ»

Далеко-далеко, на южной оконечности Курильской гряды, есть остров Шикотан. От Владивостока туда трое суток хода, да и то по хорошей погоде. Не одна тысяча людей трудится на консервном комбинате Шикотана. Ко всему привыкли тамошние жители — и к отдаленности от материка и к суровому климату, кажется, их ничем не удивишь. Но 7 сентября островитянам довелось увидеть необычное: на Шикотан сел самолет. Вроде бы ничего особенного, но в истории острова это впервые.

Много лет примерялись к нему воздушные асы, а сесть так и не могли — кругом одни сопки. А тут, откуда ни возьмись, самолет. Небольшой, правда, самолетик и жужжит слишком заливисто, но сел. И куда — на крошечное футбольное поле. Только ворота убрали.

— Для нашего самолета это — обычное дело,— улыбается летчик-испытатель Л. Чупров.— «Пчелка» может сесть на лесную поляну, размытое поле, песчаный пляж. Как известно, расстояние пробега при посадке и разбега при взлете у «Пчелки» — всего 60 метров. Так что аэродромов нам не нужно.

Рождаются эти необычные самолеты в самом центре Уссурийской тайги, на арсеньевском машиностроительном заводе «Прогресс». Тридцать первый год существует завод, а когда-то здесь, в деревне Семеновке, был построен небольшой ремонтный заводик. Во время войны он начал выпускать учебные самолеты УТ-2, потом спортивные ЯК-18, и вот теперь единственные в своем роде АН-14, «Пчелка» конструкции О. Антонова.

— Самолет действительно уникален,— рассказывает главный инженер завода Ф. З. Абдулин.— При потолке в 5 200 метров АН-14 летает на расстояние до 800 километров с крейсерской скоростью 180 километров в час. Рассчитан он на семь пассажиров. Одним словом, это что-то вроде воздушного автомобиля. Хотя назначение самолета самое широкое: для перевозки почты, грузов, больных, геологов, охотников, для разведки рыбы... Кстати, на разведке рыбы «Пчелка» особенно удобна — она может крутиться над косяком и наводить на него корабли. За один день такой работы летчики окупили стоимость трех самолетов...

Все больше и больше «Пчелок» разлетается из таежного «улья». Они даже залетели в небо Болгарии, Монголии, ГДР и Гвинеи.

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ НАШ ГОРДЫЙ «ВАРЯГ»...

Получив четыре подводных пробоины, «Варяг» перестал слушаться руля и накренился на левый борт... Командир решил уничтожить корабль, чтобы он не попал в руки врага. В 15 часов 30 минут трюмный старшина Федор Семенов открыл кингстоны.

Так погиб «Варяг».

А через шестьдесят лет после боя «Варяга» с японской эскадрой в водах Тихого океана появился стремительный ракетоносный крейсер, на борту которого сияло гордое имя «Варяг».

...И снова море бурлило от разрывов. Снаряды «врага» нанесли тяжелые повреждения кораблю. То в одном, то в другом месте возникали пожары. «Варяг» перестал слушаться руля и вынужден был идти задним ходом. Но командир гвардейского крейсера вывел корабль из «опасной» зоны и решил нанести ответный «удар» ракетами.

Эскадра «противника» далеко за горизонтом. Над морем ни одного дымка. Но чуткие приборы видят и авианосцы, и эсминцы, и подводные лодки. Залп назначен на 15 часов 30 минут. Но в тот самый момент, когда командир БЧ-2 доложил о готовности ракет к залпу, «противник» нанес ядерный удар.

Снова вспыхнули пожары. Разрушены труба и ходовой мостик. Управление кораблем пришлось перенести в румпельное отделение. Весь экипаж в противогазах и специальных костюмах. Работать очень трудно. И все же в 15 часов 30 минут «Варяг» произвел многоракетный залп по эскадре «противника».

...Шестьдесят четыре года назад в бою у Чемульпо «Варяг» потопил один вражеский миноносец, а трем лучшим крейсерам нанес тяжелые повреждения. Ракетный залп нынешнего «Варяга» может уничтожить несравненно большее количество кораблей противника.

...Учения закончились. Обстановка, в которой они проходили, была близкой к боевой. Офицеры и матросы доказали, что они не зря носят имя варяжцев.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Мы карабкались на сопку, цепляясь за корни деревьев и скользя по каменным осыпям. Наконец мы на ровной площадке.

— Вот она, пещера Спящей красавицы,— сказал кандидат исторических наук археолог Эрнст Владимирович Шавкунов.— Это сейчас тут пещера, а лет восемьсот назад здесь был настоящий храм. Храм богини милосердия и деторождения Авалокитешвары. Судя по всему, тайный: три года назад, когда мы сюда попали в первый раз, фигуры были абсолютно целыми, чистыми и даже незакопченными. Когда-то здесь жили предки современных удэгейцев, орочей и нанайцев. Свое государство они называли Золотой империей и строили города, храмы, дворцы, создали свою письменность, поощряли развитие ремесел. Враги уничтожили Золотую империю... Остались сожженные городища, могильные курганы да вот этот храм...

Шавкунов включил фонарик, и мы нырнули в темень пещеры. Столбик света метнулся вверх. Прямо на нас смотрело гневное лицо. Глубоко посаженные глаза буравили темными зрачками. Копна волос словно отброшена ветром.

— Это хранитель входа,— сказал Шавкунов.— Демон. Как гласит легенда, под его взглядом человек очищается. Все черное и недоброе демон вырывает и оставляет за порогом храма.

Снова поворот, другой... Острые известковые выступы... Причудливо оплавленные сталактиты...

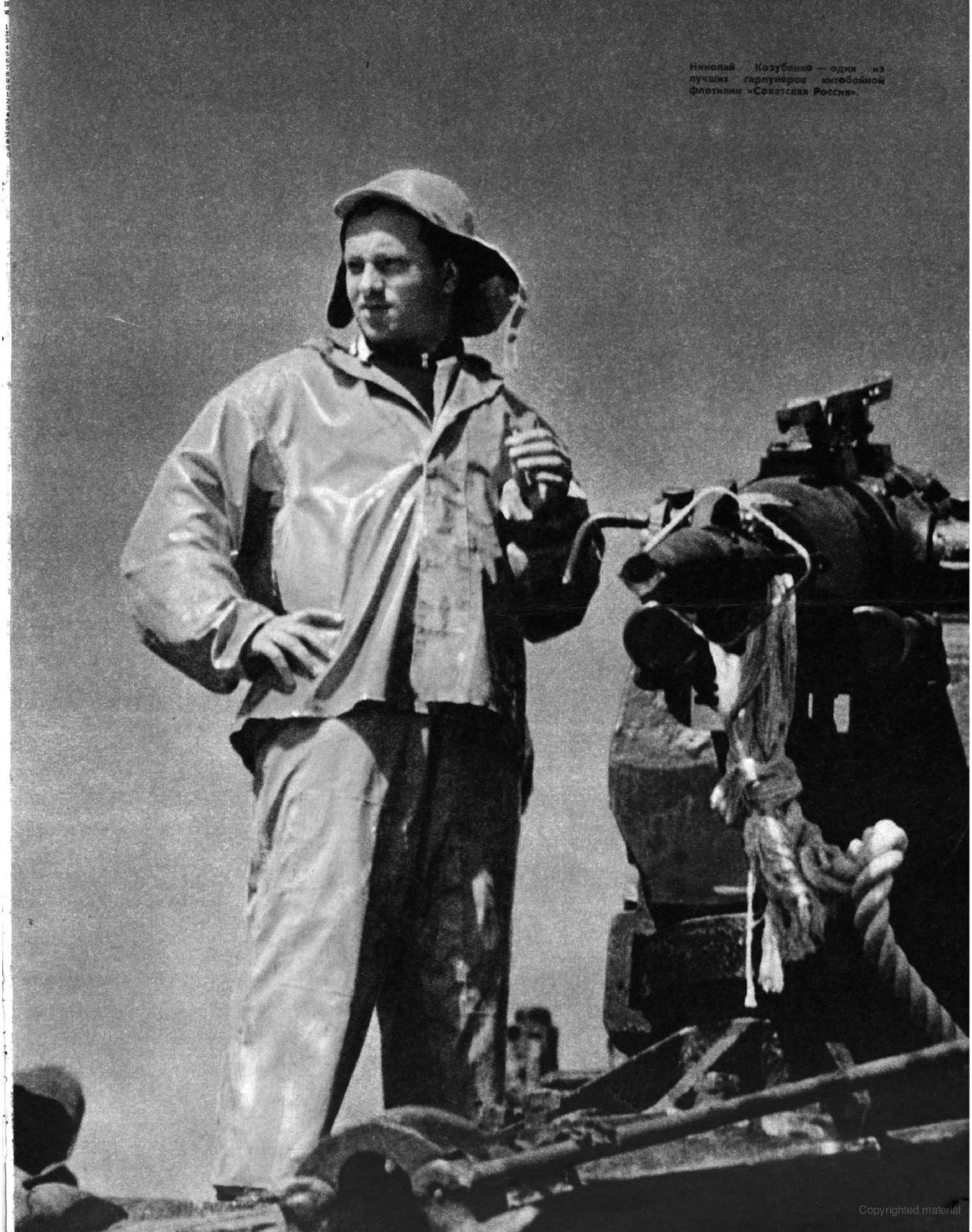
— Сейчас пойдем в третий зал. Авалокитешвара там. Лаз узкий, придется ползти.

Темно. Сыро. В тусклом луче склоненная голова. «Ведана,— тихо сказал Шавкунов.— Постоянный спутник и страж Авалокитешвары...» Помолчал. И медленно передвинул луч вправо. Сначала показалась прическа. Потом лоб. Глаза прикрыты ресницами. В скорбной улыбке сложены губы. Мягко очерченный подбородок, длинная стройная шея.

Так вот она какая, Спящая красавица, с именем, звучащим, как заклинание! Да, на свидание с тобой можно ехать за тысячи верст, карабкаться на сопку, ползти по пещере, чтобы прийти сюда и поклониться бессмертному искусству неведомого мастера.

КАЛЬМАР И КОЛБА

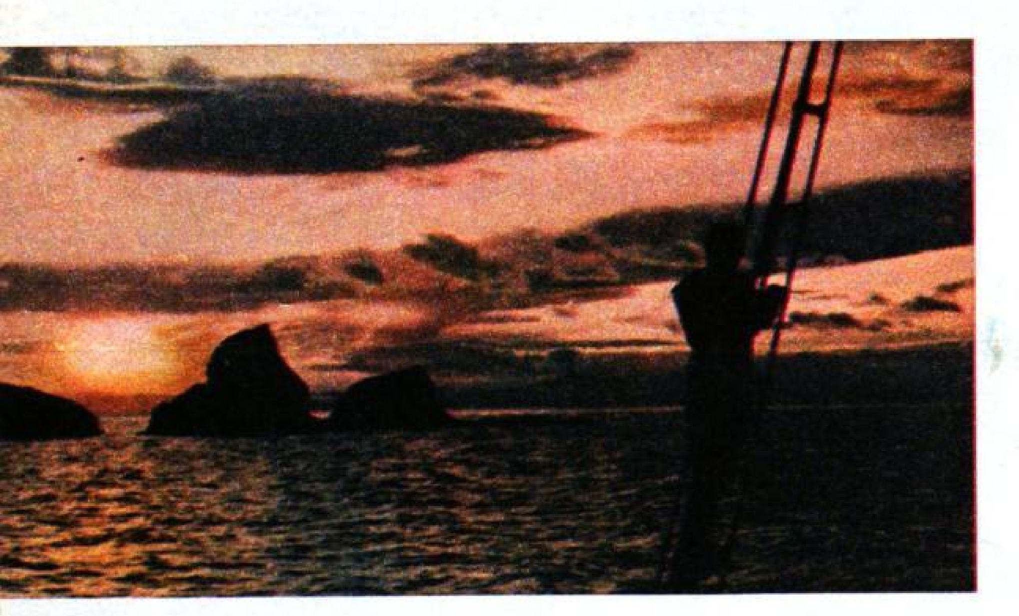
Письмо было странным. Пришло оно во Владивосток из украинского города Черновцы. Двадцатипяти-



Николай Козубенко — один из лучших гарпунеров китобойной флотилии «Советская Россия».



День и ночь кипит работа в порту Находка.



В заливе Петра Великого.

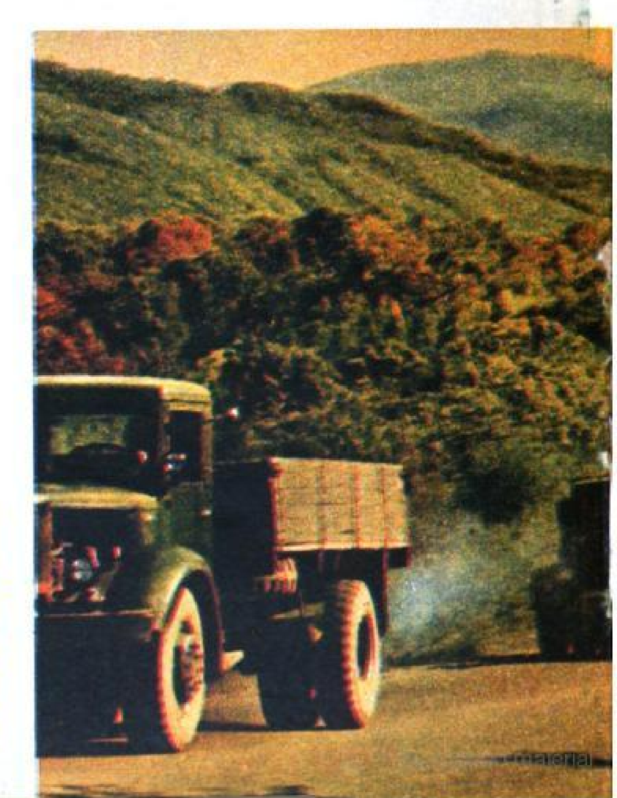


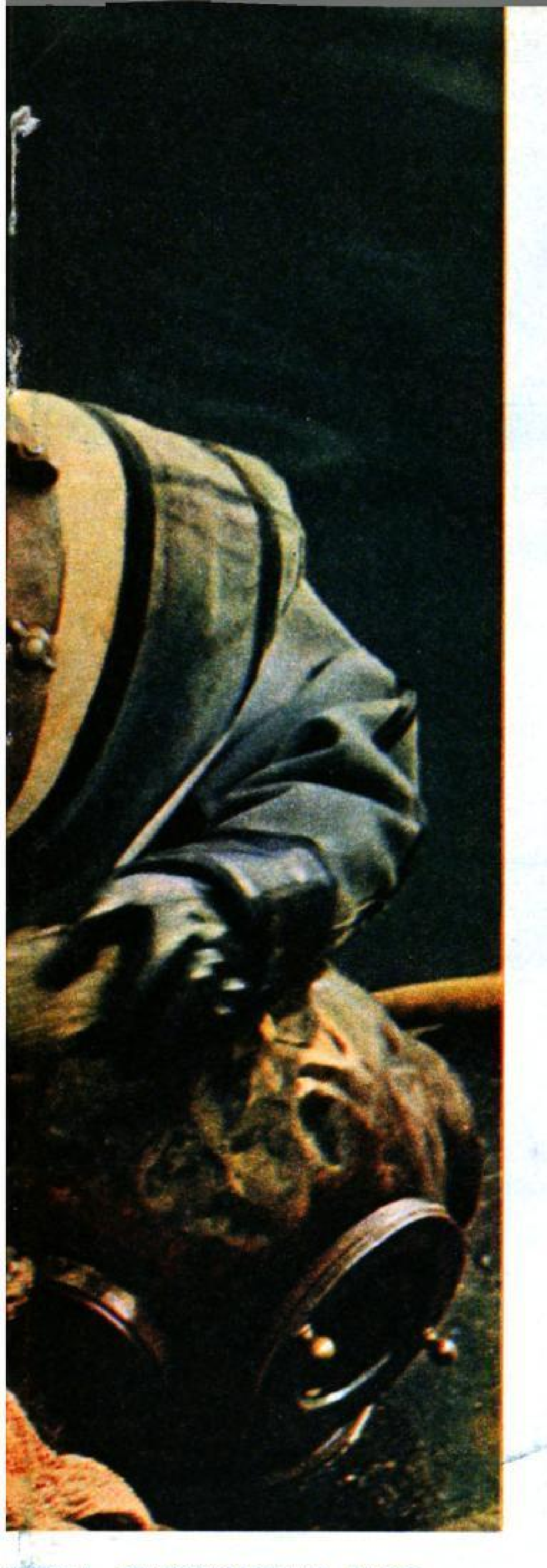
На острове Попова в Амурском заливе находится рыбокомбинат. Он
ми, трепангами, кальмарами. Добывают эти дары моря 50 водолазов. С

Дети Владивостока.

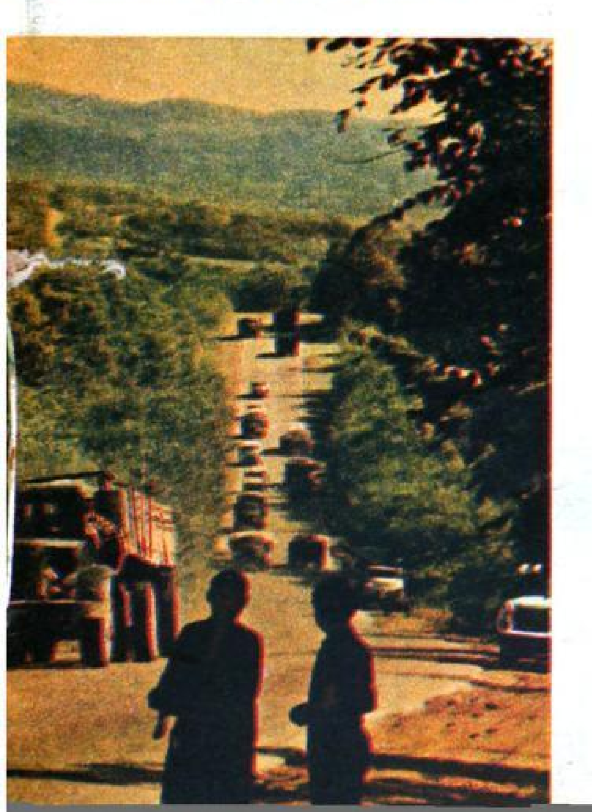


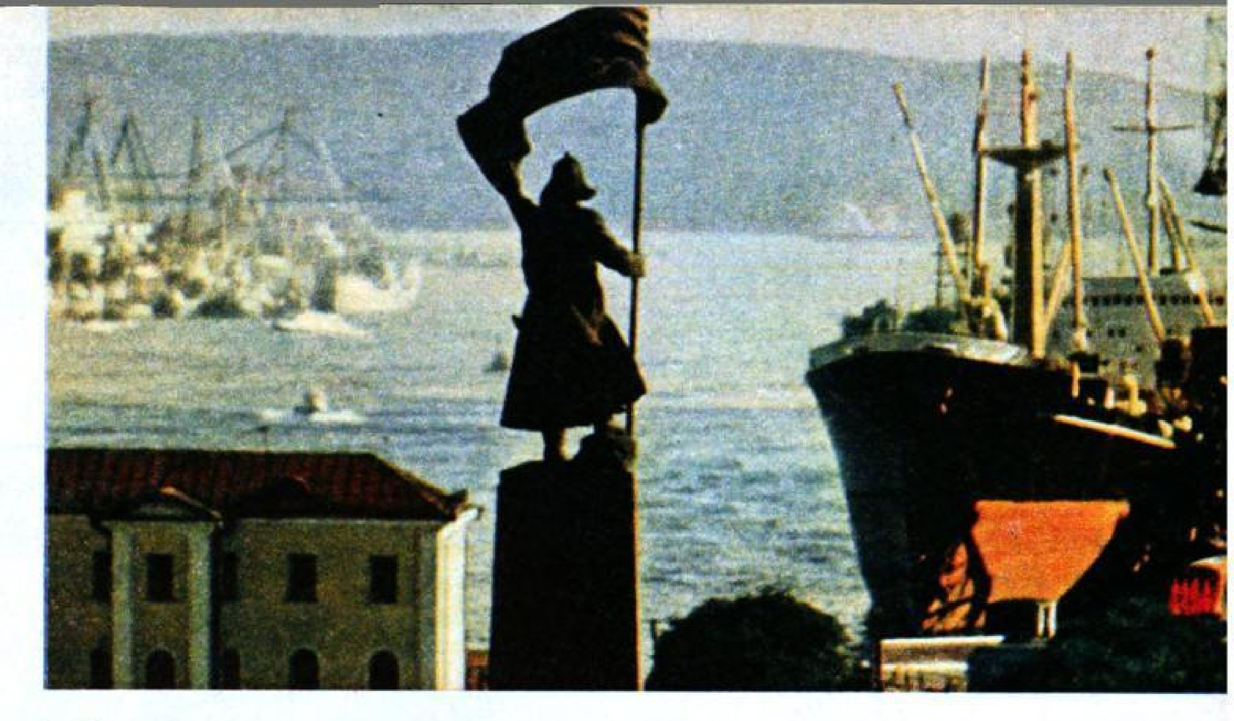
Дорога на Уссурийск.





лавится консервированными мидия-
егодня лучший улов у Бориса Мулина.





Удобна и гостеприимна бухта Золотой Рог, на берегах которой раскинулся Владивосток. И всегда начеку герой-партизан гражданской войны, навечно ставший у самого Тихого океана.



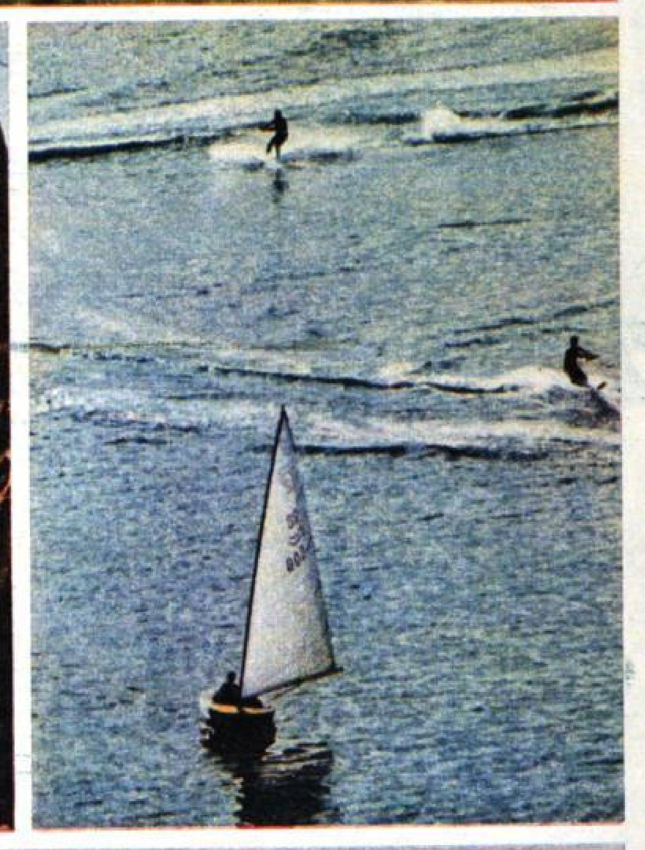
Продукция рыбокомбината. Остров Попова.

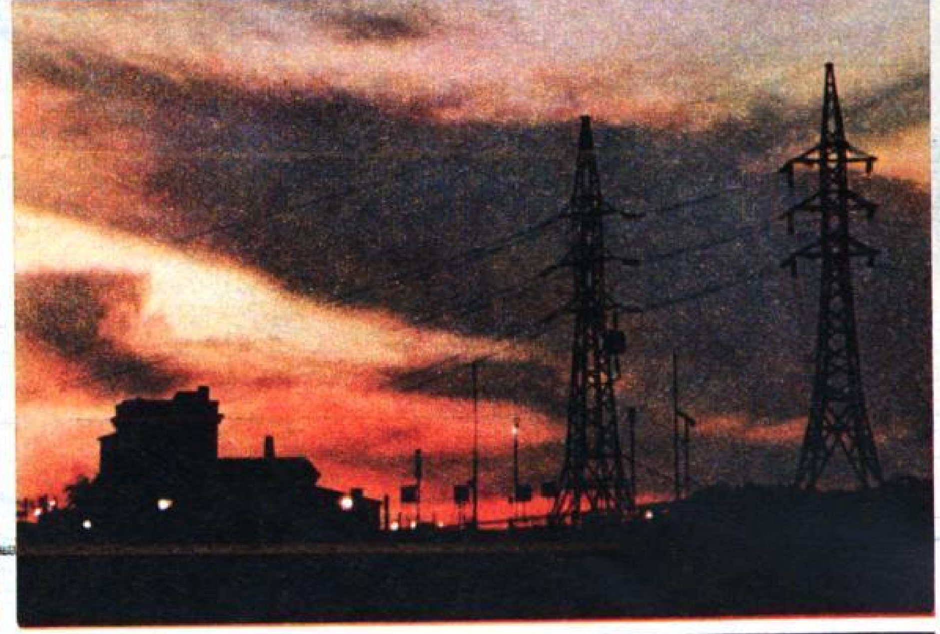
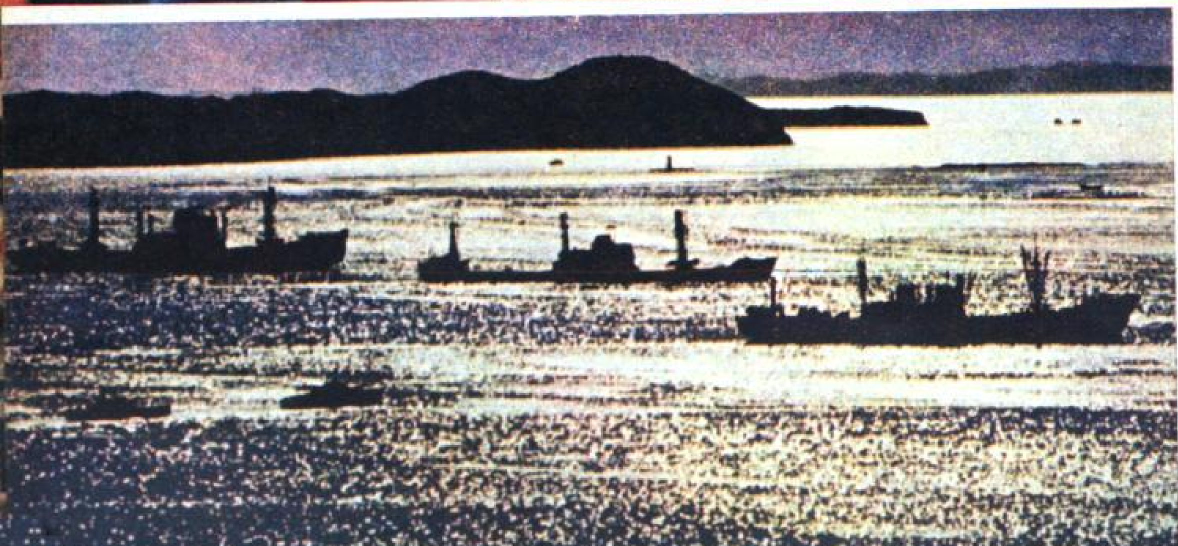
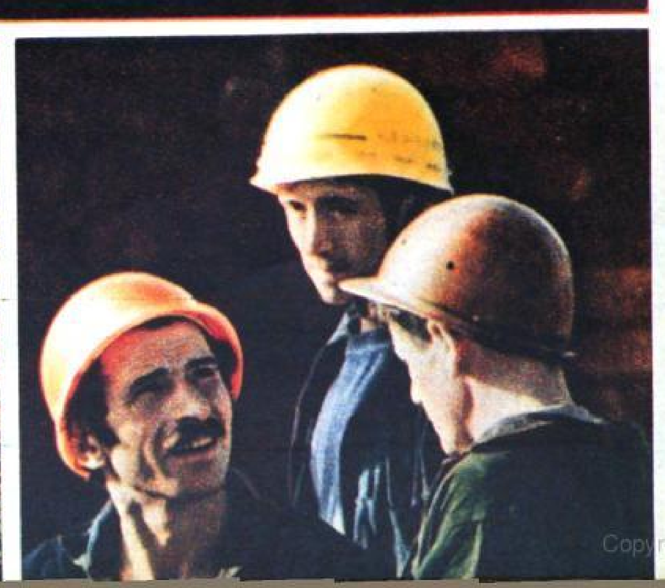


На закате.





Справедливая критика

Народный артист СССР Николай Крючков — один из самых популярных советских киноактеров.

Около 80 фильмов создано с его участием. Среди них такие, как «Окраина», «Комсомольск», «Трактористы», «Яков Свердлов», «Парень из нашего города», «Фронт», «Малахов курган», «Бессмертный гарнизон», «Жестокость», «Суд»...

Мы печатаем письмо Николая Афанасьевича Крючкова по поводу статьи В. Разумного «Позиция... но какая?», опубликованной в № 43 журнала «Огонек».

Я с большим интересом прочел в журнале «Огонек» № 43 статью профессора В. Разумного о журнале «Искусство кино» — «Позиция... но какая?».

Мне, как актеру, работающему много лет в нашей кинематографии с разными режиссерами разной творческой манеры и разной степени таланта, актеру, переигравшему много ролей в различных фильмах, непонятна позиция журнала «Искусство кино».

Мы, советские художники, не мыслим искусства, литературы, кино без боевого накала, без партийной страстности, без идейной нацеленности. Мы знаем, что искусства, а тем более сегодня, во время ожесточенной борьбы с буржуазной идеологией, искусства ВООБЩЕ, вне класса не существует и существовать не может! Только весьма близорукие люди могут думать, что существуют художественные произведения современного искусства без классового адреса, что существуют художники, которых вообще не интересует политика: будто их тема — это проблемы вечного, это проблемы только «общечеловеческие».

Журнал «Искусство кино» из номера в номер, с одинаковой бесстрастностью говорит и о художниках буржуазного кино и о художниках Советского Союза. Все реже и реже на страницах журнала вспоминают о боевом советском кинематографе и его мастерах, о социалистическом реализме в кино и о том, что родиной героического и революционно-романтического искусства на экране является Советский Союз.

Если собрать все статьи за последние годы о Феллини, Антониони, Де Сика, Бергмане (не спорю, талантливых мастерах) и о некоторых других режиссерах и актерах буржуазного Запада, напечатанные в журнале «Искусство кино», то о каждом из них можно составить по нескольку томов монографий похвалы и восторга. Но, к сожалению, о советских мастерах кино, создавших самое революционное киноискусство мира,— режиссерах, актерах, операторах, сценаристах — пишут в журнале очень редко. А если и пишут о наших деятелях кино, то главным образом о тех молодых режиссерах, которые находятся в плену подражания западным мастерам, подражания, из-за которого пропадает национальный характер искусства, пропадают идейная направленность и реалистическое отношение к изображаемой действительности.

Часто на страницах журнала восхваляются фильмы с мещанским брюзжанием, пессимистическими нотками, странной эротической развязностью. Все это преподносится как «художественная смелость» и «новаторство».

Вместо того, чтобы журналу «Искусство кино» популяризировать настоящие новаторские завоевания советского кинематографа, начиная от Всеволода Пудовкина, Сергея Эйзенштейна, Александра Довженко, Фридриха Эрмлера и многих других, ныне здравствующих мастеров советской кинематографии, о которых знает весь мир, вместо этого журнал только в годовщину смерти вспоминает имена великих мастеров советской кинематографии и отдает дань воспоминанию.

Как ни ищите, вы не найдете на страницах журнала серьезного разговора о творческом методе того или иного актера, десятки лет проработавшего в советской кинематографии, создавшего десятки образов своих современников, которые полюбили миллионы наших зрителей. Не ищите! Скорей наоборот, чем популярнее актер, чем больше он создал разных образов, тем непопулярней о нем разговор: это не модно, это трафарет.

Сколько ролей в нашей кинематографии сыграно такими замечательными актерами, как Любовь Орлова, Борис Андреев, С. Санаев, и многими другими, кто и сегодня украшает наше искусство и нашу кинематографию! Но разве о них вспоминают на страницах нашего киножурнала? Нет, не ищите этого!

Вы не найдете на страницах журнала статей о том, почему зритель уходит из кинозала, не досмотрев тот или иной фильм, не ищите хотя бы одну статью о причинах отказа зрителей посмотреть фильм, который восхваляется на страницах журнала «Искусство кино». Наоборот, во многих статьях вы найдете высказывания о том, что талантливость фильма не определяется количеством зрителей, будто фильмы делаются не для массового зрителя, а для горстки снобов из Дома кино.

Статью В. Разумного можно было бы продолжить по многим аспектам критики работы журнала «Искусство кино».

Надо с огорчением сказать, что нашему кинематографу с печатными органами здорово не повезло!

Очень жаль, что в статье В. Разумного не говорится и о другом киножурнале — о «Советском экране», который выходит фантастически большими тиражами — более четырех миллионов экземпляров в месяц! Около пятидесяти миллионов экземпляров в год! Это сотни тонн драгоценной бумаги! Это работа большой армии людей! И что же? Чему служит журнал «Советский экран»?

На этот вопрос можно твердо ответить: в основном рекламированию зарубежных фильмов, зарубежных режиссеров и актеров, а иногда, только иногда, на страницах журнала «Советский экран» появляются довольно невнятные заметки о советской кинематографии с определением главным образом «нравится» или «не нравится» тому или иному критику тот или иной советский фильм. Создается впечатление, будто журнал «Советский экран» пишет о советских фильмах по принуждению.

Или возьмем газету «Советский экран». Газета без позиции, мечется из стороны в сторону, будто боясь кого-то обидеть. А какая может быть идеологическая борьба, чтобы не обидеть противника!

Особенно следует отметить, что все эти печатные органы совершенно забыли о национальном характере искусства, и в частности киноискусства, без чего невозможна большая кинематография.

Разве не обидно, что смотришь иной наш фильм, и достаточно переменить имена героев, и не поймешь, где происходит действие кинокартины — в какой-нибудь западной стране или в Советском Союзе.

Обязательно надо укрепить редакции обоих журналов и газеты людьми, которые смогут поставить эти печатные органы на службу советской кинематографии и советским зрителям.

Народный артист СССР
Николай КРЮЧКОВ

летний выпускник Днепропетровского металлургического института Валерий Левин писал, что он, химик-технолог, по окончании института три года работал на заводе и вдруг, совершенно случайно прочитав книгу «Витязь» в Индийском океане», сразу понял, что завод не его дело. И поступил на вечернее отделение биологического факультета Черновицкого университета. Еще раньше окончил курсы легких водолазов и получил второй разряд по подводному плаванию. Кроме того, имеет спортивные разряды по борьбе, велоспорту и фехтованию... Просил он только одного — принять на любую работу, связанную с морем, морскими животными и подводным плаванием.

— Полгода письмо пролежало в институте океанологии, а потом попало ко мне,— вспоминает кандидат химических наук В. Е. Васьковский.— Как раз в это время в институте биологически активных веществ создавалась лаборатория химии флоры и фауны моря. Но для того, чтобы заниматься химией морских организмов, надо эти организмы иметь. Решили создать и группу морских подводных исследований. Люди нужны были особые. Мальчики, от нечего делать ныряющие с аквалангом, нас не устраивали. Надо было искать подводников-профессионалов, да к тому же биологов... Тут-то и попалось мне письмо из Черновиц. Через год мы построили Морскую экспериментальную станцию. Это единственная в своем роде станция в стране и одна из немногих в мире. А группу морских подводных исследований возглавил наш новый сотрудник инженер-биолог Валерий Левин.

На следующий день мы поехали на станцию. Шесть часов в «газике» — и перед нами бухта Троицы. Представьте заросшие бархатным деревом и диким виноградом сопки, разбросанные по склонам палатки, неправдоподобной красоты море и у самой воды — домик водолазов. Мы сели в моторку и помчались к белеющему вдали боту. Небольшая деревянная посудина густо чадила, деловито пыхтела и подрагивала от напряжения. На другом конце туго натянутого троса какое-то непонятное сооружение. Башня не башня, бочка не бочка... А за штурвалом стоял крепкий бородатый парень с пронзительно синими глазами и каракулевой шевелюрой.

— Левин,— певучим баском представился он.

— Что за зверя тащите?

— Подводная наблюдательная камера — вот что за зверь. Подтащим под бережок, затопим балластные бочки и опустим на пятиметровую глубину. А стемнеет — включим прожектор, влезем в камеру и через иллюминаторы будем наблюдать.

Потом Валерий взял меня в ученики. Надел акваланг, ласты, маску и сбросил в воду. Да не у берега, а далеко в море, около красивой скалы: сверху это самый обычный утес, зато под водой!.. Голубовато-зеленый таинственный свет... Бурые скалы... Страшноватые гроты... А на камнях — масса морских ежей, звезд, трепангов, мидий, гребешков...

— Теперь-то просто,— говорил Валерий, когда мы вылезли погреться на скалы.— Раскрыл журнал заявок, смотрю — просят трепангов и, скажем, мидий. Завожу бот — и прямо на то место, где они водятся... Два года шарил по дну, пока не обследовал всю бухту. Оказалось, что здесь семьдесят видов животных. Составил таблицу с точным указанием мест обитания и времени, когда и кого можно поймать. Ведь в принципе наша задача проще простого: в любое время года положить на стол исследователя нужное животное.

Вечером мы сидели в чудесном домике, который построил своими руками начальник станции В. А. Николаев. Лунная дорожка рассекала бухту. У самой воды летали светлячки. Но окна лабораторий еще не гасли.

— Только в одиннадцать выключим свет. И тогда уж все разойдутся,— сказал Николаев.— Ничего не поделаешь, приходится поднатужиться, иначе не хватит материала на зиму. А нужно его много. Ведь в том же трепанге, которого называют морским женьшенем, есть вещества, действующие так же, как корень жизни. Значит, надо их выделить. Иглы морских ежей — отличный краситель. Кальмар содержит великолепные антиокислители... В море есть все, что нужно человеку. Найти это «все» и дать людям — наша задача.

На главном здании Морской экспериментальной станции эмблема — кальмар и колба. Так ученые обозначили свой союз с морем.

НА СНИМКАХ:

Когда море спокойно.

Не зря пятнистого оленя называют олень-цветок.

На окраине Владивостока.

Быстрее ветра.

После трудного похода особенно приятно оказаться на улицах родного города.

Если нельзя погоду сделать, то можно хотя бы ее предсказать. Именно этим занимаются люди, работающие здесь.

Впереди — океан.

Они работают в порту Находка.



ЦЫГАН

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение.
См. «Огонек» № 47.

* * *

Под потолком, медленно накаляясь от движка, застучавшего на окраине поселка, забрезжили все сто матовых свечечек большой люстры и затопили желтоватым половодьем неяркого света заполненный людьми зал клуба. Не успевшие захватить места на откидных стульях располагались стоя вдоль стен, а ребятишки устраивались прямо на полу. В наступающей тишине хлопнула спинка последнего стула.

За столом встал председатель — темнолицый, с ежиком жестких, как проволока, седых волос учитель — пенсионер Николай Петрович, и на пиджаке у него, сталкиваясь, колыхнулись медали на муаровых подвесках.

— Уважаемые заседатели товарищеского суда приглашаются на свои места, а защитник с обвинителем — на свои.

Хозяйка придорожной хижины-корчмы, поясняя, наклонилась к постоялице:

— У нас все честь по чести, хоть и называется товарищеский суд. Николай Петрович не любит, чтобы абы как.

Еще два стула прохлопали спинками. Мужчина с ковыльно белыми, но еще не завядшими, а молодечески подкручиваемыми кверху усами и женщина с иссеченным морщинами грустным лицом учительницы поднялись из первого ряда по ступенькам на сцену и сели по обе руки от председателя за столом, покрытым сукном мышастого цвета. Хозяйка корчмы и тут проворчала над ухом у соседки:

— Уж не догадались для этого дела какого-нибудь другого матерьялу набрать. Я каждый раз как на эту серую шкуру взгляну, так сразу же и немецкие шинеля вспоминаю. А вот и моя Настя на свое прокурорское место идет.— И она больно ткнула постоялицу под ребро костяшками пальцев.

Девушка в оранжевой кофточке и в синих брюках, колыхая на затылке жгутом черносмолистых волос, перехваченных белой ленточкой, спустилась по проходу из глубины покатого зала и села перед столом президиума в первом ряду.

— Несмотря что в штанах, она и своим цыганам спуску не дает.

— А это с ней рядом кто? — спросила постоялица.

— Тоже цыган. Прокурор и защитник у нас цыгане, а суд — весь русский. Вот подожди, как она еще с ним резаться начнет.

— А Василия Пустошкина мы попросим на свое...— И, не договорив «место», председатель Николай Петрович пояснил остальное гостеприимным жестом в сторону одинокой скамьи, стыдливо приютившейся между первыми рядами и сценой. Обыкновенную лавку, сколоченную из досок и перекладин, должно быть, только в эти судные дни и вносили сюда. И человеку, очутившемуся на ней, вероятно, не очень-то уютно было чувствовать себя здесь, как между двух огней: между неукоснительным в своем следовании всем правилам судейской процедуры столом президиума и не менее, если не более непреклонной, а чаще всего и беспощадной публикой. Вот почему теперь не очень-то спешил занять ее и тот здоровенный, с круглыми детскими глазами Василий Пустошкин, которого столь широким жестом приглашал председатель. Но в конце концов увещевания Николая Петровича подействовали, и от самого входа, где Пустошкин стоял, прислонившись могучим плечом к дверной притолоке, он медленными и как будто заикающимися шагами направился через весь зал к злополучной лавке. Николай Петрович отечески подбадривал его:

— Иди, Вася, иди. Не стесняйся.

И публика, поддерживая председателя, сопровождала Пустошкина репликами вплоть до самого места:

— А за курочками, Вася, ты попроворнее бегал.

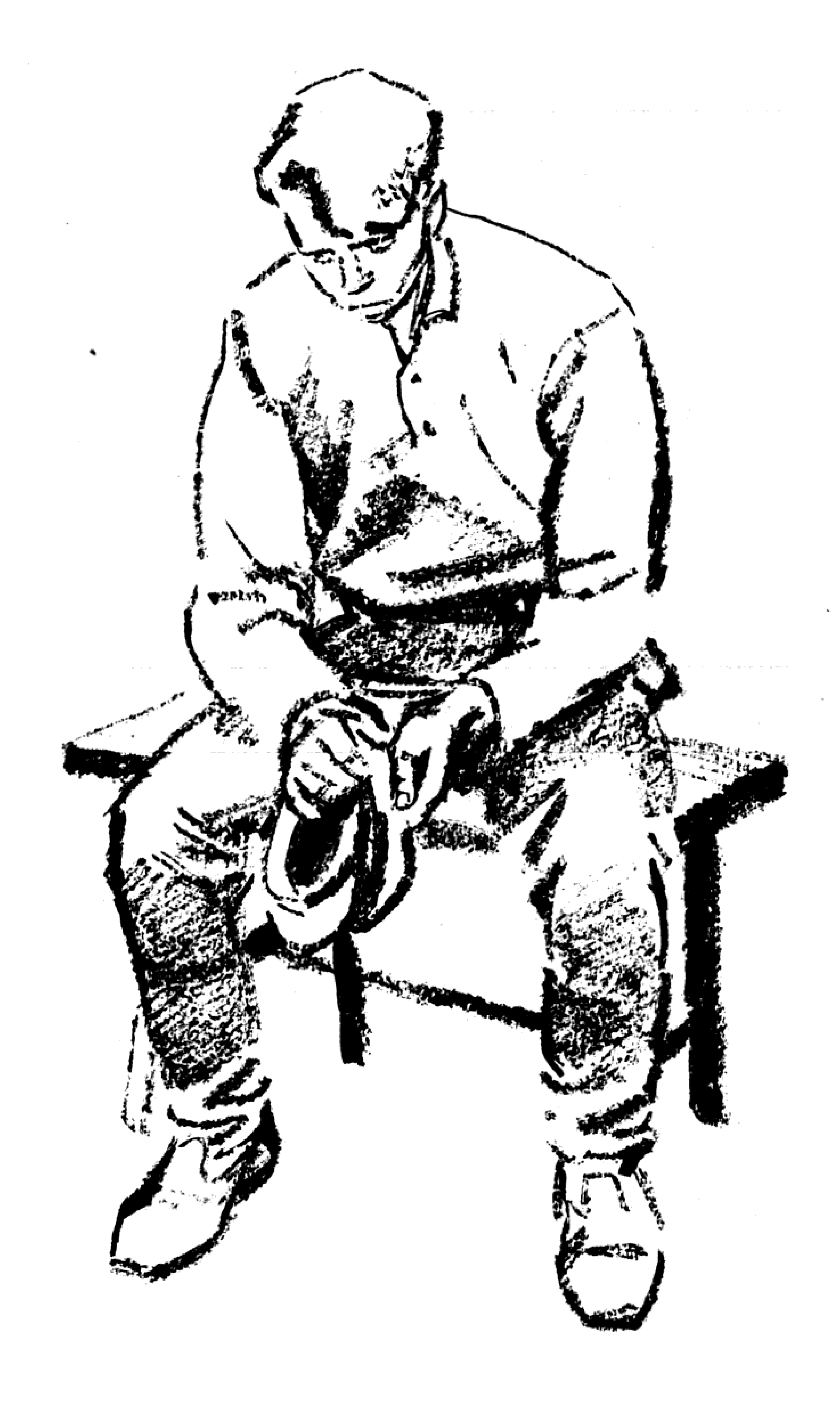
— Нет, он их сонными брал.

— Садись, Вася, на лавочку и не падай.

— Она по нему давно плачет.

— Любишь курятинкой закусывать, люби и косточки считать.

И вплоть до того самого момента, пока не плюхнулся он на скамью, его неотступно сопровождал этот враждебно-насмешливый огонь. Опускаясь на лавку, он опустил и голову, согнул плечи. Однако и здесь он меньше всего мог надеяться, что его оставят в покое.



Сразу и все тем же учительски дружелюбным тоном Николай Петрович попросил его:

— А теперь, Вася, ты, пожалуйста, расскажи нам, как ты к бабушке Медведевой в курятник залез.

Но тут Вася Пустошкин с недоумением поднял голову и чистосердечно-прямо взглянул на своего бывшего школьного учителя детскими голубыми глазами.

— Я, Николай Петрович, в курятник к ней не лазил.

Николай Петрович, судя по всему, был искренне удивлен:

— Вот как! А мне, Вася, люди наговорили, что будто бы это ты у бабушки Медведевой цыплят взял. Значит, наклеветали на тебя.

Хозяйка придорожной корчмы пообещала постоялице:

— Сейчас начнется первое действие спектакля. Николай Петрович всегда любит издалька.

— Значит, Вася, это кто-то другой у бабушки Медведевой цыплят покрал?

Могучую грудь Василия Пустошкина колыхнул глубокий вздох.

— Нет, Николай Петрович, я.

— Тогда ты, пожалуйста, нам получше все это поясни. Вот и другие члены суда тоже хотят знать.

И члены товарищеского суда, с которыми при этом по очереди переглянулся Николай Петрович, солидно покивали ему головами.

— Они у нее летом не в курятнике, а во дворе на большой груше спят,— застенчиво пояснил Вася.

— И поэтому тебе тоже пришлось за ними

на грушу полезть...— с явным сочувствием в голосе подхватил Николай Петрович.— А ветка возьми и подломись. Ты не помнишь, Вася, какой у тебя вес?

Вася вдруг застыдился так, что девический розовый румянец выступил у него на скулах, и не сразу ответил:

— Сто один.

— Ну, и в мешке с цыплятами было, по-твоему, килограммов двадцать или нет?

Но здесь Вася почему-то впервые решился твердо возразить:

— Меньше.

— Тогда нам придется с тобой точно посчитать. В мешке, как ты знаешь, было двадцать цыплят, а потерпевшая бабушка Медведева утверждает, что на ее безмене они вытягивали по килограмму. Правда, мамаша?

Тоненький дребезжащий голос ответил Николаю Петровичу из полутьмы зала:

— Я их, родненький, одной пашеничкой кормила.

С учительской укоризной в голосе Николай Петрович пожурил Пустошкина:

— Тут тебе, Вася, надо было лучше посчитать.

И тоже, как на уроке в школе, Пустошкин с подкупающей искренностью заверил своего старого учителя:

— Я, Николай Петрович, хорошо посчитал. Но я же им всем еще на груше головки поотрывал.

Смешок, как первый снежок, давно уже срывался и перепархивал по рядам в зале, но аудитория пока еще явно сдерживалась, по тону и по всему поведению Николая Петровича предвкушая, что главное наслаждение вечера ее ожидает еще впереди. И надо пока преодолевать в себе этот поднимающийся откуда-то из самой глубины смех, давить его и загонять обратно. Но с каждым новым ласковым вопросом Николая Петровича и новым покорным ответом Васи Пустошкина делать это становилось все труднее, и смех срывался все чаще, иногда прокатываясь по рядам сплошным гулом. Старый учитель Николай Петрович вел своего бывшего ученика Васю Пустошкина по тонкой кромке за руку, и тот послушно следовал за ним, как будто ему было уже не тридцать лет, а все еще двенадцать.

— Почему же ты, Вася, не убежал, когда упал?

— Я бы, Николай Петрович, убег, да мне память отшибло.

Кто-то из ребятишек, увязавшихся со своими отцами и матерями в клуб, звонким голосом сочувственно сообщил:

— Я эту грушу у Медведевых знаю. Дюже высо...

Но Николай Петрович при этом так глянул в зал, что последний слог у этого единственного нарушителя установленной судебной процедуры тут же и булькнул, застрял где-то в горле. Вслед за этим услышали все, как в тембре вкрадчивого голоса Николая Петровича заструилась прямо-таки неземная ласка, и затаились в уверенности, что вот оно наконец-то и начинается, то самое, ради чего стоило убить вечер. Вот когда можно было услышать, как тончайшими сверлами просверливают под потолком тишину налетевшие в раскрытые форточки с надворья комары.

— А теперь ты, пожалуйста, скажи нам, Вася, на что все-таки ты надеялся, когда собирался посчитать у бабушки Медведевой кур. Ты только не спеши отвечать, подумай. Ты ведь, Вася, и раньше всегда был сообразительным и должен был понимать, что за это, если попадешься, по головке тебя не погладят.

На шишковатом лбу у сообразительного тридцатилетнего Васи Пустошкина отражалась мучительная работа мысли, кожа собиралась складками и, опять расправляясь, натягивалась на кость, по красному лицу, по щекам давно уже струились ручьи пота. И все-таки он так и не мог понять, чего же хочет от него его старый учитель, Терпеливый Николай Петрович продолжал подкладывать ему мосток за мостком для перехода через эту трясину на берег истины.

— Ты, Вася, не нервничай и постарайся вспомнить все по порядку с той самой минуты, когда ты взял мешок и вышел из дому. Я вижу у тебя на руке часы «Победа», хорошие часы, у меня тоже такие. И когда мне нужно куда-нибудь идти, я всегда смотрю на них. Ты, Вася, посмотрел на свои часы перед тем, как выйти из дому?

— Посмотрел.

— Сколько на них было?

— Час,— расправляя на лбу морщины, твердо ответил Вася.

— И ты, конечно, догадался, что в это время у нас в поселке все уже должны были... Ты всегда был сообразительным, Вася.

И Вася не замедлил радостно подтвердить:

— Спать!

— Правильно,— похвалил его Николай Петрович.— Потому что к этому времени в нашем поселке и танцплощадка давно уже закрыта и все телевизоры по домам выключают. Ну, а теперь давай с тобой выясним: после того, как человек уже выйдет из дома, на что он обязательно должен посмотреть?

— На часы! — без запинки подхватил Вася.

— Нет, Вася, на этот раз ты недостаточно подумал, и я уже просил тебя не спешить. Вот я, например, когда выхожу из своего двора, то по привычке поднимаю голову и смотрю на...

— Небо! — не давая ему договорить, радостно рявкнул Вася.

Эхо его голоса гулом смеха откликнулось в зале клуба, но тут же и замерло, потому что не наступило еще время для всевластного смеха. Еще надо было дать Николаю Петровичу время, чтобы он до конца извлек право на этот смех из самых глубин послушно стоявшего перед ним Васи.

— И ты, Вася, увидел, что ночь была темная, месяц уже зашел и тебе нечего бояться. А наутро, когда бабушка Медведева должна будет хватиться своих цыплят, ей и в голову не должно будет прийти подумать на тебя, а, конечно, она подумает прежде всего на своих соседей. Ты не поможешь нам, Вася, припомнить здесь, кто в прошлом году въехал в новый домик по соседству с бабушкой Медведевой?

— Цыгане,— упавшим голосом припомнил Вася.

Может быть, впервые изнанка собственного умысла начинала открываться ему в ее истинном свете, на лбу у него усиленно задвигалась кожа, собираясь в складки и расправляясь, и глаза его с беспокойством забегали по рядам зала. Но знакомая рука продолжала вести его до конца.

— А про цыган, Вася, тебе всегда было известно, что они... Дальше, Вася, ты можешь и без моей подсказки обойтись...

И, повинуясь ему, тридцатилетний мужчина, как на уроке в школе, докончил:

— Курей воруют.

— Молодец, Вася. Только не курей надо говорить, а кур... И после этого ты решил, что если ты пощупаешь курочек у бабушки Медведевой, то никто, конечно, не должен будет подумать на тебя, а все могут подумать только на...

— Цыганей,— с ненавистью взглядывая на своего старого наставника круглыми голубыми глазами, выговорил весь красный и мокрый от только что перенесенного умственного напряжения Вася Пустошкин.

И сразу же после этого в клубе грянул такой оглушительный хохот, что, казалось, лопнуло небо. Зазвенели стеклянные подвески на люстре. Навзрыд плачущими голосами люди — и мужчины и женщины — обрушили на голову Васи целый град одобрительных реплик:

— Ой, Васечка, сообразил.

— Мала детина, а ума палата.

— Пятерку ему за это поставить.

— От штрафа освободить.

— А еще брехали, будто он в каждом классе по три года сидел.

— Неправильно, значит, сидел.

— Учителя придирались.

— Это вы, Николай Петрович, затирали Васю.

— Ой, люди добрые, надо сделать перерыв.

Плачущая вместе со всеми слезами смеха хозяйка придорожной корчмы загордилась перед постоялицей:

— А что я тебе говорила?! Подожди, еще не то будет.

Но вскоре стало выясняться, что смеялась хоть и подавляющая, но только часть аудитории, а другая ее часть все это время молчала. И больше того, она не просто молчала, а презрительно и даже враждебно. Вот тут-то и можно было установить, какую не столь уж незначительную часть населения этого поселка конезавода составляют цыгане. Потому что они-то, оказывается, и сохраняли молчание все как один, не исключая и цыганок, с нескрываемым презрением наблюдали, как хохочут и беснуются все остальные. Зато ж, как только схлынула в клубе волна смеха, расплеснувшись ручейками по рядам, и вознаградили они себя с лихвой тем всеобщим торжествующим воплем, на который, пожалуй, никто, кроме них, не был способен. Все остальные в зале, услышав его, так и притихли. Это кричали цыгане. Изливая свои чувства, они многоцветной волной так и выплеснулись из рядов к сцене, в то время как все другие, коренные жители этого поселка, в растерянности остались на своих местах. Еще бы! Часто ли им, цыганам, вообще приходится и придется ли еще когда-нибудь вознаградить себя таким торжеством за весь тот позор, ту напраслину и поклепы, которые от века привыкли возводить на них люди! Как только где-нибудь что-нибудь пропало, то, значит, украл цыган, и если кого поблизости обманули, то ищи непременно цыганку. Агрессивнее всего, конечно, теперь и стремилась выразить свои чувства эта — женская — половина оскорбленного племени. Подскакивая к оставшемуся на своем месте, на скамье, и совершенно ошеломленному Пустошкину, цыганки совали ему в лицо кулаки и брызгали на него слюной: «Цыгане воры, да, а ты честный, да?!» И еще что-то они кричали ему по-цыгански и, сплевывая тут же на пол и растерев это место на полу подошвой, отходили от него, изображая крайнюю степень возмущения, чтобы тут же опять вернуться к нему с воздетыми кулаками. «Тьфу на тебя, тьфу!» — плевалась рядом с Пустошкиным та самая молодая и толстая цыганка Шелоро, которая до этого обменялась нотами с Настей у крыльца клуба. Однако и мужчины цыгане ни за что не хотели упустить столь редко выпадавшего на их долю случая. Особенно муж той же Шелоро, столь же тщедушный и маленький, сколь внушительной была по всем своим объемам и формам его супруга. Он уже успел не меньше десяти раз подскочить к бедному Пустошкину все с одними и теми же словами: «Курочка — в мешок, а я за тебя — в тюрьму, да?!» Длинное красное кнутовище торчало у него из-за голенища сморщенного, как гармошка, сапога, полы черного и короткого ему сюртучка развевались. Рыжие маленькие усики грозно топорщились на верхней губе.

Цыганские слова склубились с русскими во всеобщем гвалте. Только, пожалуй, двое из всех цыган и не принимали в нем никакого участия, оставаясь все это время сидеть на своих местах в первом ряду: Настя и ее сосед с сутуло сгорбленной спиной и низко склоненной головой, с опущенными между колен руками. С тем же презрением, с каким обходились теперь цыгане с Пустошкиным, и, пожалуй, даже с жалостью Настя смотрела на своих соплеменников, а ее сосед так ни разу за все время и не поднял головы.

Пустошкин затравленно озирался. Но и сам председатель товарищеского суда Николай Петрович, судя по всему, не очень-то уверенно чувствовал себя в этом окружении бренчащих цыганских мериклэ[1] и сверкающих черных глаз. Наверно, он и сам уже не рад был тому, что по неосмотрительности развязал эти страсти. А теперь попробуй-ка, загони их обратно, если у этих так легко воспламеняющихся людей оказалась задетой их самая больная струнка. Вот когда ему приходилось убеждаться, что на старости лет он оказался не очень-то хорошим педагогом. И теперь ничего больше не оставалось, как положиться на время в надежде, что все эти страсти улягутся сами собой. Помощи ждать было неоткуда.

Внезапно Настин сосед, цыган с небольшой кудрявой бородкой, впервые за весь вечер поднял голову и что-то по-цыгански крикнул своим соплеменникам, столпившимся в просвете между первым рядом зрительного зала и сценой. Не очень-то громко и крикнул, тем более, что голос у него был глуховатый, но, оказывается, все другие цыгане его услышали. И тут же весь гвалт в клубе прекратился. А еще через минуту все цыгане уже вернулись на свои места. Опять стало слышно, как сверлят тишину комары.

[1] Монисто.

— Ты что это вся задрожала? — с удивлением спросила хозяйка придорожной корчмы у своей квартирантки.

— Очень холодно у вас в клубе,— ответила квартирантка.

— А мне ничего. А когда этот цыган свою аспидную бороду поднял, так даже жарко стало. И где он ее себе такую дремучую добыл?

Теперь и Николай Петрович мог без всяких помех продолжать заседание товарищеского суда. Однако на этот раз он, по-видимому, решил воздержаться от любых неосторожных шуток, чреватых опасностью нежелательного взрыва. Еще не вполне оправившийся от растерянности голос его, когда он вновь поднялся за столом, прозвучал чуть смущенно и серьезно:

— Есть, граждане, мнение по данной мелкой краже прения сторон не открывать, поскольку обвиняемый Пустошкин, помимо чистосердечного раскаяния и полного возмещения убытков потерпевшей бабушке Медведевой, добровольно согласился внести положенный штраф в сумме десяти рублей.— И Николай Петрович опять поочередно переглянулся за столом с членами товарищеского суда, которые и на этот раз авторитетно покивали ему головами.— Деньги, Вася, ты через сельсовет будешь вносить или с собой принес?

— С собой.

Пустошкин привстал со своего места, положил на стол пачку новеньких рублей и опять сел. Но председательствующий Николай Петрович тут же опять и поднял его.

— Нет, теперь тебе, Вася, не обязательно на этом почетном месте сидеть.

Чуткий зал незамедлительно откликнулся на это целым роем реплик:

— А если ему там понравилось?

— Нехай еще трошки посидит.

— Пусть привыкает.

Как всегда, особенно беспощадны были женщины:

— На груше ему, конечно, еще почетнее было сидеть.

— Теперь тебе, Вася, прямой расчет в цыганскую веру переходить.

— Без бороды его не примут.

— Бороду мы ему в драмкружке какую угодно подберем.

— А усы он пускай свои отпустит.

— Усы будут рыжие, а борода черная.

Под градом этих реплик Пустошкин, пригнувшись, пробирался по проходу в глубь зала, выискивая себе место поскромнее, куда не так достигал скуповатый свет, ниспадавший сверху, от люстры. На помощь ему пришел все тот же Николай Петрович, постучавший карандашом по горлышку графина на столе:

— Попрошу реагирование прекратить. И тем, которые явились сюда с малыми детишками, предлагаю покинуть зал. Сколько еще раз можно предупреждать?!

В глубине полуосвещенного зала началось какое-то смутное движение: что-то замелькало, зашмыгало между рядами, зашелестели юбки, и несколько женских голосов неуверенно возразили Николаю Петровичу:

— Детишек тут давно уже нет.

— Они уже спят давно.

Николай Петрович, распрямляясь за столом, раздул ноздри.

— Я по воздуху слышу.

Засмеявшись, публика опять настроилась было на игривую волну, но председатель поспешил в самом зародыше пресечь неуместное веселье:

— Открыть окна. А Шелоро Романовой предлагаю занять свое место на скамье.

Добровольцы бросились открывать большие окна с двух сторон зала, и тотчас же в клуб из окружающей степи, как из большой чаши, пролилась свежесть летнего августовского вечера и стал наплывать отдаленный гул кукурузоуборочных комбайнов, иногда перебиваемый более близким гулом автомашин со шляха, а под потолком, вокруг люстры, радужным венчиком закружились ночные жучки и бабочки.

Хозяйка придорожной корчмы спросила у своей новой постоялицы:

— Кого ты там все время выглядаешь? Так и егозишь на своем месте.

— Просто мне интересно на ваших цыган посмотреть.

— А... Ну, смотри, смотри. Я же тебе говорила, что у нас не нужно и в театр ходить. Сиди спокойно. Сейчас начнется второе действие спектакля.

На груди у Николая Петровича вновь пришли в движение все его военные и гражданские медали.

— Вас, Шелоро Романова, еще сколько раз можно приглашать?

Нисколько не обескураженный суровыми интонациями его голоса женский голос спокойно ответил откуда-то из полутьмы зала:

— А мне и отсюда хорошо видно.

Николай Петрович наискось через грудь и поперек пояса провел легким движением пальцев, как если бы на нем был сегодня надет не штатский учительский пиджак, а гимнастерка, перехваченная портупеей и офицерским ремнем, и награды у него на груди прогремели совсем недобро.

— А суду ничуть неинтересно, чтобы вам было видно. Суду интересно, чтобы все люди могли на вашу личность посмотреть. Но, конечно, если вы протестуете, мы можем и заочно решить.

— Ты меня, Николай Петрович, не стращай. Я не из пугливых.

Но все же к сцене, на которой заседал товарищеский суд, Шелоро вышла. Она, кажется, и в самом деле не настроена была бояться всей этой грозной процедуры суда. Иначе она не нарядилась бы сегодня так, как если бы пришла сюда не в качестве обвиняемой, а на какое-нибудь торжество: в свою, несомненно, лучшую красную индараку[1], из-под которой выглядывала широкая кайма еще более красной юбки с выглядывающими, в свою очередь, из-под нее совсем уже алыми кружевами. И когда, останавливаясь перед сценой и подбочениваясь, она независимо встряхнула головой, ее крупные черные мериклэ, тремя низками ниспадавшие с шеи на ее желтую думалы[2], прогремели, пожалуй, ничуть не тише, чем благородный металл заслуженных наград на груди у Николая Петровича. Нельзя сказать, чтобы она красива была, но была у нее та вызывающая, с крупными глазами, крупными же губами и ярко нарумяненными щеками внешность, мимо которой нельзя было проскользнуть взору.

Хозяйка опять подтолкнула свою постоялицу острым кулачком.

— Теперь и смотри и слушай.

Николай Петрович, видя, что Шелоро остановилась перед столом и не торопится занять место на скамье, освобожденное для нее Пустошкиным, напомнил:

— Садитесь же, Шелоро Романова. В ногах, как вы знаете, правды нет.

На что последовал немедленный ответ:

— У кого нет, а у кого и есть.

И, не садясь на скамейку, а лишь покосившись в ту сторону влажно блестящим зрачком, она быстро сунула руку за вырез своей думалы и, вынув оттуда что-то, положила на стол перед Николаем Петровичем.

— Это что еще такое?

Шелоро спокойно пояснила:

— Тут десять рублей.— И, помолчав, добавила: — Десятка.

Николай Петрович впервые за весь вечер вдруг коршуном вытянул из-за стола жилистую шею:

— Какая десятка?

— Мой штраф. Записывай за мной и распускай людей по домам. Тут все по рублю. Не веришь, можешь пересчитать. Какими мне люди подают, такими и я расплачиваюсь, а если мало...— И она опять было полезла рукой за вырез своей желтой думалы.

У Николая Петровича верхняя губа, приподнимаясь, обнажила вставные зубы, и затаившийся зал услышал, как он с высвистом выдохнул воздух:

— А вы знаете, гражданка Романова, что вам может быть за подобное вопиющее неуважение товарищеского суда?!

Шелоро неподдельно удивилась:

— Почему неуважение? Если б я не уважала, вы бы тут со мной до рассвета не разошлись, цыгане поговорить умеют. А я свой штраф тоже желаю добровольно уплатить. Записывай его, Николай Петрович, и распускай людей.

[1] Юбка.
[2] Кофта.

Брезгливым движением Николай Петрович отодвинул ее рубли от себя так резко, что они едва не слетели на пол и лишь чудом задержались на краешке стола зыбкой, трепещущей стопкой.

— Вы что же, надеетесь от товарищеского суда своими нечестно заработанными деньгами откупиться?

Глядя на раздувшиеся ноздри Шелоро, можно было предположить, что сейчас она разразится бурей, но она лишь с сожалением посмотрела на Николая Петровича.

— Нехорошо, Николай Петрович. Тебя в нашем поселке и русские и цыгане уважают, а ты меня обидеть решил. Почему нечестными? Каждый человек получает деньги за ту работу, какую он умеет делать. Люди зря платить не станут. И ты, Николай Петрович, этими моими деньгами не гребуй. Тут за все мною прогуленные пять дней. На кукурузе я и зарабатывала не больше чем по два рубля в день.

Еще неизвестно было, как стал бы отвечать на все это Николай Петрович, потому что, судя по всему, такого поворота и он не ожидал. И он явно обрадовался, когда сидевший по правую руку от него член суда, мужчина с пушистыми ковыльными усами, грубовато бросил Шелоро из-за стола:

— А ты бы поменьше в кукурузе карты раскладала. Могла бы, как другие, зарабатывать и больше.

Шелоро покачала головой с большими серьгами в ушах.

— Нам эта работа не подходит.

— Чем же она тебе плохая?

— Ты меня, бригадир, на слове не поймаешь, не думай, что только ты один тут самый умный. Если хочешь поймать, бери штраф, а если хочешь от меня правду узнать, то послушай. Я же не говорю, плохая работа, а не цыганская она. Под нашу природу не подходит. Кто смотря к чему от рождения привыкал. Мы люди из природы, и нам еще нужно время, чтобы к этой работе привыкнуть.

И здесь, уже в третий раз за вечер, хозяйка придорожной корчмы ткнула под бок соседку кулачком.

— Слушай, слушай! Сейчас ей за эту природу моя квартиранточка Настя и врежет. Как цыганка цыганке. Видишь, она уже поднимается.

Над первым рядом заколыхался куст чернобдестящих волос, перехваченных белой ленточкой. И почему-то в зале сразу же прекратилось всякое движение и самый невинный шум: полушепот переговаривающихся соседей, стыдливый кашель. Высокий и гортанный голос с насмешливой презрительностью поинтересовался у Шелоро:

— И от своей полдюжины беспризорных детишек ты тоже думаешь откупиться этой десяткой, Шелоро?

Ни на одну секунду не промедлила Шелоро со столь же насмешливо-презрительным ответом:

— Мои дети, Настя, тут совсем ни при чем. Вот ты, когда себе заимеешь своих, тогда и будешь ими, как захочешь, торговать. Но до этого тебе еще придется хорошего муженька подобрать. А то ты, бедная, так еще и не решила, из каких себе выбрать — из бородатых или из молодых.

Почему-то при этих словах Шелоро какой-то гул или, скорее, ропот прокатился по залу клуба, и Настя на минуту потупилась — не для того ли, чтобы скрыть краску, так и прихлынувшую к ее щекам. Но тут же она опять вздернула головку с модным начесом, и все увидели, что на лице у нее уже ни кровинки.

— Об этом не беспокойся, Шелоро, тебя с бубном я на свою свадьбу все равно не позову, а вот твоих при живой матери сироток, пока ты ездишь людей дурить, мне, правда, и купать приходится, и расчесывать, и глаза им цыганскими и русскими сказками на ночь закрывать. И это бы еще ничего...

Шелоро низко поклонилась Насте, так что ее мериклэ достали до самого пола, и серьезно сказала:

— За своих детишек, Настя, я тебе уже говорила спасибо и еще раз не поленюсь сказать, но это же, Настя, такая твоя должность за нашими детишками в детском садике глядеть, и тебе за это тоже немалые деньги платят.

Новая волна ропота, прокатившаяся при этих

словах Шелоро, явно не свидетельствовала в ее пользу, угрожая затопить ее всплесками взметнувшихся в разных концах зала реплик:

— А у тебя какая должность?!

— Вот это называется мать!

— Может, тебе за это тоже зарплату платить?

А у жены Василия Пустошкина, которая даже привскочила со своего места, чтобы наконец-то взять реванш за позор, только что перенесенный их семейством, стремительный залп слов невольно для нее самой сложился, как в частушке:

— Она, значит, будет ездить ворожить, а мы, значит, будем ее деток сторожить?

И этого оказалось достаточно, чтобы вслед за взрывом смеха не израсходованная еще часть огня, предназначавшегося Шелоро, переключилась на нее:

— Вот это у Васи жена!

— Отомстила Малаша.

— Ждала, ждала и подстерегла.

— Так их, Малаша, этих цыганей!

— Чтобы они не обижали твоего Васю.

— За такой, Вася, танкой и ты не пропадешь.

Даже Шелоро заулыбалась. Все еще не садясь на свое место, Малаша Пустошкина попыталась было противостоять этому натиску и даже перекричать его своим натренированным в словесных баталиях с соседками басом, но даже и ей с ее могучим и рослым под стать своему Васе телосложением это оказалось не под силу.

— А, да ну вас!

И она села. Супругам Пустошкиным сегодня явно не везло на трибуне. И лишь тем они могли считать себя частично вознагражденными, что по залу, по рядам, от человека к человеку еще долго передавалась вместе со смешками непредумышленная Малашина прибаутка: «Она, значит, будет ездить ворожить, а мы, значит, будем ее деток сторожить?» Пока эти часто повторяющиеся слова не вызвали у кого-то в зале и совсем других, исполненных глубокой задумчивости слов:

— А на чем же они теперь могут ездить на свою ворожбу?

Не таким-то и громким голосом они были обронены, но ни от кого не укрылось, как вздрогнула Шелоро и улыбка тут же замерзла у нее на губах. Как будто в зале щелкнул цыганский кнут. Глаза ее, как два больших лохматых шмеля, зачем-то метнулись в полутьму зала и стали там шарить, выискивая что-то по рядам. Она совсем не умела и даже не пыталась скрыть, как ее напугал этот нежданно подкравшийся вопрос. Но, кажется, и не только ее, потому что и та самая громкоголосая часть аудитории, которая только что столь яростно атаковала Васю Пустошкина, сразу же оказалась безголосой и смиренной. Цыгане понурились и сидели молча. И только Настя, колыхнув кустом волос, отчетливо сказала:

— Об этом нужно спрашивать не у нее. Об этом лучше всего может рассказать ее муж Егор.

Николай Петрович поднялся из-за стола.

— Егор Романов здесь?

Очень скоро выяснилось, что Егор Романов, муж Шелоро, внезапно потерялся в полутемном зале клуба, как иголка в стогу сена. Должно быть, потому, что он был здесь, пожалуй, самым маленьким из всех мужчин — и не только из цыган. Правда, совсем недавно его, несмотря на это, и видно и слышно было больше всех, и яростнее всех он, как ястреб, наскакивал на Пустошкина, развевая полами своего сюртучка,— и вот Егор исчез. Жена его, Шелоро, с бледным тревожным лицом стояла у сцены, и глаза ее метались из стороны в сторону, как два больших шмеля, но самого Егора не было. И уже отчаявшийся вызвать его из полутьмы зала Николай Петрович так, должно быть, и махнул бы на него рукой, если б не тот же Пустошкин. Встав с места, он долго буравил глазами зал, неярко освещенный светом от движка, и все-таки, высмотрев то, что ему надо было, вдруг торжествующе завопил:

— Так вот же он где! Его же сами цыгане в своем темном кутке и хоронят.

И после этого тем же цыганам, которые надеялись спрятать Егора Романова от ищущих его взоров, ничего другого не оставалось, как самим и вытолкнуть его из темноты своих тел на свет, как пробку из бочки.

Невольным новым взрывом смеха сопровождалось появление его перед столом, мелкорослого и щуплого, с торчащим из-за голенища кнутовищем, рядом со своей супругой Шелоро. Так она подавляла его внушительностью всех своих форм и объемов. Единственным, кто не мог сейчас позволить себе засмеяться или хотя бы улыбнуться, был председатель товарищеского суда Николай Петрович. Судорожно преодолевая улыбку, дергающую мускул щеки, он с преувеличенной официальностью спросил у Егора:

— У вас, Егор Романов, лошади есть?

В своем коротеньком сюртучке Егор стоял лицом к столу суда, спиной к залу.

— Есть, Николай Петрович.

— Сколько?

— Две, Николай Петрович. Конь и кобыла.

— Откуда же они у вас могли взяться, Егор?

Егор дотронулся до кнутовища у своей ноги и даже вытащил его до половины из сапога, но тут же засунул обратно.

— Они, Николай Петрович, завсегда были моими.

Зачем-то понижая голос и отбрасывая свою официальную вежливость, Николай Петрович перешел на «ты»:

— Ты что же, их от государства скрыл?

Медали на груди у Николая Петровича отражали свет люстры, и ослепленный ими Егор учащенно моргал веками.

— Скрыл.

— Где же ты мог их все эти годы скрывать?

— Я их, Николай Петрович, спервоначала в степу при табуне держал, а теперь домой в сарайчик перевел.

— А с Указом Верховного Совета, Романов Егор, ты знаком или нет?

И тут вдруг все присутствующие увидели то, чего никто не мог предположить. Этот маленький, тщедушный цыган, муж Шелоро, вдруг повалился на колени прямо перед столом, за которым заседал товарищеский суд.

— Не забирайте, граждане-товарищи, у меня коней! Мы же цыгане!

Вот когда все увидели, как может совсем выйти из себя всегда такой уравновешенный и спокойный Николай Петрович. Все лицо у него бурачно побагровело до самых корней седых, как перекаленная проволока, волос, и, когда он выпрямился за столом, медали, сталкиваясь, угрожающе загремели. Он крикнул срывающимся тенором:

— Встань сейчас же! Это ты перед кем же посмел свою комедию ломать, перед советским товарищеским судом?! А ты знаешь, что мы тебя за эти рабские привычки можем настоящему суду предать?! Встань, тебе говорю, ну?!

Даже и на всех остальных присутствующих этот бурный взрыв ярости у Николая Петровича произвел впечатление, все притихли и съежились, но Егор Романов не подчинился.

— Не забирайте коней,— твердил он, оставаясь на коленях.

И только лишь резкий возглас Шелоро мгновенно поднял его.

— Бэсчауру!— крикнула она.

Вставая и утирая рукавом слезы, Егор поплелся к выходу с вишневым красным кнутовищем за голенищем сапога. Никто не задерживал его. Лишь один несказанно удивленный басок сочувственно бросил вдогонку ему:

— Чудак человек. Да у нас же их, коней, здесь целая тьма. Садись на любого и паси табун.

Другой же, еще совсем мальчишеский, на переломе, голос, после того как закрылась за Егором Романовым дверь, мечтательно поинтересовался вслух:

— А что это такое может значить «бэсчауру»?

Ему бы должна была ответить Шелоро, но она или не захотела отвечать, или не слышала его. Стоя у сцены и повернувшись спиной к столу, она смотрела на длинный проход между рядами стульев, по которому только что ушел из клуба Егор, таким же взглядом, каким обычно смотрят на расстилающуюся впереди по степи дорогу. И тогда после долгого молчания решила ответить на вопрос любопытствующего парнишки Настя:

— Бэсчауру, Миша, это по-цыгански «садись-ка, мальчик, на коня».

Однако тот, кого она назвала Мишей, оказался из упорных. Настин ответ не вполне удовлетворил его.

— Нет, а что же это, тетя Настя, еще должно значить?

На этот раз Настя, медля почему-то с ответом, бросила быстрый взгляд на Шелоро. Та, казалось, не замечая ее взгляда, продолжала тягуче смотреть на проход и лишь слегка повернула к Насте ухо с полумесяцем большой серьги.

— У цыган, Миша, это иногда еще может означать, когда они что-нибудь натворят, «давай-ка, мальчик, скорей отсюда удирать, пока еще не поздно».

Внезапно Шелоро резко повернулась к Насте, и красивое полное лицо ее исказилось.

— Врешь!— крикнула она.— Ты все, проклятая, врешь!— И с растопыренными руками, потрясая кулаками и своими мериклэ на могучей груди, она двинулась к Насте.— Это из-за тебя все! Ты уже и не цыганка совсем, у тебя от цыганки ничего не осталось! Погляди-ка на себя: ни мужик, ни баба. Цыганка своих никогда не станет продавать!— Мериклэ прыгали у нее на груди, и обезображенное яростью лицо уже вплотную приближалось к лицу Насти.— Я давно знаю, что ты хочешь забрать у меня детей. Ты свою природу уже забыла и теперь хочешь, чтобы они тоже забыли свою мать.

Даже Николай Петрович при этом внезап-

«Made in USSR» — «Сделано в СССР». Четко выделяются буквы на маленьком цилиндре. Зеленый фон, контуры березок — так внешне выглядят новые необычные источники питания для транзисторных радиоприемников. Называются новые элементы «Квант», «Салют», «Свет», «Ореол», «Мир».

Популярность, которой пользуются новорожденные, огромна: их конструкция запатентована в тридцати странах мира. Чем же объясняется столь стремительная карьера новых элементов?

* * *

Мы в учреждении, где появились на свет «Квант», «Мир» и их братья, беседуем с руководителем отдела, одним из авторов патента, заслуженным изобретателем РСФСР Ф. Х. Набиуллиным.

— «Вечная батарейка» — мечта всех владельцев транзисторных приемников,— говорит Фаат Хатович.— Но, увы, такая батарейка пока не создана. Однако увеличить срок службы источников электропитания можно. Разработанные в нашем институте новые гальванические элементы служат в два-три раза дольше обычных. Они малогабаритны, дешевы, стандартны — подходят к аппаратуре любых марок: отечественной и зарубежной.

Эта аппаратура, или, как говорят в институте, «потребители», собрана в кабинете Ф. Х. Набиуллина. Чего тут только нет! Транзисторный приемник и электрическая зубная щетка, переносной телевизор и электробритва, маленький диктофон и ножи для резки хлеба, огромное количество самых различных фонариков, электрочасы, детская железная дорога, игрушечный автомобиль...

Отличие новых элементов от всех существующих в том, что вместо солевого электролита применили щелочной. Это увеличивает срок службы, но создает огромное количество трудностей — и в технологии производства и в конструкции, а главное, очень удорожает сам элемент. Одна американская фирма изготовляет щелочные элементы, но конструкция их чрезвычайно сложна, поэтому при всех неоспоримых достоинствах эти элементы в три-четыре раза дороже обычных. Предстояло все эти трудности преодолеть.

Вместе с отработкой технологии создавались и машины для их производства.

Фаат Хатович Набиуллин ведет нас в цех, где уже стоят опытные

машины для производства новых элементов.

Всем известные батарейки «Марс» и «КБС» делают на десяти — двенадцати машинах, часть процессов производства идет вручную. Новый метод — это две операции на двух машинах. Ручной труд полностью исключается.

Нам показывают самую главную деталь машины — полую трубочку с отверстиями. Это то, что запатентовано. Невольно приходит на ум сравнение с Зингером, запатентовавшим когда-то в швейной машине одну только деталь: иголку, шьющую ушком вниз. Сколько сделано новых конструкций швейных машин, а иголка осталась прежней! Не ждет ли такое же будущее эту полую трубку с отверстиями?

Технологическая лаборатория. Тут командует Зоя Михайловна Бузова. В этой лаборатории создавалась начинка нового элемента, разрабатывалась технология его производства. Тут не раз З. М. Бузова, Ф. Х. Набиуллин и Е. М. Герцик ломали головы над тем, как совместить сложность технологии и конструкции элементов с автоматизацией их производства.

На полках, столах — новые элементы. Одни уютно устроились в белых ячейках пенопласта, другие громоздятся в коробках. Опытные образцы должны пролежать по нескольку месяцев, чтобы исследователи могли проследить: как они хранятся, не разряжаются, не текут ли. Целая полка замкнутых элементов. Ученые проверяют, как







будут вести себя батарейки, если незадачливый владелец забудет выключить приемник.

Из технологической лаборатории опытные образцы поступают на контрольно-испытательную станцию. Что тут только с ними не делают! Их трясут (проверяют на вибрацию), морозят (до —40), непрерывно включают и выключают. Все эти испытания нужны, чтобы сделать новые элементы еще более надежными, удобными в обращении, заставить их дольше служить. Но уже теперь «Квант», «Мир», «Ореол» и другие оправдывают свою славу лучших в мире.

— Когда мы сможем купить в магазинах такие элементы для своего транзистора? — спрашиваем мы сотрудников института.

— Скоро. Новые гальванические элементы будут выпускать предприятия Министерства электротехнической промышленности.

В. ВАСИЛЬЕВА

Фото А. Награльяна.

ном взрыве ярости Шелоро растерялся и, ничего не предпринимая, только молча переводил взгляд с ее лица на лицо Насти. У Насти же оно лишь чуть-чуть побледнело, но она как стояла, так и продолжала стоять на своем месте, ни на шаг не отступая перед надвигавшейся на нее Шелоро. И, глядя на нее в упор, не повышая голоса, она холодно бросила ей:

— Ты сама, Шелоро, забыла своих детей.

— Ты!..— Так с поднятыми кулаками Шелоро и остановилась перед Настей. Если бы она увидела, что Настя испугалась ее, она, возможно, и не замедлила бы пустить кулаки в ход, но Шелоро хорошо видела, что Настя ее не боится. И Шелоро вдруг схватилась руками за голову.— А-а!— закричала она.— Деточки мои, деточки, как же я теперь без вас останусь?! А-а-а!!— И дергая себя руками за волосы, но не очень сильно, и за нитки с мериклэ, однако тоже не настолько резко, чтобы они могли бы порваться, она закачалась из стороны в сторону. Настя с презрительной понимающей улыбкой смотрела на нее.

И здесь всего лишь во второй раз за весь вечер послышался голос того, пожалуй, самого молчаливого из цыган, Настиного соседа с небольшой кудрявой бородкой, который до этого все время так и просидел, не поднимая головы, с опущенными между колен руками.

— Тебе нужно успокоиться, Шелоро,— глуховатым, но звучным голосом сказал он.— Никто пока не собирается отнимать у тебя детей. Ты совсем не поняла Настю. Правда, Настя?

Так получилось, что, встав со своего места, он невольно оказался между ними — между Настей и Шелоро — и, говоря, то к одной, то к другой поворачивал лицо с кудрявой черной бородкой. Но такой же черноты пучок колыхнулся и над головой у Насти.

— Для детей было бы лучше, Будулай, если бы их взяли у нее,— непримиримо сказала Настя.

Перестав кричать и прислушиваясь к их словам, Шелоро с жгучим вниманием бегала глазами по их лицам. И в зале клуба стало так тихо, что было слышно каждое слово их разговора.

— Надо, Настя, очень серьезную причину иметь, чтобы мать и отца их родных детей лишить.

— А если, Будулай, она своим же детям враг?

— С такими словами, Настя, никогда не надо спешить.

— Ты ее еще не знаешь, Будулай. Она сегодня еще не все показала.

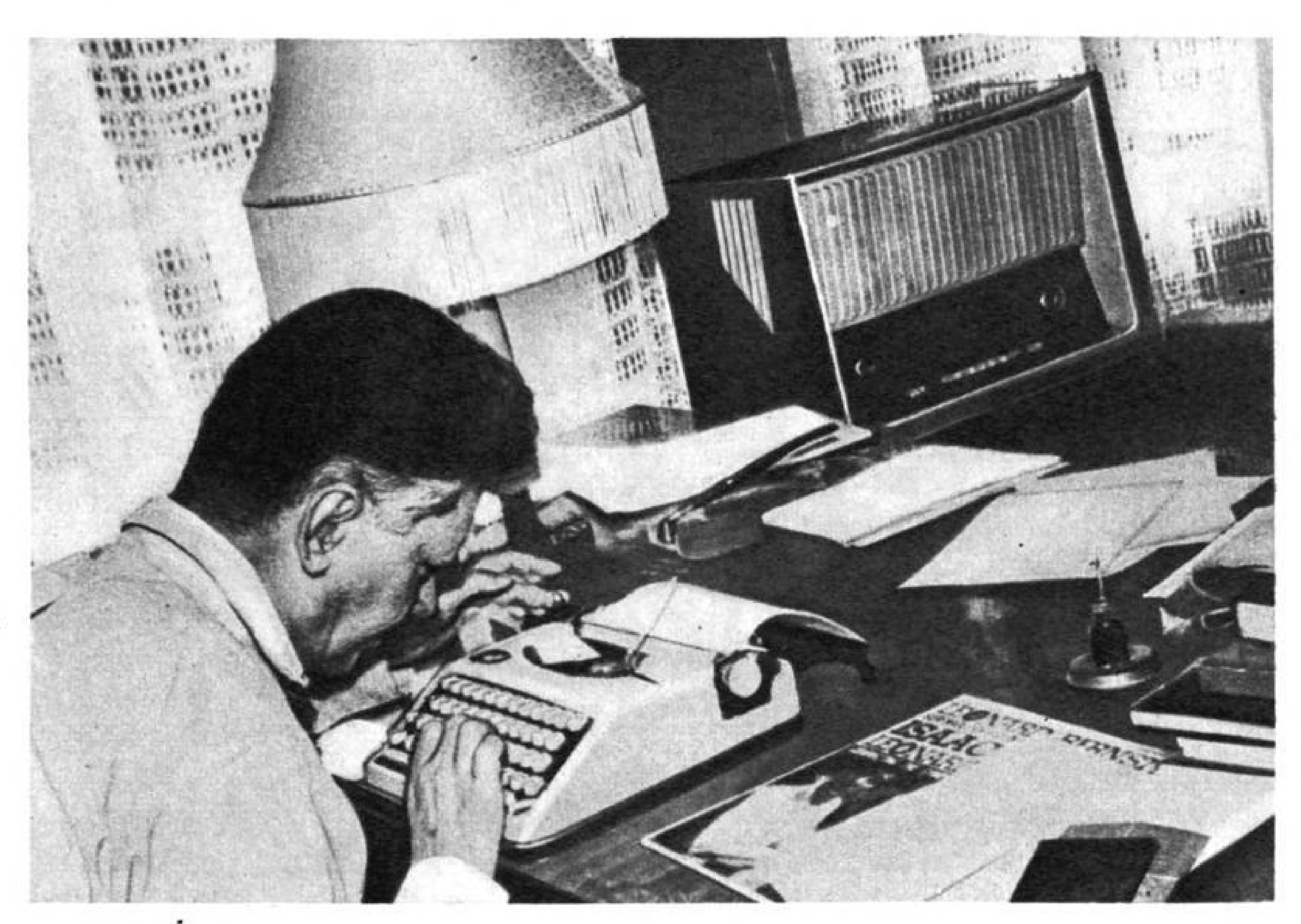
— А-а!— как бы в подтверждение этих слов вдруг опять закричала Шелоро, и ее мериклэ, как отборные крупные вишни, посыпались на пол. Срывая их с себя, она жменями разбрасывала их по полу вокруг, не забывая при этом искоса наблюдать за Настей и Будулаем.

И тогда он впервые тоже повысил голос:

— Перестань же, Шелоро, сейчас тут никто не собирается у тебя твоих детей отнимать, хоть ты и плохая мать. Но скоро, ромы, если вы не опомнитесь, они и сами начнут от вас уходить.

Теперь уже получалось, что он говорил все это не только одной Шелоро, но и всем тем другим своим соплеменникам, которые смотрели на него из безмолвного зала, слушая его. Комары сверлили воздух под потолком, и вокруг люстры мельтешил радужный венчик. Электрические матовые свечечки горели вполнакала, и не то чтобы совсем темно было в зале клуба, а как-то не светло. И, вытягивая вперед голову с кудрявой бородкой, он все время как будто силился что-то разглядеть в зале и понять, какое впечатление производят на них его слова. Бородка его, попадая в черту заревного полусвета, вспыхивала и становилась рыжей, а белки глаз и зубы еще резче белели на темном лице.

Продолжение следует.



Н. Ф. Погодин.

„Думаешь о молодежи, значит, о будущем!"

Алексей **ВОЛГАРЬ**

В 1937 году случай свел меня с Н. Ф. Погодиным, я стал его литературным секретарем и работал с ним многие годы.

Погодин был самым репертуарным драматургом. Я знакомил его с интересными рецензиями на пьесы. Рецензии часто и в большом количестве поступали из отдела газетных вырезок «Мосгорсправки».

В ту пору Погодин согласился по просьбе режиссера А. Д. Попова написать пьесу о пограничниках для театра Красной Армии и выехал на Дальний Восток к своим будущим героям.

Оттуда он писал жене в 1938 году:

«...Между нами говоря, у меня уже есть кое-какие сцены (не написанные, конечно) такой драмы или драматизма, что самого черта свалят. Иногда мне кажется, что пьеса будет блестящей, иногда с волнением думаю, что будет очень трудно писать... В отличие от работы на Беломорском канале материал собирается медленнее, кропотливее...

Встречаюсь с интересными людьми, и каждый день увеличивает мои записи. Ты же знаешь, я скуп на записи. У меня их почти не бывает. А тут написано в бухгалтерской книге 26 страниц сжатыми и мне лишь одному понятными записями фактов...

Главное вот в чем: в Москве ходят легенды о границе, и как легенды они романтически преувеличены. Этого здесь, конечно, нет, и мой материал может показаться менее интересным в сравнении с ожидаемым. Но вот что есть в действительности опрокидывает наши представления о жизни на границе, об армии, и поэтому материал будет чрезвычайно оригинальным.

Теперь я совсем иначе смотрю на японскую угрозу, чем смотрел у нас в Москве. Да, это сильный и опасный враг, но его будут бить там, откуда он пришел, и как будут бить!..

Сейчас сажусь работать над белогвардейской прессой, делать записи, изучать их лексикон.

Хабаровск, 31 января. День. Солнце.

P. S. Кончил 1-ю часть работы и очень удачно. Три пьесы могу написать, и у меня уже зарождается мысль дать две пьесы с одними и теми же героями».

4 февраля он писал жене Анне Никандровне:

«Когда ты это письмо получишь, то я уже буду где-нибудь на Тихом океане, у чертей на куличках, в Посьетском районе — 200 километров за Владивосток. Это дальше, чем дальше, и еще дальше...

Жив, здоров, наполнен материалом и больше ничего не желаю...»

Вернувшись, Николай Федорович с увлечением принялся за пьесу «Падь Серебряная». Выполняя задания драматурга, я тоже встречался и беседовал с командирами пограничных войск. Когда пьеса была опубликована, стало поступать много писем. С наиболее интересными я знакомил Николая Федоровича. Так, директор одного ленинградского театра писал, что пьеса — первый и очень важный шаг к **настоящему** показу людей без единого милиграмма сахара, без единой сладкой слезы, в настоящем мужественном стиле. Когда я кончил чтение письма, Погодин встал, выгнул грудь колесом, копируя позу борца, и сказал: «Ага... Я, значит, мужественный!..»

Кстати, это было не единственное письмо, где говорилось о мужестве драматурга. Погодина многие благодарили за правдивый показ суровой жизни пограничников. В это время уже шли бои в районе озера Хасан. Николай Федорович очень ценил отзывы читателей и зрителей. Он верил им больше, чем профессиональным рецензентам. По его просьбе я завел на каждую пьесу папку отзывов.

Для «Кремлевских курантов» я подобрал все материалы по плану ГОЭЛРО; беседовал с академиком Кржижановским; прочел много мемуарной литературы и сделал несколько тетрадей выписок.

По первоначальному замыслу драматурга была сцена, где Ленин оставался один в избе егеря Чуднова. При свете лучины Владимир Ильич заинтересованно просматривал единственную в доме книгу — «сонник», толкователь снов.

Николай Федорович поручил мне «подобрать» несколько снов, на которых мог бы Владимир Ильич остановить свое внимание. В Ленинской библиотеке из сотен снов сытинского «сонника» я выбрал следующие:

«Алгебру во сне учить — неудача.

Акушерку видеть — большая радость.

Бороду брить — к убытку.

Жандарм приснится — к неприятности».

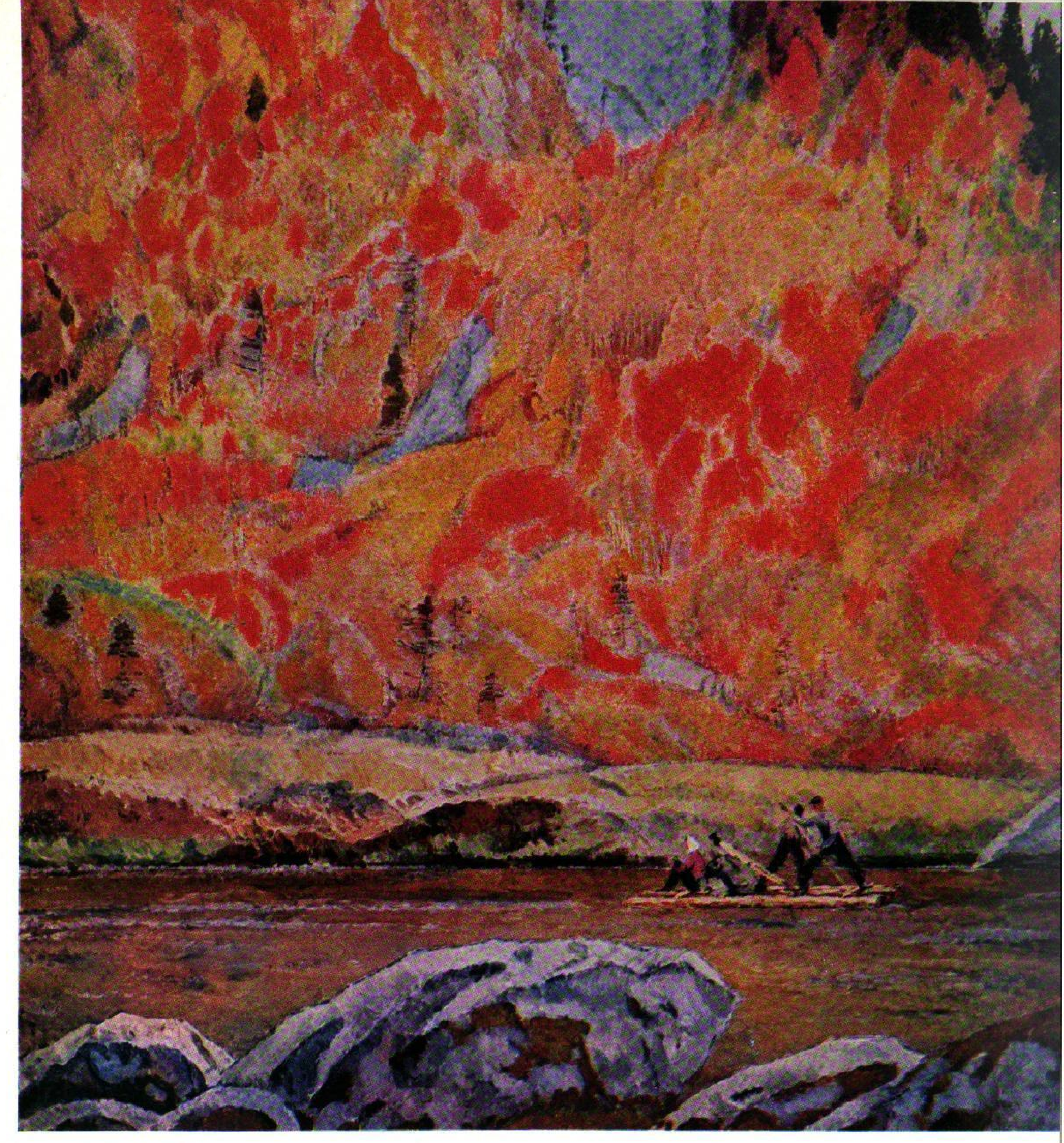
Погодину сны понравились; «жандарм» его рассмешил. И позднее эпизод с «сонником» целиком вошел в сценарий «Свет над Россией». Читая толкование снов, Ленин улыбается и говорит Чуднову, указывая на «сонник»:

«Так жить нельзя, немыслимо! У вас же дети подрастают... И учатся премудрости по этой книжице!»

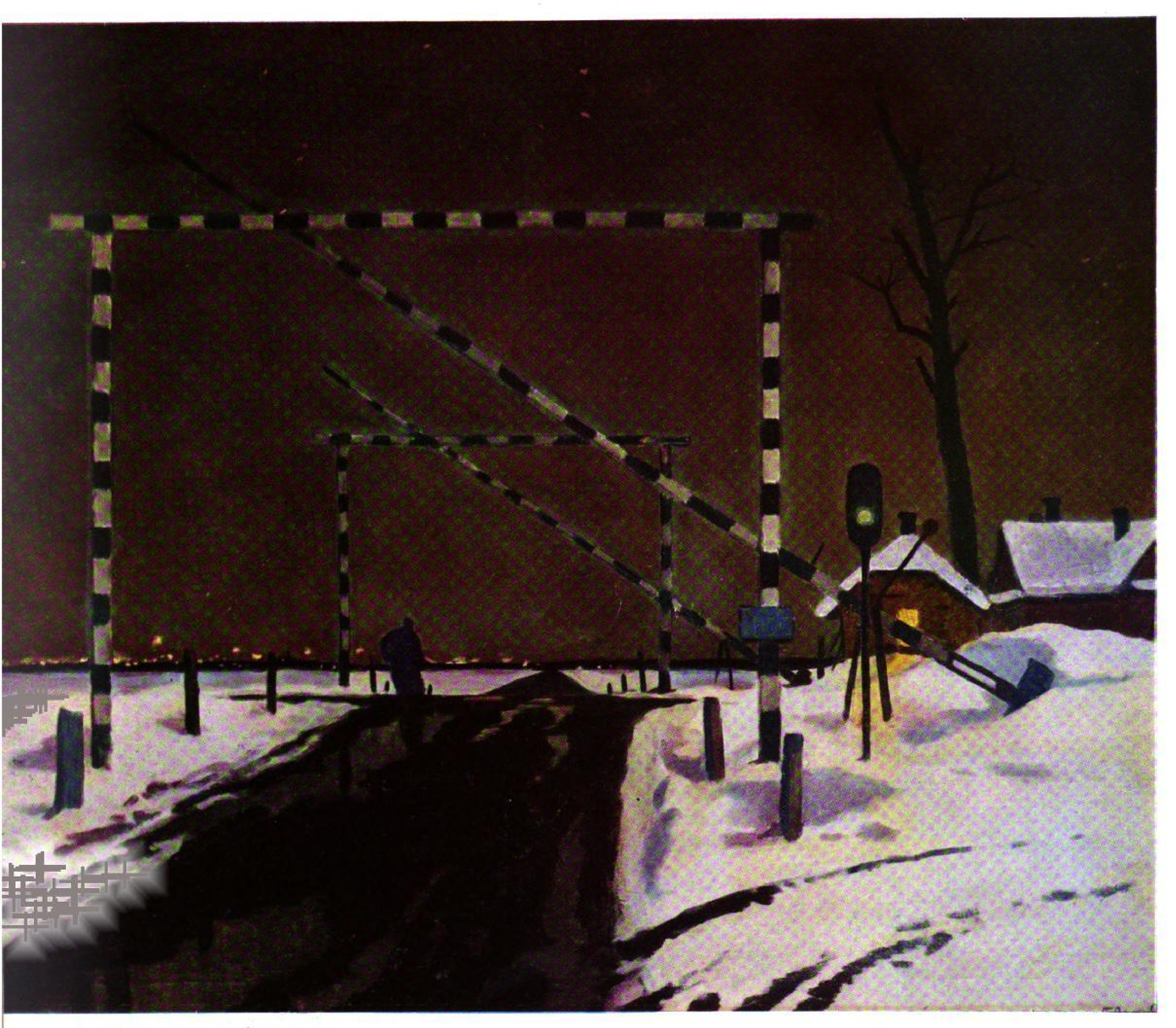
Про свою писательскую работу Погодин говорил: «Труд всегда должен идти впереди таланта, ибо талант — это тот же труд, только возведенный в степень».

Многим казалось, судя по плодовитости драматурга, что Погодин пишет очень легко. А вот что написал он об этом жене, работая над «Падью Серебряной»:

«...Теперь я напишу тебе про свое, в сущности, каторжное



И. Савенко. УРАЛ.



П. Оссовский. У ПЕРЕЕЗДА.

житье. Каторжное оно, конечно, от работы. Меня возмущает, когда обо мне говорят, что, мол, Погодин очень быстро работает, почему-то никто не скажет — много работает. Вот сегодня выходной и бешеная жара, а я сижу в кабинете. Найди хоть кого-нибудь на дачах, чтоб работал. Дело, конечно, в том, что работа для театра имеет свое основное правило — время. Пьесу, если хочешь ее ставить в театре, откладывать нельзя... Но меня измучила жара. Я сейчас пишу тебе, как запорожец, без рубахи. Опять 30° в тени... Жара, хоть бери веник и парься. Голова, как кастрюля. Сердце болит. И надо садиться работать, так как к 3-м часам материал должен быть на машинке, чтобы успеть послать его в театр...»

Так писатель работал всегда — до изнеможения. Свои пьесы он долго вынашивал в замысле, а за стол садился уже не «высиживать», а, как он говорил, «записывать рукой» продуманное, прочувствованное, зрелое. Слова «вдохновение» он стеснялся и называл свое состояние «рабочим задором». Николай Федорович старался вести регулярный образ жизни, но был этот «образ» необычен. Погодин рассказывал:

«Ложусь спать между 5 и 6 утра, встаю между 12 и часом. После обеда сплю часа два и на ночь сажусь жить с моими людьми. Увлечен. Влюблен. Совершенно забылся. И мне на все наплевать. Голова светлая. Никакой усталости. Никаких черных мыслей. Буквально, не горю, а пылаю над моими сценами...»

В результате перегрузки и постоянных волнений, связанных с пьесами (пойдет — не пойдет!), у него бывали полосы депрессии и глубокого отчаяния, наваливалась огромная усталость.

«Я или работаю, как дьявол,— писал Николай Федорович жене,— или отдыхаю по-своему... Поверь, Ася, если бы я так перенапряженно не работал, часто через силу, мне бы не были нужны мои призрачные «отдыхи»...

Я с Николаем Федоровичем бывал на всех репетициях. За режиссерский столик он почти никогда не садился, мы обычно занимали места в первом или во втором ряду, справа. Репетиции он смотрел заинтересованно, как зритель, и не любил, когда его отвлекали профессиональными разговорами. В 1939 году прошли три премьеры: «Джиоконда», «Падь Серебряная», «Моль». Потом начались репетиции «Кремлевских курантов».

После репетиций он немедленно уходил, стараясь ни с кем не встречаться и не разговаривать; меня не отпускал ни на минуту и даже иногда держал под руку. Закулисные толки и сплетни не переносил. Погодин вообще никогда не участвовал в каких-либо писательских «группировках» и очень остро презирал все не имеющее прямого отношения к творчеству...

Еще в начале 1939 года я начал усиленно заниматься подбором материалов для пьесы, задуманной Погодиным к 25-летию Великого Октября. В ней он хотел раскрыть значение положений, выдвинутых Лениным в его речи на III съезде комсомола. Погодин дважды брал меня с собою в ЦК ВЛКСМ на обсуждение плана своей пьесы. Однако осуществить этот замысел помешала война. Помню, какой мрачный вернулся Николай Федорович из военкомата: ему выдали белый билет. Несколько недель спустя я вместе с Погодиным провожал в эвакуацию его семью. Когда эшелон ушел, он сказал: «Боюсь я за семью! Трудно им будет без меня. Мне тоже предложили ехать с ними. Я отказался. Не могу. Писатель должен быть там, где решается судьба его Родины».

Через несколько дней я был призван в армию. Мы стали переписываться с Погодиным. Он мне сообщал, что его звали в Куйбышев, но он решил остаться в Москве, которую любит и не может оставить в трудную минуту. Из второго письма я узнал, что Погодин мобилизован для работы в Совинформбюро, часто выезжает на фронт, бывает у зенитчиков, прожектористов, аэростатчиков. Потом в «Правде» я читал его статью «В зоне укрепленного воздуха», очерки о казачьих подразделениях генерала Крюкова.

Много статей написал тогда Николай Федорович для заграницы, особенно для Америки, говоря в них о силе и непокоримости советского человека, его святой вере в победу.

Артиллерийский полк резерва главного командования, где я служил, часто перебрасывали с фронта на фронт. Наша переписка оборвалась. Из газет я узнал о присуждении ведущим артистам МХАТ Государственной премии за спектакль «Кремлевские куранты» и с грустью подумал, что об авторе пьесы не было сказано ни слова. Впоследствии Погодин рассказывал, что для него лучшей наградой были тогда слова друга и соратника В. И. Ленина Г. М. Кржижановского. После просмотра «Кремлевских курантов» он сказал драматургу: «Конечно, электрификацию мы начинали не так, но дух времени — точен, а Ленин — это он...»

Сразу же после окончания войны мы встретились с Погодиным и тут же договорились о дальнейшей совместной работе.

Из его рассказов, а позднее из писем (более четырехсот его писем сохранила Анна Никандровна) я узнал, как он пережил тяжелые годы войны.

Приведу только одно, датированное 18 сентября 1941 года:

«Милая моя Ася, сегодня, по-моему, у тебя день рождения и 18 лет нашей жизни вместе. Но я не стал посылать тебе поздравления, не то время. Да. Грустно мне, конечно, одному в этот мокрый, холодный, осенний день, но это маленькая, наша семейная, личная боль. И что она по сравнению с великой народной трагедией. Стыдно даже вздохнуть, когда ты жив, невредим, сидишь в тепле. Если с этой точки зрения ты станешь смотреть на наши несчастья, то эти несчастья станут незначительными, мелкими... Мне надо поехать в командировку. Командировка утомительная, по деревням, но это очень важно для нашего Информбюро, и я это задание непременно выполню... Большей частью пишу для заграницы. Некоторые мои вещи передают на четырех-пяти языках. Сегодня писал специально для американских газет, поэтому пьеса моя движется слабо. Значит, ты видишь, что я духом не упал, не растерялся...

Скажу прямо, Ася. Из Москвы в момент опасности уехать не только стыдно, но просто невозможно, это точно бросить близкого тебе, больного человека. Потом, какой же я буду писатель, если не увижу своими глазами великой исторической картины, в центре которой стоит Москва. Будем, милая, несравненная, любимая моя, стойко, умно, честно жить в это время. Ты знаешь, я зря не умею говорить таких слов...

Вчера в половине второго ночи вдруг заработали зенитные батареи, и в комнате вспыхивали отсветы. Это не пугает, это удручает. Начинаешь думать о гадине, которая рвется к Москве... В «Известиях» от 17 сентября есть статья «Сентябрьские бои под Ярцевом». Читала ты ее или нет, я не знаю. Но Ярцево и Ельня к нам гораздо ближе, чем к Ташкенту... Нет уж, девочка моя, сиди, мучайся и жди лучших дней. А что они придут,— не сомневайся никак. Осень делает свое дело. А осень ранняя, холодная. Сегодня утром был морозец, потом весь день дождь. Дожди идут давно. Начинается наше бездорожье. Теперь уж не понесешься на полном ходу на мотоциклах с автоматами. Дудки. Это не Франция. Немцы лезут в окопы, укрепляются, обкладываются минами. И не в этом еще дело. Я многого написать не могу, да и не надо, но верь мне, что скоро они будут получать кое-что, чего мир не видел, и получили уж кое-что для начала. Мы еще, по-моему, только начинаем воевать как следует. Я, конечно, не думаю, что война кончится скоро, но я знаю, что мы победим, и знаю, почему победим, несмотря на потери городов...»

Письмо заканчивалось, как всегда, лирически:

«Непрактичная ты, неделовая, а ведь храбрилась,— проживу без тебя. А в общем, за это самое я и любил тебя всегда, и люблю, и ругаю, и целую, и очень хочу прийти к тебе, помочь, устроить, пожалеть. Обнимаю тебя, любимая жена моя. Целую детей. Ваш папа».

В течение долгих лет я видел Погодина в семье и еще тогда, в тридцатые годы, понял, какую огромную роль играла в его жизни жена. Он не раз сам писал ей об этом. Вот, например:

«...Ты сильно влияешь на мой стиль. Вспомни, как грубо я писал прежде, и сравни, как начал писать теперь. Я только начал... Я, конечно, буду серьезно работать. Но главное — под хорошим влиянием... Все, что во мне есть настоящего — моя душа, мой ум, это с тобой, это твое...»

А вот еще письмо:

«Пьеса написана по твоему вкусу. Я стал замечать за собой любопытные вещи. Пишу... тебя нет. Вдруг вздумал что-то «ковырнуть», этак литературно свистнуть, но... вспоминаю тебя и моментально трезвею. У тебя есть верное чувство реального. Есть оно и у меня, но оно у меня с преувеличением, с увлечением, что может доходить до лжи. А у тебя все ровно, ясно и ни капли головокружения...

Ты для меня друг, жена, страстная любовь. Вообще ты мне нужна, роднушенька. Ежедневно я чувствую недостаток, отсутствие тебя по всяческим делам. Оказывается, мы все делали вместе и почти не замечали этого, а вот когда тебя нет, сразу обнаружилось, будто руку отняли...»

В пятидесятые годы те же слова любви и признательности:

«Я чудесно отношусь к тебе. Да это так и должно быть. Кто родней тебя? Дети? Нет...

Я до сих пор ничего не писал. Не мог. Знаешь, как хорошо мне работать с тобой, как хорошо каждой новой строчкой делиться с моей умненькой, милой, чуткой женой. У тебя нетронутый, тонкий вкус... У тебя благородная душа, и ты любишь мой деревенский русский юмор. Ася, ты мне много даешь... Я знаю, как постепенно от грубоватой, резкой манеры писать я прямо бессознательно отхожу все дальше и все ближе подхожу к благородной, простой, невычурной форме. И это твое влияние... Ты вошла в меня, и то маленькое, что есть у меня творческого, то, что поэтов заставляет петь лучшие свои песни... наполнено тобой... Ты для меня по-прежнему невеста, девушка, которая стала моим другом и единственной любовью, дающей мне мой веселый, заражающий талант. Ты знаешь, что все, что я пишу, я пишу для тебя...»

И та же высокая нота звучит в послании Погодина Анне Никандровне в канун 1960 года:

«Тебе, моему высокому другу, сделавшему нашу жизнь, с благоговением шлю этот новогодний привет.

Пусть не покажется тебе, Ася, это очень пышным, но я взял такие большие слова, потому что они соответствуют правде. И пусть твои глаза сверкают молодо и сердито в нашем новом году, как они сверкали всегда, незабвенно...»

Принято говорить, что биография писателя — его произведения. К Погодину эти слова относятся впрямую.

Во время войны он работал не покладая рук. Написал «Контрудар», «Московские ночи», «Икс и игрек», «Лодочницу», «Сотворение мира», «Живые источники», «Сентиментальное знакомство», два сценария и, кроме того, в соавторстве «Дорогу к звездам», «Меч Узбекистана», «На Можайской дороге».

Пьесы эти либо быстро сходили, либо не ставились вовсе. А Погодин о них говорил: «В моих непризнанных пьесах (не знаю почему?), так же как и в признанных (тоже не знаю почему?), осталась чистая правда моей души и часть самой души».

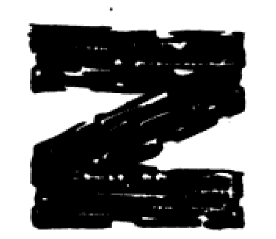
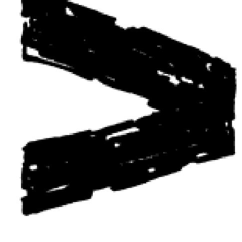
Не повезло Погодину и с его послевоенными пьесами: «Минувшие годы», «Бархатный сезон», «Миссурийский вальс» в репертуаре театров не задержались. А затем имя драматурга, дававшего по две-три премьеры в сезон, вовсе исчезло с афиш. Жене он написал: «...Пустынно в моих делах... Я взял заказы по заработкам и должен писать миниатюры на хлеб насущный». Писал одноактные пьесы для радио и самодеятельности. Прежде чем написать «Мы втроем поехали на целину», он, как в молодые годы,



Н. Ф. Погодин с женой.

ПОВЕСТЬ





Федор ШАХМАГОНОВ,
Евгений ЗОТОВ

Рисунки
П. ПИНКИСЕВИЧА.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44, 46, 47.

не считаясь со своим здоровьем и возрастом, ездил с постановщиком в Кустанайскую степь.

Пьесу о молодых целинниках он писал кровью сердца, но нашлись критики, которые обвиняли его в отходе от реализма. По этому поводу сам он писал:

«Я люблю тот реализм, в основе которого находится наша сущая жизнь, которую я и стремился выразить в этой пьесе».

И еще говорил о том, что, к сожалению, некоторым критикам больше всего на свете нравятся «золотые девки», обрамляющие фонтан на Сельхозвыставке...»

Пока критика занималась его пьесой «Трое поехали на целину», он написал новую: «Сонет Петрарки».

Погодин говорил:

«Только привычка к ритмическому труду не дает нашему брату вылететь из литературной тележки на крутых поворотах. У меня были написаны пьесы, которые не шли на сцене. Пока о них где-то решался вопрос, я был уже захвачен новой, задуманной или начатой пьесой. И, право, мне некогда было сидеть у разбитого корыта».

Закончив «Сонет Петрарки», он спешит поделиться с женой своей радостью и тревогой:

«...Сегодня закончил пьесу и освободил душу от Лаур и путаницы, которая бывает от этих Лаур. Кажется, пьеса получилась, и кажется, ее никто не поставит...»

Всю свою жизнь Погодин находился в напряженном творческом поиске. Начиная новую пьесу, он полушутя говорил: «Я всегда знаю, о чем писать, и никогда не знаю, как писать».

На шестом десятке Николай Федорович почувствовал, что страшно устал. Мне он сказал: «Я заметил, что даже ногами начал шаркать при ходьбе. Так дальше нельзя. Я доведу себя до маразма».

Начались регулярные поездки в Кисловодск и Цхалтубо, но и там он писал. Он считал, что писатель «должен выработать определенный четкий режим или ритм, которые становятся для него условным рефлексом или хорошей привычкой: ежедневно в одно и то же время сесть за стол и выполнить свою дневную норму, а еще лучше перевыполнить, как это делает хороший рабочий».

Всегда перевыполняя свою норму, он давал «на-гора́» сверхплановую продукцию.

В 57 лет Погодин вдруг принялся за прозу, хотя многим, и мне в том числе, казалось рискованным с его именем в драматургии «менять профессию».

«А я всегда рискую»,— отвечал он и увлеченно добавил: «На роман замахиваться не буду, а для начала напишу повесть. Замысел мой обычный: настоящее в жизни и поддельное — лживое, мещанское. Есть у меня и сюжет и кое-какая поэзия. Мне кажется, что повесть я напишу».

Своим решением перейти на прозу, своими раздумьями в связи с этим переходом Николай Федорович, как обычно, делится с женой. В июле 1957 года он пишет ей:

«...В голове вертится небольшая повесть, чтобы попробовать, выйдет или нет у меня проза. Страшно и рискованно затевать большую работу, не имея понятия о том, что может элементарно получиться. В драме у меня есть хоть почерк, который всегда узнается, а в прозе я даже каракули писать не умею. Это серьезная вещь: ЧТО сказать — я найду и КАК сказать тоже соображу, но выразить ЧТО И КАК словами я еще не знаю... Но ты не думай, что я ее уже пишу. Нет. Я томлюсь... Кажется, все планы кончатся в Цхалтубо очередной пьесой».

Так и случилось. Осенью в Цхалтубо, где ему всегда очень хорошо работалось, он за месяц вчерне набросал свою новую пьесу, которую закончил только в 1958 году: это была «Третья, патетическая». Ею была завершена трилогия о Ленине.

Вскоре было опубликовано первое прозаическое произведение Погодина — «Янтарное ожерелье». Повесть с продолжениями печаталась в «Юности», а затем вышла массовым тиражом в издании «Роман-газеты».

Я сказал Николаю Федоровичу, что «Ожерелье» очень популярно среди молодежи.

— Что вещь читается — это несомненно,— ответил он,— но, к сожалению, не так, как мне бы хотелось. Говорят, что мой Володька почти никого не интересует, а вот Ростик — да. И вообще читается все, что вокруг основной линии. А почему?— спросил он меня и сам ответил: — Потому что еще и не умею внушить читателю своего отношения к повести его за собой. Сейчас я написал бы все точнее и лучше. Короче говоря,— закончил он,— пусть меня критика истопчет, но прозу писать буду. Даже в этом году сделаю повесть. Уже и название есть—«Лабиринт». Зачитаешься!

Забегая вперед, скажу, что обещания своего он не выполнил: Погодин был драматургом до мозга костей и не писать пьес не мог... А «Янтарное ожерелье» было небольшим, хоть и талантливым эпизодом в большой драматургии театра Погодина...

Наконец фортуна опять повернулась к нему лицом. «Третья, патетическая» с успехом шла во МХАТе. А в 1959 году за трилогию о Ленине Погодин первый и единственный из драматургов удостоился звания лауреата Ленинской премии.

В последние годы Погодина захватила молодежная тема. Он говорил: «В определенном возрасте перестаешь интересоваться судьбой своего поколения. Начисто. Думаешь о молодежи, значит, о будущем».

Последовали пьесы — «Цветы живые», «Маленькая студентка», «Голубая рапсодия».

Одновременно с работой над молодежными пьесами Погодин не прекращал своего основного труда об Эйнштейне.

В середине 1961 года трагедия «Альберт Эйнштейн» была закончена и передана во МХАТ. Четыре отрывка из нее были опубликованы в «Известиях» и «Вечерней Москве». Благожелательный отзыв о пьесе прислал Георгий Товстоногов. Ставить ее поручили Борису Ливанову.

Обычно, закончив пьесу, Погодин уже к ней не возвращался, увлеченный новой работой. С «Эйнштейном» все было по-другому. Пьеса «присохла» к сердцу, и его не переставала глодать неудовлетворенность: драматург чувствовал, что в ней «что-то не так», нужно многое переделать. Но что? Этого он еще не знал!..

Основной целью его поездки в Америку и было желание побывать в музее Альберта Эйнштейна в Принстоне, окунуться в атмосферу последнего, трагического периода в жизни ученого. Как всегда, эта поездка за границу для Погодина была творческой командировкой. Вернулся он переполненный впечатлениями и замыслами. Там Николай Федорович понял, чего ему не хватало раньше — личных наблюдений, житейских фактов, деталей. Погодин был велик, когда в основе художественного вымысла у него была достоверность документа, когда он ощущал жизнь сам, видел ее воочию.

Он отказался от первого варианта пьесы и написал директору МХАТ:

«...Мне изумительно повезло. Поездка в Америку, посещение Принстона, встреча с интеллигенцией, с официальным миром и великолепной книгой Кузнецова спасли меня от страшной клюквы. Я с радостью и безжалостно начинаю все снова...»

Скоропостижная смерть помешала Погодину создать новый вариант трагедии «Альберт Эйнштейн»...

Последние два года Погодин часто говорил о своей смерти. Как-то Николай Федорович дал мне прочитать рукопись своей статьи «Рядом с ним» — к семидесятилетию со дня рождения А. Д. Попова, его первого постановщика и друга. Статья мне понравилась, но не понравился ее автор. Он сидел мрачный, не то нахохлившись, не то пригорюнившись.

Я спросил: «Что случилось?»

Он нехотя ответил: «Ты читаешь: «Рядом с ним...», а я думаю: «Рядом горит».

«Где же рядом,— сказал я,— если вы сами пишете: «И он мне кажется на сто лет старше меня».

«Так то кажется»,— буркнул Николай Федорович.

«И без «кажется» Алексей Дмитриевич был старше вас чуть ли не на десять лет».

«А ведь и правда»,— сказал он и просветлел...

Предчувствие близкой смерти заставило Николая Федоровича неожиданно для всех, а быть может, и для себя, выехать летом 1962 года на родину. Однажды в чудесный солнечный день Николай Федорович с утра хандрил, а под вечер велел шоферу подготовить к рассвету машину для поездки в Ростов. По-видимому, его потянуло в страну детства и юности. Но дня через три он вернулся еще более удрученным: «Жалею, что поехал. Из старых друзей — никого. Только могилы матери и сестры проведал. Один я остался. Надолго ли?..»

Шофер мне рассказал, как, приехав в Ростов, они долго разыскивали дом, где прошло детство Погодина. Заезжали с разных улиц и никак не могли найти. Потом Николай Федорович увидел большое, старое дерево и обрадовался ему, как дорогому другу. «Это дерево росло под нашими окнами»,— сказал он, подойдя к нему, обнял его и заплакал. Мне думается, он плакал о своем горьком детстве, ушедшей молодости и прошедшей жизни...

В последнем письме Николай Федорович написал жене в Коктебель:

«...Ты была каждый час со мной, и я думал лишь о том, что скажет Нюська, и думаю теперь... А наша жизнь все же полна ума, чистоты, счастья — так я унесу ее в могилу и такой ее сделала ты одна...»

С восхищением и душевным трепетом я думаю об этом человеке, которого близко знал четверть века, но никогда не замечал его величия — так был он скромен и прост.

Петров поинтересовался, почему же это письмо не дошло до адресата.

На обороте конверта надпись, сделанная рукой коллекционера. Там все объяснения. Письмо пришло, когда красные освободили город от петлюровцев. Семью Старцевых в полном составе петлюровцы расстреляли за городской чертой, как семью красноармейца. А был Старцев Дмитрий Иванович хозяином лавки скобяных товаров. Купец третьей гильдии.

В автобиографиях, которые довелось читать Петрову, профессор Старцев нигде не указывал, что его родители и сестры были расстреляны петлюровцами. Он писал, что отец умер под забором. Как же он упустил такой биографический козырь? Почему он об этом не писал?

Петров под честное слово и под поручительство Зелятрова выпросил это письмо у коллекционера на некоторое время, для того, чтобы воспроизвести его в печати как иллюстрацию к книге.

Шарапова и Петров по нескольку раз перечитывали письмо. Тщательнейше изучили проспект. Оставалось психологической загадкой, почему профессор, который делал акцент на свою революционность, умолчал о том, что его родные пали от руки петлюровцев.

Этот документ будут исследовать эксперты-почерковеды. Они выскажут свои соображения о почерке, совпадет ли он в этом письме с почерком профессора. Но они не ответят на вопрос, откуда у красноармейца такой проспект. В чем тут дело?

Проспект на меловой бумаге. Реклама очень дорогой машины. Кому рассылались такие проспекты? Богатым людям. Не просто богатым людям. Очень богатым, самым богатым. Таких единицы. В Ростове вообще не могло найтись человека, который мог бы купить такой автомобиль. В Ростове не было ни Вандербильдов, ни Морганов, ни Рокфеллеров. Мог, конечно, затеряться такой проспект у какого-нибудь богача, крупного помещика и промышленника. Как-то мог попасть он в руки и красноармейца. Мог попасть... Как? В этом весь вопрос. Любопытная бумажка!..

Сын старогородского приказчика — и «паккард». Несовпадающие категории. Скачок огромный. Странно все это. От полуграмотного приказчика до профессора. За этим стоит труд. Немыслимый труд! Надо было много лет учиться, не разгибая спины. Учиться грамоте, овладевать точными науками, накапливать культуру. Работать и работать... Когда же такому человеку заниматься подлостями? Непонятно... Вот если бы инженер Пальский, агент американской фирмы по распространению автомобилей, встал на путь службы в разведке, в этом ничего не было бы противоестественного... Старцев — из мелких купчишек, рабфаковец, красноармеец, который грозил отцу повернуть его к новой жизни... Нет, здесь что-то не так. Экспертиза с полной определенностью установила, что почерк в письме на рекламном проспекте и почерк профессора совершенно различны. Они принадлежали разным людям. Это первый вывод, который напрашивался после заключения экспертизы.

Но мы еще не торопились с выводами.

— Слишком прямой ход? — спросил Петров.

— Простота в нашей работе никогда не бывает самой большой сложностью,— ответил я.— Похоже, что учитель Зелятров и бухгалтер вывели нас на интересный след... Ищите в Ленинграде следы инженера Пальского.

— Меня только одно смущает...— заметил Петров.— Проспект четырнадцатого года. А инженер? Возраст не совпадает.

— Шесть лет... Разница в шесть лет не всегда заметна. Редко кто приглядывается к возрасту человека. Проходят такие разницы. Езжайте! Желаю успеха! Встретить бы вам и в Ленинграде своего Зелятрова!

Ленинград не Старогород. Человек в Ленинграде что иголка в сене. Невский проспект, 28. Да, здесь когда-то было представительство по продаже автомашин. Не только «паккарды» продавались через эту контору. И «форды» и другие машины из Соединенных Штатов Северной Америки и из Европы. Петрову разыскали дореволюционный журнал «Дворцы и усадьбы», журнал, издававшийся в малом тираже для высшей русской аристократии. Там нашлась и копия того рекламного проспекта, который заинтересовал комитет госбезопасности. Инженер Пальский. А вот о нем нигде и ни в каких архивах упоминания не было. Не было упоминания этой фамилии и в жандармских и полицейских архивах. Исчезла эта фамилия из Ленинграда, а вероятнее всего, еще из Петрограда. Революция, голод, разруха... Множество людей исчезло без вести в те годы.

Петров пошел в ГАИ. Он попросил найти ему по документам шофера с дореволюционным стажем. Может быть, сохранился кто-нибудь из тех, кто зачинал автомобильное дело в начале века.

В ГАИ перерыли учетные карточки и нашли ему регистрационную карточку на автомашину «форд» 1903 года выпуска. До войны он стоял на учете, но после в документах ГАИ не фигурировал. Акта на уничтожение этого уникума не было.

Автомобиль стоял в сарае. Давно уже сгнила резина на колесах, облупилась краска, покрылись ржавчиной никелированные части.

Однако стоял свидетель рождения автомобильной эры. Жив был и хозяин Игнатий Михайлович Лежнев. Шофер при императорском дворце. Работал много лет шофером и в советское время, вышел на пенсию. Подрабатывал обслугой автомобилей. «Форд» он купил в собственность в двадцатых годах, но со временем машина пришла в негодность. Хранил ее как память о своем автомобильном прошлом.

Инженер Пальский! Аркадий Андреевич? Ну как же не помнить! Тогда все автомобилисты друг друга знали. Их было не больше, чем пальцев на одной руке. Когда автомобиль ехал по Невскому, это было событие. Пальский знал все системы автомобилей. Он приходил в гараж императора как специалист. За каждую консультацию получал огромные деньги. С ним, с Игнатием, был на короткой ноге. Друзьями не были, но встречались часто. Это был способный и даже талантливый молодой инженер. Он окончил политехнический институт в Берлине. Представлял интересы американских автомобильных фирм. Женат не был. Жил холостяком. После революции в Петрограде не появлялся.



А вот и вещественное доказательство. Фотография. Гараж царского дворца. Автомобиль. Такой же, как и на рекламном проспекте. «Паккард». За рулем Игнатий. Сзади, на кожаном сиденье, высокий человек в военном мундире. Рядом с машиной молодые люди в штатском.

Игнатий пояснил:

— В машине великий князь Николай Николаевич! Главнокомандующий русской армии. Стоят инженер Пальский и его сотрудник Суровцев. Сняли эту карточку для рекламы. Пальский ее в Америку отправил. Великий князь в «паккарде». Неплохая реклама?

Много лет прошло с тех пор. Годы искажают лица, однако не исчезают характерные черты и остается общий абрис. Суровцев похож на Старцева.

ПОЛЕТ БУМЕРАНГА

Итак, мы имеем довольно странную схему. Я ее рассматриваю, эту схему, пока что исходя из тех данных, которые мы имеем после поездки Значковского и Родина в Ленинград.

Все, что рассказано о Родине, о его пребывании в школе разведчиков, о его высадке в Ялте, мы, естественно, узнали значительно позже. Нам пока было известно, что он агент иностранной разведки, связан с Значковским.

Доказательств враждебной деятельности Значковского было уже достаточно для того, чтобы брать санкцию на его арест. Этим мы, конечно, немедленно пресекли бы его опасную деятельность, но оставили бы для следствия очень много белых пятен.

Не менее интересный узелок завязывался и вокруг профессора Старцева. Вот вам и тривиальный сюжет. Разведчик входит в семью советского профессора, видимо, преследуя преступную цель.

Как давно может быть связан Старцев, а точнее, Старцев-Суровцев с иностранной разведкой? Не с тех ли с царских времен, когда был придворным автомобильным инженером?

Тогда все проясняется в истории со скрипкой и покупкой дачи. Это укладывается в размеры вознаграждения иностранного разведчика и в спекуляцию скрипкой итальянского мастера.

Если брать Значковского, то надо арестовать и Старцева и Родина, а мы еще совсем мало знаем о них.

И еще соображение. Какой же разведчик упустит случай нанести удар противнику его же оружием? Соблазнительная операция. «Полет бумеранга» будем называть этот старый прием в разведывательной работе. Повернуть операцию против противника.

Значковский, Старцев и Родин. Что же в этой цепочке может благоприятствовать задуманной нами операции?

Мы теперь в общем-то легко можем проследить по этой цепочке за всей системой связи, можем и ворваться в одно из звеньев. Очевидно, что Старцев должен добывать информацию научно-технического характера. Значковский и Родин будут переправлять эту информацию на Запад своим хозяевам.

Наиболее известен нам из этой троицы Значковский. Мы долго взвешивали, можем ли мы этого человека повернуть на нашу сторону?

Проанализируем еще раз его жизнь, его поступки.

Музыкант, человек с чувством достоинства, умный. В характере заложена изрядная склонность к авантюрам. Сначала эта склонность к авантюризму нашла выход в спекуляциях валютой. Затем каким-то образом, в тот момент мы еще не знали, как, Значковский был завербован иностранной разведкой. Значковский не брезговал ничем. Спекулировал валютой, спекулировал всем, что попадало к нему в руки. Можем ли мы рассчитывать на этого человека? Нет, не можем! Спекулянт, валютчик... Отставить!

Старцев. Шпион... Есть подозрение, что шпионажем занимается давно. Мы не знаем всех его «дел». Вина его перед Родиной может быть столь тяжела, что он уже не поверит в возможность снисхождения. У него могут быть и иные, не только через Значковского и Родина, каналы связи с иностранной разведкой. Он может, если мы его тронем, поднять тревогу, и весь замысел наш рухнет.

Вместе с тем может принести немалую пользу в затеваемой нами игре, сам того не ведая.

Родин?

Вот когда в поле нашего зрения попала Саша Корсунская.

Когда мы всерьез занялись Родиным, в совхозе ни для кого не было секретом, что готовится свадьба Родина и Саши Корсунской. Что ее потянуло к этому человеку, к чужому, враждебному нам человеку? Или, может быть, она разделяет с ним его взгляды, может быть, его взгляды для нее не чуждые?

Наша работа всегда срочная. Обстановка вынуждала торопиться, но спешить нельзя было. Нужно было тщательно разобраться в Саше Корсунской. Почему молодая советская женщина полюбила врага? Да-да, самого настоящего

врага. Он может скрыть от нее свое второе лицо, но душу не скроешь от любящей женщины, а может быть, даже и от любимой.

Очень мы мало тогда еще знали о Родине и о его отношениях с Корсунской. Поэтому придется опять забежать вперед, чтобы стали понятными некоторые позиции.

ПРИНЦ С КОРАЛЛОВЫХ ОСТРОВОВ (продолжение)

Родин возвращался из Ленинграда омраченным.

Его выбила из установившегося с некоторых пор душевного равновесия встреча с Значковским. Не понравился ему этот человек своей жадностью.

Значковский не идейный борец. Его купили, а раз так, то могут и легко перекупить.

А он, Родин, какова его роль во всей этой истории? В разведшколе инструктора учили, что отчизна для человека не там, где он родился, а там, где помнят о нем, где признали его, где ему легко живется.

Родин не мог сказать, что здесь, на земле его предков, ему легко бы жилось. Но он мог бы стать инженером, ученым, и тогда Саша, которую он любит, теперь это отрицать бессмысленно, могла бы ответить на его любовь.

А не бросить ли это все и не остаться ли просто Родиным, шофером в совхозе «Борьба»? А потом учиться...

Ему известно, что по советскому закону шпионаж является тягчайшим преступлением и сурово карается. Но в статье 64 УК РСФСР есть ссылка на то, что при явке с повинной и признании своей вины к уголовной ответственности не привлекают. Однако это действительно для советских граждан. Он же не советский гражданин. Но русский!

Стоп! Откуда такие мысли? Слабость? Об этом предупреждали в школе. Это болезнь многих разведчиков. Сложить оружие и уйти от опасности. Но никто же тебе верить не будет, если даже и не привлекут к уголовной ответственности. И зачем тебе это, Родин? Из-за Саши? Но если Саша узнает, кто ты такой, она тут же отвернется.

Нет, Родин, ты просто испугался Значковского, его ненадежности, его жадности.

Ты не выбирал своего жизненного пути, за тебя его выбрали. Тебе дали в руки опасную профессию. Профессию, к которой способны редкие, ты не ел хлеба этой страны, и придется ли он тебе по вкусу, когда и ты будешь стоять один на один перед следователем?

Саша была чуткой женщиной. Она заметила, что ее квартирант заметно переменился, что его что-то гнетет, ломает, что он стал мрачен, излишне задумчив.

Он по-прежнему был ласков с Машенькой. И Машенька тянулась к нему. В его глазах Саша видела огонек, огонек того пламени, которое не может не заметить женщина, если она любима. Какой же груз мешает ему, какая тоска его точит? Она должна знать, она его любит... Его тоска — это и ее тоска и ее тяжесть. Какой груз он принес из своего прошлого, чем оно омрачено?

Любовь не имеет штампов. Она бывает веселой, радостной, как солнечный день, бывает и грустной.

— Саша, я люблю вас! — сказал ей Родин.

Они бродили с Сашей по увядающему саду. Сад застыл в ожидании снега. Земля смерзлась, звонко и гулко раздавались их шаги.

— Саша, я люблю вас... Я не хочу принести вам несчастье... Но я уже знаю, что нет у меня человека дороже вас. В таких случаях говорят, согласны ли вы стать моей женой. Вы поймите меня правильно. Я еще никому не говорил этих слов. Я свободный человек... Но я боюсь одного: смогу ли я дать вам счастье, имею ли я право на это? Я боюсь принести вам несчастье.

— Что с вами, Гриша? Что вас мучает? Ваша боль и моя боль. О каком же вы думаете несчастье?

Родин был готов сказать правду. Он обнял Сашу.

Она не отстранилась.

— Саша, вы верите, что я не злой человек?

— Верю, Гриша!

— И всегда будете верить?

— Всегда, Гриша...

Это объяснение ясности не принесло. Еще туже запутался узел. Родин утешал себя, что есть еще время на раздумье, не смеет он рисковать судьбой любимой. А в совхозе уже все знали, что готовится у Корсунской свадьба. И радовались за нее. Родин был безупречен в глазах окружающих.

Скоро свадьба! Это смешало все карты в задуманной нами сложной игре, ломало все комбинации. Судьбой советского человека мы рисковать не имели права. Что делать?

Встретиться с Сашей Корсунской? Этой встречей многое можно предотвратить. Но если это игра разведчика, если он на этот брак смотрит только как на надежное прикрытие, возможность лучше легализоваться, то не приведет ли это к провалу? Родин может установить за ней тщательное наблюдение. Он может этим способом проверить, не нащупан ли его след. Что-то изменится в их отношениях. И все! Он может бежать.

А если он все же действительно полюбил?

Что может быть общего у разведчика с агрономом Корсунской? Неужели и она разделила с ним его убеждения или?.. Или он увидел, что Корсунская никакой ему не враг?

У меня на столе лежала ее биография. Коротенькая биография. Школьница, студентка, агроном в совхозе. Комсомольские характеристики Тимирязевской академии. Немного наивные, отчасти формальные. Но существо-то человека проступало из них. Эта девушка не из тех, кто ищет легкой жизни.

Развод? Сохранился протокол судебного заседания. Судья спросил:

— Почему вы расходитесь с мужем?

Корсунская ответила:

— Он оскорбляет мое человеческое достоинство.

И все. Сдержанно и точно.

Родин не оскорбляет ее человеческого достоинства. Что же за этим кроется? В совхозе все едины в мнении о нем. Прекрасный работник, воспитанный человек, хороший товарищ.

Думай, чекист, думай. Психология, характер, мировоззрение человека — это самая тонкая область разведки.

Саша Корсунская. Она, видимо, редко фотографировалась. На столе давняя фотография. Она студентка. Была отличницей, снялась для доски отличников.

По фотографии можно кое-что узнать. Строгий взгляд серых глаз. Наверное, серых. Умные глаза, строгое лицо. Человек сдержанных чувств. И Родин...

Игра со Старцевым и Значковским невозможна. Это доказано. С Родиным? Это может решить только встреча с Корсунской. Нужно встретиться с ней, но как это сделать?

Вызвать в райисполком? Но, а если Родин следит за ней и ждет этого вызова, как сигнала тревоги?

До воскресенья три дня, до свадьбы неделя. Арестовать его? Так будет спокойнее, меньше риска. Нет, пусть это определит разговор с Корсунской. Значит, в пятницу. Встречу с Корсунской я взял на себя. Если ошибка, то только мне отвечать за нее.

Вызов агронома в район не такая уж редкая вещь. Обычный вызов. В совхоз едет специалист из центра, его должен встретить агроном-садовод. Версия вполне приемлемая.

И лишь только я ее увидел, как все сразу стало на место. Редко вот так, с первого взгляда я могу поверить в человека. А здесь поверил. Нет, такая женщина не может полюбить негодяя, не простит предательства и измены. Она ничего не знает! Это ясно!

Я спросил: умеет ли моя собеседница хранить тайну? Она очень удивилась этому вопросу. Я подчеркнул, что она должна будет хранить государственную тайну, и предъявил свое удостоверение.

— Я готова вас выслушать...— ответила она совершенно спокойно.

— Я хотел бы поговорить с вами о Григории Ивановиче Родине...

В глазах ее на этот раз мелькнула настороженность.

— Ну что же! Давайте поговорим... Только я хочу заранее вас предупредить. Ничего дурного об этом человеке вы от меня не услышите.

— Вы его любите?

— И такие вопросы входят в вашу компетенцию?

— Иногда входят. Вы выходите за него замуж, и скоро свадьба?

— Если бы я его не любила, я не согласилась бы выйти за него замуж.

— Вы его давно знаете?

— Нет! Несколько месяцев! Вы хотите мне сказать, что он дурной человек? Я вам не поверю!

— Я этого вам не сказал! От вас хочу узнать, что он за человек!

— Рабочий человек. Образованный! Умный, порядочный, искренний.

— Он вам ничего о себе не рассказывал?

— Нет! Я думаю, что расскажет. Его что-то очень тревожит. Наверное, было тяжело...

— Он вам это говорил?

— Нет! О себе он мне ничего не рассказывал. А если бы и рассказывал, я верила бы только себе, своему представлению о нем.

— Мне кажется, что вы хотите защитить его! Я угадал?

Корсунская сдержанно улыбнулась.

— Угадали! Если бы мое слово что-нибудь для вас значило, я готова его защищать. Да! Он говорил мне о каком-то несчастье... Он говорил, что боится и мне принести несчастье. Я сказала ему, что его боль — это и моя боль...

Наконец-то! Вот он, единственный грамм, ради которого надо переворошить тонны руды.

— Вы действительно готовы разделить любую его боль, любое его несчастье?

— Готова! Он не может быть злым человеком. Я не поверю в это. Несчастным? Может быть...

Думай, думай, чекист. Настала твоя минута. Никто здесь тебе ничего не подскажет. Разум, чутье, чувства, но должно же быть и вдохновение у разведчика, вдохновение, помноженное на опыт.

Ну что же, чекист. Благослови ее своей рукой на несчастье. Государственные интересы и судьба этой женщины? Совместимы ли они?

Опасно! Все в твоей работе опасно. Иногда опасно даже доверие к людям, но без него ты бессилен.

Я принял решение.

— Послушайте. Я расскажу вам сказку. Жил-был маленький мальчик, и грянула война. Мы все виноваты перед этими маленькими мальчиками, которых застиг враг врасплох на их земле. Маленького мальчика увезли в чужие земли. И не вернули. Наши войска не пришли в те края. Пришли другие. Они подобрали этого мальчика, они учили его многие годы ненавидеть родную землю. Они готовили из него шпиона. Мальчик вырос, и его послали на его родину. Тайком, как это и делается в шпионских делах, его забросили с чужими документами в руках на землю, где он родился. Он должен нести зло и беду своей родной земле, земле, на которой родилась его мать, родился его отец, где и он родился, но не рос и не знал ее. А человек он не злой, он не нашел в себе силы ненавидеть тех людей, которых должен ненавидеть. И он полюбил. Что же ему теперь делать? Сказать правду? Закон гласит, что, если он скажет правду, он будет помилован, но если он скажет правду, потеряет любимую... А кроме любимой, нет для него человека роднее на всей земле... Как же ему быть, чтобы не потерять любимой? Я скажу вам правду. Я этого не должен делать, но я вам верю. Человек, о котором мы с вами говорим, заброшен к нам иностранной разведкой. Это враг! И он действует. Мы можем его сегодня же арестовать. Вот что он имел в виду, когда говорил вам о своем несчастье.

Корсунская ничего не ответила. Она побледнела, опустила глаза.

— Вы говорили, что его боль — это и ваша боль. Вы готовы повторить свои слова?

— Не знаю...— тихо ответила Саша.

— Но вы не отвечаете отказом?

— Нет... Я готова разделить его несчастье...

— Не надо несчастья. Вы можете отвести от него несчастье. Если он будет знать, что, открывшись, не потеряет вашей любви, никакого несчастья может и не быть! Как вы думаете? Он русский?

— Русский... И думается мне, что родился он в деревне.

Думай, еще раз все продумай, чекист! Не отбрасывай первую мысль. Она родилась из твоего долгого опыта. Эксперимент. Психологический эксперимент. А где гарантии, что тебя не переиграют в этой уже запутанной игре? И некогда тебе посоветоваться со старшими товарищами. Некогда. Или сейчас, или все пойдет планомерным путем, обычным путем. Проверенным, испытанным. Сразу, сейчас решай!

— Саша!

Это имя вырвалось непроизвольно. Но я не поправился.

— Вы извините, что я вас так назвал. Или все, или ничего! Я слишком много вам сказал. Я не смею рассчитывать, что вы сможете выдержать искус и не показать ему, что вы что-то узнали. Мы сейчас поедем вместе с ним в машине. Я ему все скажу. При вас! И если он искренне говорил о несчастье, мы отведем, с вами вместе отведем его от беды... Вы согласны?

— Согласна...

Корсунская села в машину рядом с Родиным, я — на заднее сиденье. Поехали.

Из районного центра выезд на большак, потом поворот на полевые дороги. «Волга» легко катилась по укатанной мерзлой земле. Впереди обозначился перелесок. Я попросил остановиться.

Тихо уходило за горизонт холодное осеннее солнце. Я присел на обочину и позвал Корсунскую. С ней вышел из машины и Родин.

— Люблю осенние закаты! — сказал я.— Давайте проводим солнце. В Москве мне редко приходится видеть такое. Садитесь, Григорий Иванович! Помолчим немного вместе.

Родин и Корсунская сели рядом.

Огромный огненный шар коснулся маковок леса. Упали длинные тени. Я обернулся к Родину.

— Счастливая пора, счастливое время, Григорий Иванович! Не так ли? Я слышал, что вы жених и невеста. Хорошие русские слова. Их стали забывать. Невеста... Сколько в этом слове поэзии!

У Родина большие голубые глаза. И такая в них читалась тоска, что я не выдержал его взгляда.

— Вы здешний, Григорий Иванович? Вы где родились?

— Не знаю...— ответил Родин каким-то странным глуховатым голосом.— Записан в Калуге,— продолжал он.— Но это, должно быть, по ошибке. Я родился в деревне и это отчетливо помню. Потом была война...

Родин замолк. Я не торопил его новым вопросом.

— Я много ездил... Вернее, меня возили... Я никак не могу отделаться от воспоминаний. Соломенная крыша. Ветер задрал клок соломы, и свист, как в дудку, в эту солому.

— А ваши родители? Отец и мать?

— Отец убит... Я это помню со слов матери. Она умерла.

Я опять взглянул в глаза Родину и удостоверился, что сейчас Родин сказал правду.

Не надо было менять ритма и стиля. Я спросил:

— А свое настоящее имя вы помните?

Я рассчитывал на некоторую внезапность этого в общем-то простого вопроса. Объяснимого, во всяком случае, вопроса. Раз человек не знает, где он родился, он может не знать и своего имени.

— Наверное, помню...— неуверенно ответил Родин.

И тут он сказал правду. А дальше? До какой грани он пойдет? Однако надо дать ему передышку.

— Война! — начал я раздумчиво.— Разметала она людей... Буря, ураган. И деревья буря к земле жмет, а что спросить с былинки? С мальчонки в пять лет. А может, и меньше. Я был во время войны в Германии, Григорий Иванович! В тылу у врага. Это так называлось в те годы. Я видел эшелоны с нашими пленными, с угнанными в рабство. Не позволяла конспирация и куска хлеба подать своим. Я ходил в форме немецкого офицера, а немецкий офицер не должен был жалеть рабов. Я ехал в автомобиле... На станции разгрузили эшелон с русскими. Это были не военнопленные. Их гнали надсмотрщики с кнутами в руках. Детишек гнали... Вам, Григорий Иванович, не подсказывает память, когда вас угнали в Германию?

Последний вопрос на грани возможного, дальше уже все превратилось бы в допрос.

— Не помню...— ответил Родин.

И здесь он сказал правду. Вот она и легенда. Но интересно, чья легенда? Он сам импровизировал, отвечая на мои вопросы, под настроение, или это готовая легенда оттуда, так искусно им поданная?

— Не помню когда... С матерью меня вывез-

ли. Прислуживал я на кухне. Помои выносил; курам, уткам и индюшкам корм разбрасывал. Это я хорошо помню. И как мать умирала, помню... Упала в хлеву, возле свиней, и не поднялась... А вот что с ней, почему она умерла, не помню... Правильно вы сказали, не знаю вашего имени-отчества.

— Никита Алексеевич! — сказал я.

— Правильно вы сказали, Никита Алексеевич! Буря, ураган... Однако я пойду мотор прогрею. Жалюзи у меня открыты, а ветер холодный...

Саша тоже хотела было встать, но я остановил ее взглядом. Пока Родин говорил только правду. Не углубляясь в детали, безопасную правду, для любой своей легенды, но правду. А теперь? Может быть, он хочет завести мотор и удрать, бросив нас на дороге, может, он почувствовал что-то недоброе. Бежать? Ему некуда было бежать, я об этом позаботился. Но вот попытается ли он убежать, это было очень важно.

Заработал мотор у «Волги». Последние мгновения для колебаний. Надо ему их предоставить.

Я встал и пригласил Сашу пройтись до леса пешком. Мы пошли рядом, полем, «Волга» осталась у нас за спиной.

Слышно было, как Родин переключил скорость. Машина тронулась. Я взял Сашу под руку и крепко сжал ее локоть.

— Не оглядывайтесь! — сказал я.

Мотор урчал сзади, ближе, ближе. Я оглянулся. «Волга» перебралась через канаву, ехала следом за нами. У лесочка мы остановились. Родин вышел из машины.

Упали короткие осенние сумерки. Стремительно темнело.

Все трое стояли на опушке. Я молчал. Я видел, что Родин взволнован, порывается что-то сказать, но не хватает силы начать разговор. Надо было ему помочь.

— Скажите, Григорий Иванович! — начал я.— Когда убирали счетовода, почему не тронули его детей? Его жену? Пожалели?

Родин горестно улыбнулся, складка скривила его губы.

— Нет... Тот, кто убивал счетовода, не пожалел бы ни его жену, ни детей... Тот человек не имеет в душе ничего...

«Это он так о Значковском!..»

— Когда вы меня спросили о Германии,— продолжал Родин,— я понял, с кем имею дело. Я мог уехать. Вы предоставили мне эту возможность. Кстати, переоценили свои силы. Я все же смог бы скрыться. Нужды в этом не видел. Вы сделали самый верный ход. Я не мог вам врать при Саше. Я теряю ее, но при ней я не могу врать... Не скрою, я боялся этой встречи... Я слышал, что в вашем КГБ работают грубые и жестокие люди, применяются пытки...

— Вы действительно откровенны, Родин! Я рад, что затеял с вами этот разговор здесь, в лесу, а не в своем служебном кабинете. Я послушался Сашу Корсунскую, поверил ей. Она дала вам прекрасную характеристику.

— Что вы от меня хотите? Полного признания? Я готов рассказать правду и понести наказание.

— Ну, а если бы мы вас не нашли?

— Надо было искать. Сам я не пришел бы! Я никогда не мог бы подумать, что вы умеете так говорить с людьми! Не пришел бы, одним словом...

— Вы обучались профессии разведчика?

— Учился... Много лет. В Западной Германии.

— И чему же вас там учили? Опираться на таких, как Значковский?

— Оттуда не видно, на кого опираться...

КТО ЖЕ ЗА КЕМ ОХОТИЛСЯ?

Родин начал нам рассказывать. Вот откуда история с аквалангом, вот откуда...

А впрочем, я перескажу своими словами его показания на допросе.

Утром 27 марта полковнику Шелингу, руководителю одной из групп разведуправления капиталистической державы, легла на стол докладная. В докладной говорилось, что концертная группа, в состав которой входил Владимир Значковский, чья личность заинтересовала полковника, пересекла государственную границу СССР, что Значковский высадился из самолета в Париже и находится вне сферы влияния советской контрразведки.

К докладной было приложено расписание движения концертной группы.

Те, кто докладывал, не знали, почему Шелинга заинтересовала эта фигура, почему он отметил в списке советских артистов именно этого человека.

Шелинг вызвал своих подчиненных, показал им фотографию Значковского и распорядился установить за ним постоянное наблюдение в Европе и на американском континенте.

Из Стокгольма в Лондон оркестр летел на самолете.

В кресле рядом с Значковским сидел пожилой человек, даже старик. Сухой, с пергаментным цветом лица, но с очень живыми глазами.

Значковский распечатал свежую пачку сигарет, но не нашел в кармане спичек. Пожилой господин быстро подал ему зажигалку. Вспыхнуло высокое газовое пламя. Значковский прикурил и залюбовался зажигалкой. Старик уловил его взгляд, вдруг спохватился и что-то смущенно пролепетал. Значковский не понял его слов, но понял его по жестам. Ему дарили зажигалку. Это был английский «Ронсонь», газовая зажигалка с регулируемым пламенем.

Подошел переводчик. Господин объяснил, что дарит зажигалку русскому артисту на память. Значковский поблагодарил иностранца.

Откуда было знать Значковскому, кто ему подарил зажигалку?

Подчиненные Шелинга, все те, кто на него работал, могли подивиться вниманию к личности Значковского. Сам полковник счел необходимым познакомиться с ним. Что за птица?

О нем собирали сведения по зернышку, по крупинке,— все блюдо вырисовывалось лишь на столе у Шелинга.

В общем-то в Европе Значковский держал себя тихо и скромно. Прибыл в США.

Родину было поручено завязать с Значковским уличное знакомство. Пока только знакомство.

Все было рассчитано точно. Значковский вышел из гостиницы, в ту же минуту к подъезду гостиницы подъехало такси. За рулем сидел Родин. Значковский сел в машину и назвал адрес большого радиотехнического магазина.

— Вы русский? — спросил Родин.— Вы приехали из Советского Союза? Как я рад, что встретил русского. Я второй раз в своей жизни везу советского человека. Но то было очень давно. Попался мрачный и неразговорчивый человек. Может быть, он чего-нибудь боялся? Вы не боитесь со мной разговаривать?

У Родина блеснули в глазах слезы.

Он не давал опомниться от своих сентиментальных излияний. Он тоже русский. Из перемещенных лиц. Его ребенком вывезли немцы из России. Родители погибли. Он тянется ко всем русским.

Разговор завязался. Значковский рассказал, что он приехал на гастроли с концертной группой. Подарил Родину билет на концерт. Родин взялся быть проводником Значковского в Нью-Йорке. Никто так не знает города, как шоферы такси. Он, Родин, знает и дневной и ночной город. Знает все увеселительные заведения, все магазины. Он знает такие магазины, где товары продаются по сниженным ценам...

И Родин зацепился за Значковского. Началось с магазинов, где можно купить «дешевле»...

Они условились, что Родин будет за ним приезжать в гостиницу в определенный час и возить по городу.

Ночными заведениями Значковский не интересовался. Он искал магазины с уцененными товарами. Так все подошло ко второму этапу операции, задуманной Шелингом.

Значковский попросил Родина отвезти его в магазин, где можно было бы купить редкие пуговицы к женским платьям.

Так и сделали. Родин отвез его на окраину города, в маленький галантерейный магазинчик. Значковский отобрал себе товар и протянул продавцу десятидолларовую бумажку. В магазине даже не было кассы.

Продавец взял бумажку, уже начал отсчитывать сдачу, как вдруг посмотрел ее на свет и объявил, что бумажка фальшивая.

Значковский сейчас же полез в карман и протянул другую бумажку. Та же самая история. Продавец браковал одну купюру за другой. Пока Значковский перебирал это свое «богатство», к магазинчику подъехала полицейская машина.

Доставили в участок. Полицейский комиссар предъявил Значковскому обвинение в распространении фальшивых денег. Он был любезен и предложил вызвать в полицейский участок представителя консульства.

Все было рассчитано у Шелинга. Значковского обыскали и нашли при нем купюры на две тысячи долларов.

Было отчего прийти в отчаяние. В чужой стране обвинили в распространении фальшивых денег.

Перед Значковским стояла дилемма.

Отвечать перед судом чужой страны за распространение фальшивых денег или отвечать у себя на родине за спекуляцию валютой.

— С кем вы хотите иметь дело? — спросил его полицейский комиссар.— С нами или со своим консулом?

Значковский ответил, что он хочет иметь дело с полицией Соединенных Штатов. Комиссар усмехнулся и вышел из кабинета.

Открылась дверь. Беззвучными, кошачьими шагами вошел в кабинет ссутулившийся старичок в штатском.

— Здравствуйте, господин Значковский! — сказал он, не повышая голоса, с заметной иронией.— Вы помните меня?

Значковский, конечно, мог бы узнать этого старичка, если бы не был крайне растерян.

Старичок... Это был Шелинг. Сладко улыбаясь, он напомнил Значковскому встречу в самолете и свой скромный подарок — зажигалку «Ронсонь».

— Шелинг,— представился старичок.— Зажигалка у вас в кармане... Это по моей просьбе ее не изъяли у вас при обыске.

Значковский переводил взгляд с зажигалки на старичка, начиная, конечно, о чем-то догадываться.

— Итак, что же случилось, господин Значковский? Вас обвиняют в распространении фальшивых долларов? И на большую сумму?

— Я понятия не имел, что у меня фальшивые доллары.

— Возможно, господин Значковский! Но это нисколько не избавляет вас от уголовной ответственности... Ни здесь, ни у вас на родине. Вы вывезли контрабандой валюту. Как вы объясните у себя на родине наличие у вас такой суммы?

Значковский молчал. Появление старичка обнадеживало. Наверное, он не появился бы, если бы полиция очень старалась начать дело о фальшивых долларах.

— Молчание иногда — лучший ответ,— продолжал Шелинг.— У вас обнаружено две тысячи долларов. Большая сумма... Это плоды ваших операций с Жаньеном. Вы предприимчивый человек. Я люблю предприимчивых... Я готов вам сделать деловое предложение. Мое влияние здесь велико, я отведу от вас полицию...

— Разведка?— спросил Значковский.

Шелинг помедлил с ответом. Ответил коротко и сухо:

— Разведка!

И тут Родин поведал нам совершенно неожиданную вещь.

Можно было надеяться, что Значковский, согрешив в валютных операциях, перед лицом самого страшного преступления, перед гранью, за которой наступает измена Родине, все же дрогнет. Он поразил своим цинизмом даже Шелинга.

— Разведка? Зачем же нужно было столько усилий? Жаньен мог дать мне рекомендацию... Мне нужны деньги, вам моя работа! Жаньену известны мои взгляды на этот счет.

И вот она, разгадка с «инвинтой».

Доллары Значковского на самом деле не были фальшивыми. Ему их тут же вернули. Значковский попросил у Шелинга купить ему автомашину в счет будущих услуг. Шелинг поинтересовался, каким образом Значковский вывезет машину из Соединенных Штатов, как он объяснит у себя в стране ее приобретение. Оказалось, что у Значковского уже все было продумано. Да, он взял с собой деньги в надежде, что как-либо ему удастся купить машину, найти человека, который ему в этом помог бы, может быть, оформил это подарком. Скажем, от имени слушателей его очередного концерта. Шелинг одобрил эту идею и дал указание подготовить подарок. Шелинг считал, что подарок будет и прекрасным прикрытием Значковскому. Кто предположит сделку за таким вызывающим подарком?

Родин вместе с Значковским выбрал машину по каталогу. Выбор Значковского остановился на бьюике модели «инвикта».

Шелинг одобрил выбор Значковского. Авансом за будущую работу добавил недостающие суммы. «Invicta» — в переводе с латинского — непобедимая. Шелинг дал кодовое название операции со Значковским: «Invicta».

Окончание следует.

После выступления «Огонька»

«И СПРОС И ЗАПРОСЫ НА ВЫРОСТ»

В 27-м номере журнала «Огонек» за 1968 год был опубликован репортаж «И спрос и запросы на вырост». За «круглым столом» шел разговор о радостях и трудностях молодого города белорусских горняков и химиков — Солигорска. Тогда же мы сообщили, что там создается наш корреспондентский пост. И вот первое его сообщение.

Вопросы, поднятые за «круглым столом» «Огонька», обсуждались в горкоме партии и в исполкоме городского Совета депутатов трудящихся. Намечены меры по улучшению торговли, бытового обслуживания, работы транспорта. Город не перестает расти. Слова «открыто», «заселено», «пущено» вошли в лексикон горожан, потому что повторяются вновь и вновь.

Первых посетителей принял Дом быта на улице имени В. И. Козлова. Здесь швейное ателье, дамская и мужская парикмахерская, фотография, часовая мастерская. Прежде вещи в химчистку возили в Слуцк, теперь построена фабрика срочной химчистки.

238 семей получили в канун десятилетия города квартиры в новых домах.

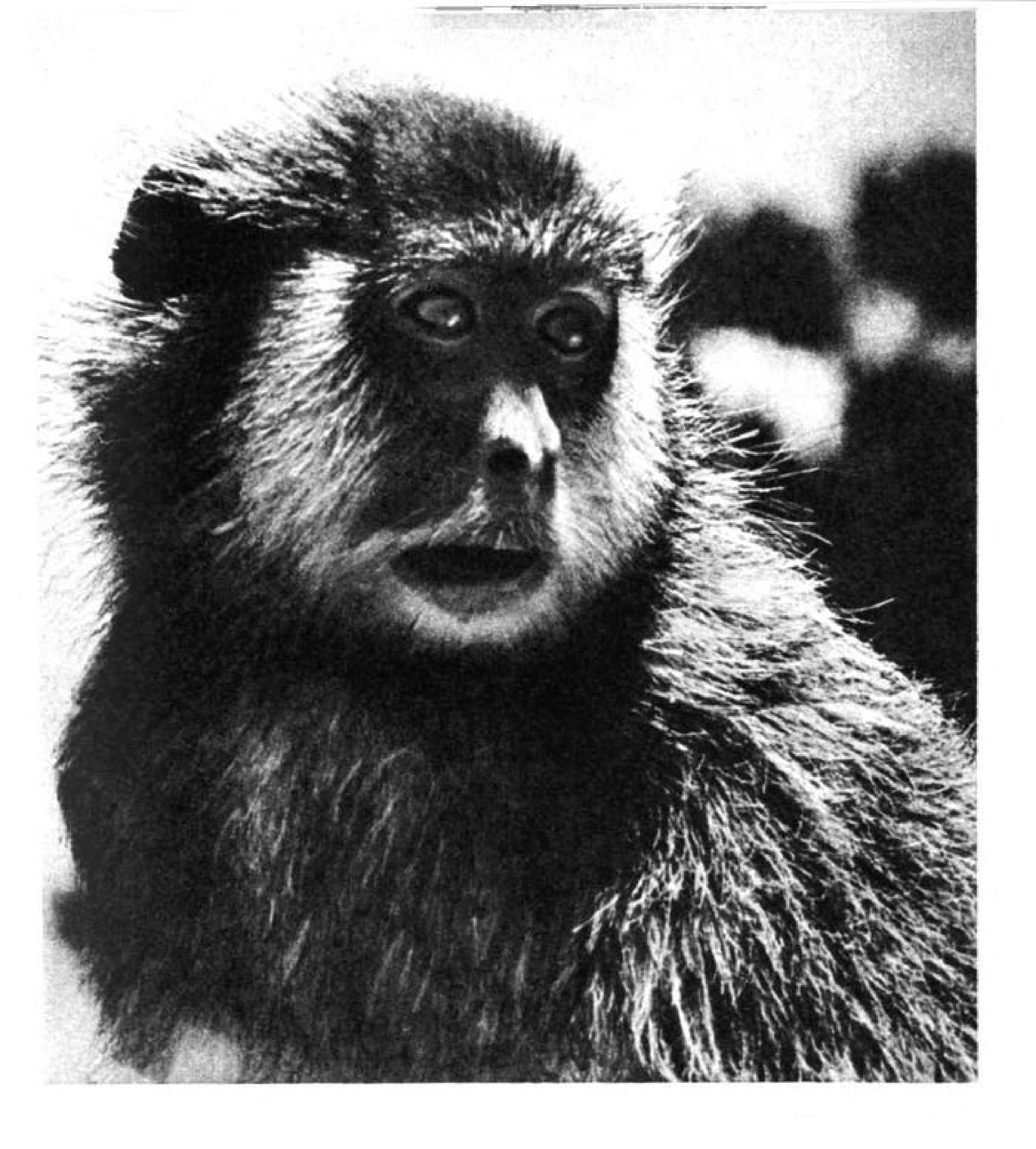
На третьем калийном комбинате прибавилась еще одна столовая.

За «круглым столом» высказывались справедливые нарекания в адрес транспортников. Так вот, на второй и третий калийный комбинаты, кроме автобусов, стал ходить поезд. Теперь с транспортом, стало легче, хотя проблема эта остается все такой же острой.

В ближайшее время гостеприимно встретит шахтеров новый Дворец культуры.

Но было бы, разумеется, наивно полагать, что после беседы за «круглым столом» и обсуждения поднятых там проблем в горкоме партии и в горисполкоме, все враз уладится. По-прежнему много нареканий в адрес торговой сети. Попытайтесь купить в Солигорске букет цветов. Не купите. Цветами в городе не торгуют. Вам повезет, если вы сумеете приобрести тут обои, белила или водопроводный кран. Не улучшается торговля художественными изделиями.

Редактор солигорской газеты «Шахтер»
Ф. СКРИГАН



Слоны придут к обеду, господа!

Дмитрий МАМЛЕЕВ

Фото автора.

Приехав в столицу Кении Найроби и едва разместившись в отеле, мы зафрахтовали маленький автобус, расписанный полосками под зебру, и отправились в национальный парк.

Вот и ворота — какая проза! — и колючая проволока, которой перевиты столбы, шагающие налево и направо. Нас предупредили, что выходить из автобуса запрещается, зато можно открыть окна и охотиться сколько угодно — при помощи фотоаппарата. Так изменились в наше время знаменитые сафари — охотничьи африканские экспедиции. Настоящая же охота ведется в специально отведенных местах и только по лицензиям.

Но вот ворота открыты — здравствуй, вольница зверья в первозданном виде!

Мы готовы к встрече, глядим во все глаза по сторонам, но пока никого не видим. И вдруг...

— Носорог! — раздается радостный возглас, и мы как по команде поворачиваем головы налево. Где он, этот абориген, покажите-ка его скорее! Однако носорог далеко, до него метров двести — и он спокойно стоит перед зарослями высокой, в рост человека, травы.

— Зебры! — опять раздается голос, и мы бросаемся к правой стороне автобуса. Сколько их? Пять, десять, двенадцать — всех не сосчитать. Отсюда они — как игрушечные полосатые лошадки.

Автобус поворачивает, мы съезжаем с накатанной дороги на целину — трава на этом участке невысокая — и осторожно продвигаемся вперед. Зебры сначала не обращают на нас ровным счетом никакого внимания, но уже через минуту вдруг срываются с места и, взрывая копытами землю, несутся прочь. Только полосатые спины мелькают вдали...

Но, позвольте, где же львы? Вот дерево — широкая крона его приплюснута, и на ней, как в гигантском гнезде, сидят три грифа. Их черные силуэты неподвижны и значительны... Чуть подальше стоит страус, он тоже невозмутим, его не смущает присутствие автомобиля... Потом дорогу перебегают антилопы, останавливаются на какой-то миг и быстро мчатся дальше.

Навстречу нам попадается еще один носорог; проплывают мимо два венценосных журавля и птица-секретарь с длинными черными перьями на затылке. Но, увы, львы словно сквозь землю провалились.

Вечереет, и нам пора возвращаться в Найроби — что делать, львам не прикажешь предстать перед очами хотя бы на минуту. Они еще не приучены к дисциплине, здесь не цирк.

И вот, когда, исколесив множество дорог, уже привыкнув к зебрам и антилопам, мы поворачиваем обратно, то чуть не наезжаем львам прямо на хвосты. Они — впереди автобуса, выступают медленно и важно, как подобает царским особам, нисколько не реагируя на звуки клаксона. Черт возьми, хотя бы повернули головы, показались бы нам во всей своей красе!

Так мы и сопровождали их метров сто, пока они не свернули в заросли, даже не удостоив нас своим взглядом.

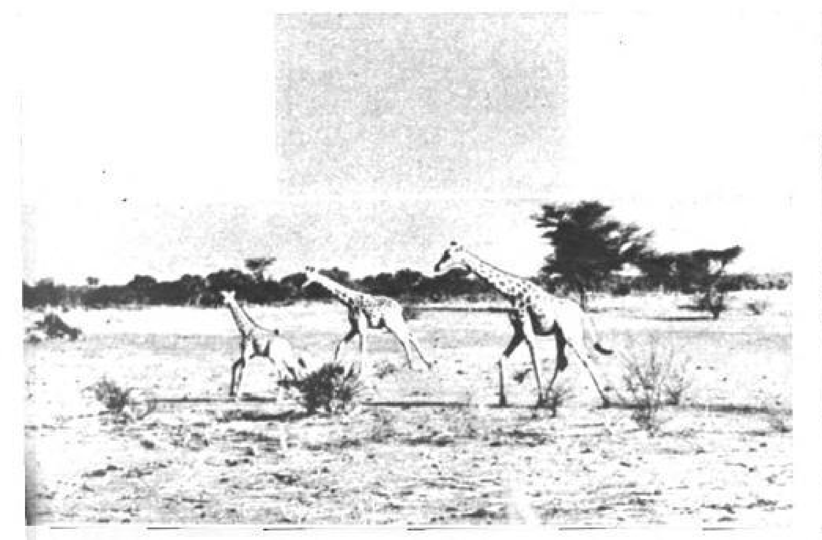
Но в конце концов разве это важно? Встреча состоялась, львов мы увидели. Правда, они не посмотрели на нас, ну что ж, их вполне можно понять. Какое, собственно, им дело до туристов, если в год заповедник посещает сто тысяч любопытных, с такими же горящими взорами, как у нас...

В двадцатом веке, особенно в последние десятилетия, не раз поднимался голос в защиту африканской фауны, неповторимой по разнообразию и многочисленности видов. Хищная экспансия колонизаторов, освоение новых земель, наконец, появление огнестрельного оружия привели к катастрофическому сокращению животного мира самого красочного континента. Особенно большой урон был нанесен в тридцатые годы, когда на равнинах Экваториальной Африки расстреляли из пулеметов почти триста семьдесят пять тысяч антилоп, слонов, буйволов, жирафов. Этими специальными мерами колонизаторы предполагали поставить эксперимент по борьбе со смертельной болезнью скота — наганой и ее переносчиком мухой цеце. Но оказалось, что муха цеце кормится столь же успешно и на грызунах, а уничтожить их невозможно. Большим злом было — да и по сей день остается — истребление диких животных ради трофеев: слоновьих бивней, рогов носорога, кожи зебр, шкур леопардов...

Как тут не вспомнить известного английского охотника Д. Хантера, который в книге «Охотник», кстати, изданной у нас, пишет:

«События, свидетелем которых я был, вновь пережить невозможно... Уже никто никогда не увидит огромные стада слонов, никто не услышит воинственных криков копейщиков племени масаи, когда они прочесывали кусты, чтобы уничтожать львов, нападавших на их скот... Нигде в мире не было дичи, которая могла бы сравниться с африканской. Нигде в мире животные не были столь крупными, столь сильными и столь многочисленными».

Я прочитал в журнале «Курьер ЮНЕСКО», что в Кении в шестидесятых годах ежегодно убивалось (законно и незаконно) от 4 до 5 тысяч слонов и от 675 до 950 носорогов. И если слоны еще выдерживают такое избиение, то носороги, которые размножаются медленно,







могут быть полностью истреблены.

Хочу сослаться еще на одну интересную книгу. Автор ее — доктор Бернгард Гржимек, директор Франкфуртского зоопарка. Книга эта переведена на русский язык и называется «Они принадлежат всем».

«От числа тех животных,— пишет Б. Гржимек,— которых европейцы застали на африканском материке, явившись туда в прошлом столетии, сегодня не осталось и десяти процентов. Но и этим последним животным суждено погибнуть, если люди всей Земли не возьмут их под свою защиту».

Когда африканские государства одно за другим обретали независимость, нередко раздавались голоса, что теперь будет некому позаботиться о сохранении животного мира. Но подобные предсказания, от которых разило колониалистским душком, не оправдались. Развивающиеся государства континента стали уделять большое внимание национальным паркам, а развитие туризма привело к появлению новых парков в Танзании, Кении, Уганде.

...Земля в Уганде красная, но цвет ее можно определить только по лентам дорог. Вокруг простираются изумрудные просторы, стоит стеною высокая трава, и лишь кое-где поднимаются деревья.

Уже который час мы едем по красным дорогам к водопаду Мерчисона. Там предстоит нам ночевка, наутро — поездка по национальному парку и прогулка на катере к водопаду.

Быстро наступает темнота. Фары автомобиля держат в снопе света бесконечную круговерть летающих насекомых, которые то и дело бьются о стекло. С деревьев срываются птицы и мчатся наперерез электрическому лучу...

Но что такое? Далеко впереди, там, где свет фар уже ослабевает, копошится на дороге огромная серая масса. Приходится тормозить. Оказывается, стадо буйволов переваливает через дорогу, шофер не сигналит, а только мигает переключателем света, словно просит: «Поживее же, братцы, нам ведь далеко ехать». Наконец стадо раздваивается, и мы медленно проезжаем по живому коридору.

Вот и переправа. Паром не работает, автобусам придется ждать до утра, а нас приглашают на катер. Скоро мы ступаем на другой берег и по крутой тропинке поднимаемся наверх, туда, где сверкает окнами отель «Пара-Лодж», наш новый приют...

Устроившись, я покидаю номер и через холл выхожу на большую открытую веранду. Ее окаймляет невысокий бетонный барьер, дальше начинается зеленая лужайка. В полусвете вижу предупредительный щит: «Помните! Слоны, которые приходят сюда,— дикие».

Уже поздно. Служители складывают стулья горкой, один в один. Какой-то пожилой человек спрашивает у них:

— А когда же будут слоны?

— Слоны придут к обеду, господа,— отвечает служитель, продолжая складывать стулья. Он произносит это спокойно, уверенно, будто и в самом деле здесь есть расписание встреч со слонами...

Утром, когда рассвело, прямо из окна номера я увидел Нил. Он нес широко и раздольно свои воды под холмом, на котором стоял наш отель. Снизу, от реки, несся трубный рев бегемотов...

Я пошел на стоянку машин, наш зебровидный автобус был уже наготове. Туристы пока не появлялись, но тут я заметил человека, который облачался в экзотические одежды. Он нацепил на себя леопардовую шкуру с пришитыми к ней кисточками хвостов. На голову водрузил странное сооружение из перьев, взял щит, два копья и занял позицию. Я понял: человек пришел на работу.

Он увидел мою сумку с фотоаппаратами, поднял два пальца и задвигал ими, словно зашелестел денежными знаками.

— Два доллара.

Сумма была заломлена слишком большая. Но не успел я поторговаться, как из отеля вывалилась толпа престарелых американцев. Они бросились к человеку, облаченному в шкуру, и он по их команде стал в угрожающую позу, начал размахивать копьем и щитом.

Все это продолжалось полчаса. Я видел, как американцы, довольные сделанными кадрами, рассаживались по местам, и сам уже собрался уйти, но в этот момент необычный воин окликнул меня.

— Две сигареты,— твердо сказал он, видимо, поняв, что рабочий день окончен и на новых простаков рассчитывать не приходится. И стал в позу.

Я снял его второпях, потому что автобусы загудели, собирая свои экипажи. Пора было отправляться в саванну.

...Необозримая зелень просторов. Далекое полукружие синего Нила. И звери, звери, звери... На каждом шагу.

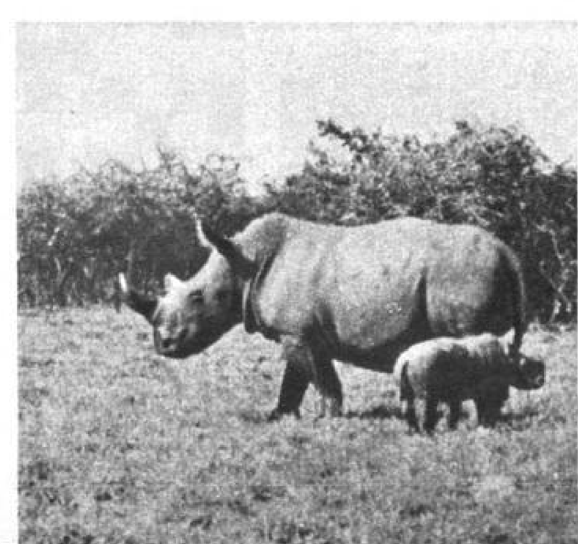
Пять слонов медленно продираются сквозь заросли метрах в сорока от дороги. Огромные уши вожака раздуты, словно паруса.

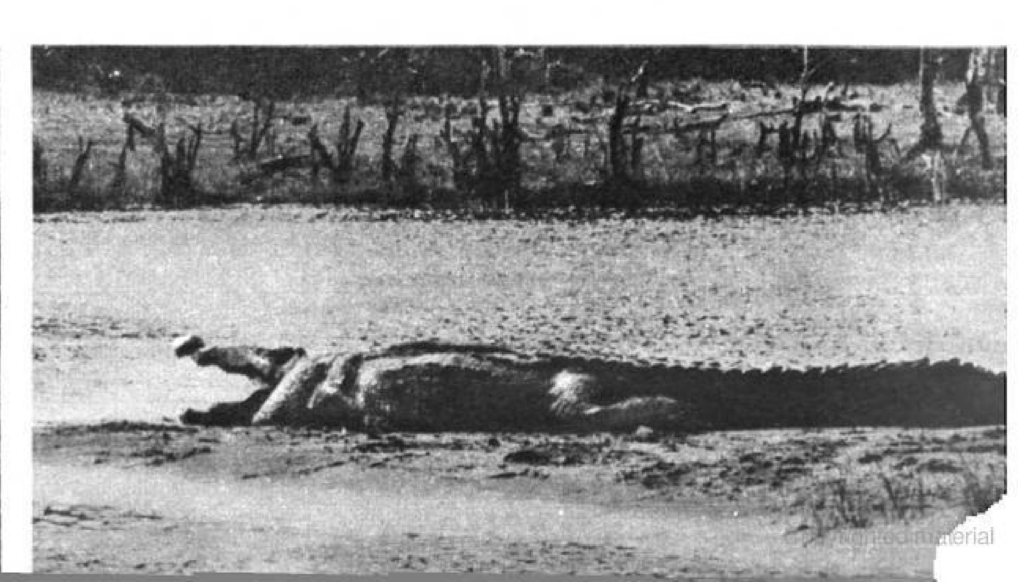
Носорог с детенышем лениво стоят, словно обдумывают какое-то важное решение, которое им нужно принять.

Тут уж не жалей пленки, только успевай щелкать затвором фотоаппарата...

Знаете ли вы, что такое слон? Это же не просто чудо природы, это интереснейшая статистика. Вот посмотрите.







Обследование, проводившееся в парке Мерчисон-фоллс, показало: средний вес самцов 6 000, а самок — 2 766 килограммов; бивни растут в год не более чем на 5 сантиметров, а коренные зубы (на каждой стороне челюсти по одному) обновляются в течение жизни 6 раз; сырая шкура весит около тонны, сухая — 650 килограммов, а если ее растянуть, то она займет 35 квадратных метров, то есть площадь нормальной двухкомнатной квартиры.

Я уже хотел было поставить точку, но решил назвать еще несколько цифр — все-таки мы живем в век чисел и формул. Они убеждают, не правда ли? Так вот, у слона мозг в три раза тяжелее человеческого (4—5 килограммов), крови в его жилах — 150 литров (у людей — 7), хобот (он, кстати, состоит из 40 000 связок плоских и круглых мышц) весит 120 килограммов, уши — 80, сердце — 20, скелет — 1 600...

Но когда встречаешь слона и видишь его с близкого расстояния, о цифрах не думаешь. Просто диву даешься и больше уважаешь мать-природу за ее великие творения и поразительное разнообразие...

Мы мчимся на берег Нила, где стоят наготове большие катера. Рассаживаемся на скамейках у борта; от солнца головы защищает высокий брезентовый тент. Катер берет курс к водопаду Мерчисона.

...Берега постепенно сужаются, вырастают отвесные скалы. Но вот маленькая полоска суши, вернее, отмель, и на ней неподвижно лежит крокодил. Оранжевая его пасть раздвинута, а глаза прикрыты. Он не обращает на нас никакого внимания и похож на муляж, сделанный для музея. Только уж очень огромен — метра четыре с лишним. И две маленькие птички, их называют крокодильими сторожами, сидят на его спине.

Сколько же ему лет? Ведь крокодил становится взрослым годам к двадцати, а ежегодно вырастает всего лишь на несколько сантиметров.

Катер подходит совсем близко, до берега остается метров десять, и тогда отвратительное серое туловище начинает быстро передвигаться к реке. Несколько секунд, и где-то у самого борта завихрилась вода, теперь он может там оставаться полчаса, а то и час, пока не минует опасность.

Но мы не сойдем на берег. Как же это мы не заметили сразу? Чуть дальше лежат два, за ними еще один, еще четыре и еще три... Правы те, кто утверждает, что Нил у водопада Мерчисона, пожалуй, одно из редких мест в Африке, где осталось много крокодилов. Они ведь жертвы моды, и ради их кожи действуют огнем и копьем браконьеры.

Берега совсем сужаются, и между сдвинутыми утесами мы видим белопенный каскад водопада Мерчисона. И скоро — в обратный путь.

...Столы уже накрывают. Время обеда пришло. Разгоряченные впечатлениями путешественники толпятся в холле, ожидая приглашения на обед.

— Слоны пришли! — слышится чей-то возглас, и сразу же, забыв об обеде, все спешат на веранду.

Вечером я не заметил, что на зеленой лужайке, рядом с той предупредительной надписью сделана бетонная кормушка, и служители уже набросали в нее связки бананов.

У кормушки деловито устроились слон, слониха и слоненок. Пришли точно к обеду, знают, что здесь можно полакомиться. Это же бананы, а не листва деревьев и не трава!

Я раскрыл окошечко фотоаппарата, перешагнул через барьер и пошел к кормушке. Слоны не придали этому особого значения. Я сделал несколько кадров и подошел еще ближе. Слониха со слоненком уже собрались уходить, а слон продолжал трапезу. Он скосил глаз, приоткрыв веко, и продолжал орудовать хоботом.

Тогда я сделал еще несколько осторожных шагов. Слон, возмутившись, что ему мешают, взял охапку бананов и бросил в меня. Едва удалось отскочить, чтобы вся эта масса не обрушилась на плечи. Не подходи, мол! Грамотный, надписи надо читать.

Я отступил...

Слон подчистил кормушку и гордо зашагал мимо веранды перед нацеленными на него объективами.

Внизу, на склоне холма, его поджидали слониха и слоненок. Он подошел к ним, и они вместе отправились в саванну — бескрайнее изумрудное поле, над которым кое-где поднимались редкие деревья.

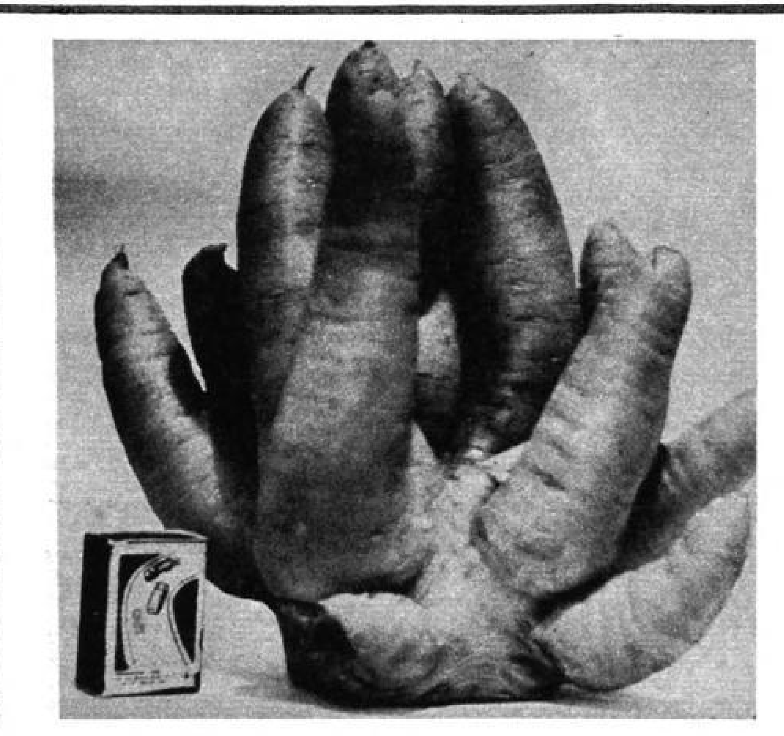
●

На первой странице обложки: Крейсер «Варяг» в походе (см. в номере репортаж «Рядом — океан»).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Декоративные блюда, сервизы, сувениры, брошн, серьги, кубки, отделанные золотом, серебром, эмалью, чеканкой, — эти изделия вот уже 50 лет выпускает Красносельская ювелирная фабрика. Корпуса ее раскинулись на берегу Волги, недалеко от Костромы. С детских лет работает на фабрике Николай Сергеевич Грустливый — один из многих красносельских умельцев.

Фото Г. Копосова.

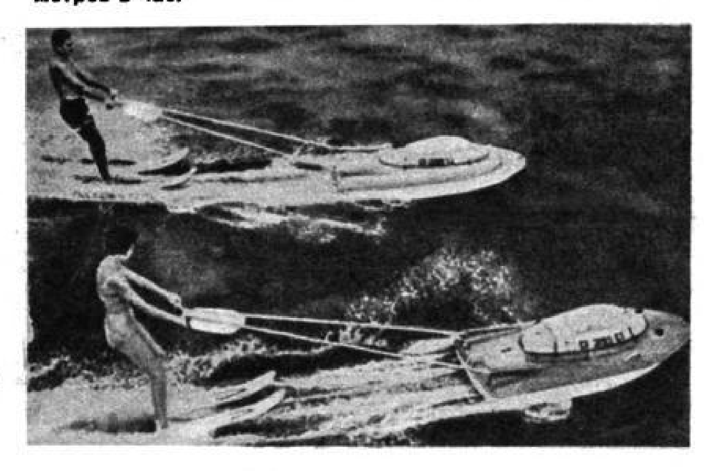


ОГОРОДНАЯ РЕКОРДСМЕНКА

Эта морковь (вес — 2 килограмма 180 граммов) выросла на приусадебном участке жительницы города Выксы, Горьковской области, Е. И. Шорниковой.

ВОДНЫЙ САМОКАТ

В Калифорнии на пляжах популярны миниатюрные моторные катера, которыми управляют сами лыжники. Такой катер развивает скорость до шестидесяти километров в час.



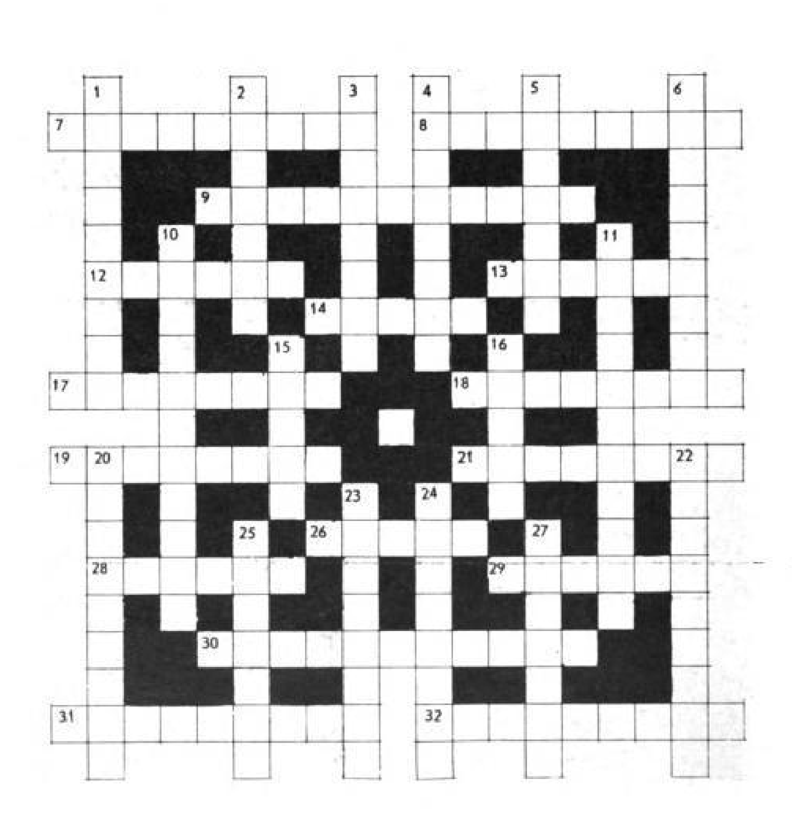
КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Арифметическое действие. 8. Телескоп для фотографирования солнца. 9. Цветок. 12. Спортивное соревнование. 13. Одна из географических координат. 14. Народный художник СССР. 17. Глубоководный самоходный снаряд для океанографических исследований. 18. Плотная ткань. 19. Продолговатый пирог. 21. Советский ученый-физик. 26. Птица отряда куликов. 28. Река в Сибири. 29. Настольная игра. 30. Искусство танца. 31. Управляемый аэростат. 32. Лечебно-профилактическое учреждение.

По вертикали:

1. Размах колебания маятника. 2. Мотив, напев. 3. Народный артист СССР, исполнитель главной роли в кинофильме «Депутат Балтики». 4. Чертежный инструмент. 5. Войсковое соединение. 6. Судно, имеющее два корпуса. 10. Наука, изучающая ускорение силы тяжести на земной поверхности. 11. Гриб. 15. Костюм балерины. 16. Грамматическая именная категория. 20. Русский писатель. 22. Медицинская дисциплина. 23. Город в Венгрии. 24. Картина В. А. Тропинина. 25. Порт в Бразилии. 27. Денежная единица Венесуэлы.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

3. Махачкала. 8. Динамика. 9. Лукреций. 10. Снеток. 12. Причал. 13. Росси. 14. Кирза. 15. Фата. 16. Ниас. 17. Войницкий. 18. Брем. 21. Киль. 23. Аврал. 25. Блуза. 26. «Разлом». 27. Ацетон. 28. «Лоэнгрин». 29. Акваланг. 30. Индигирка.

По вертикали:

1. Паганини. 2. «Школьник». 4. Винница. 5. Пантера. 6. Левитан. 7. Миранда. 11. Космодром. 12. Партитура. 19. Рубанок. 20. Маслина. 21. Капелла. 22. Ливорно. 24. Лицензия. 25. Барбарис.



ВЕРТЯЩАЯСЯ ШЛЯПА

Фантазия французских модельеров не знает границ. Вот две новинки, предложенные ими в этом сезоне.

ВОЗДУШНЫЙ АВТОМОБИЛИСТ

Бельгийский автомобилист Роланд Ванде Путе считается лучшим прыгуном на машине. Недавно он, совершив прыжок с десятиметрового трамплина, пролетел по воздуху 50 метров.



ИЗО-ЧАЙНВОРД

Предлагаем читателям изочайнворд, придуманный и нарисованный художником Е. Ведерниковым.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

1. Прилив. 2. Вездеход. 3. Душ. 4. Шезлонг. 5. Гурман. 6. Насос. 7. Садовод. 8. Досада. 9. Адмирал. 10. Лихач.

Первыми правильные ответы прислали: А. Пилипенко, Н. Голуб, Ю. и Н. Вивдич, А. И. Кара, семья Брылевых, Неустроев, Бортников, Акимов, Рысенко, Микробородов, Е. В. Ратушенко, В. Фролов, Т. Гирко, Т. Н. и Б. М. Усатовы, М. Н. Мисько, П. И. Князев, Л. А. Потапов, Я. С. Савранский, В. И. Бартащук, В. И. Земляков.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

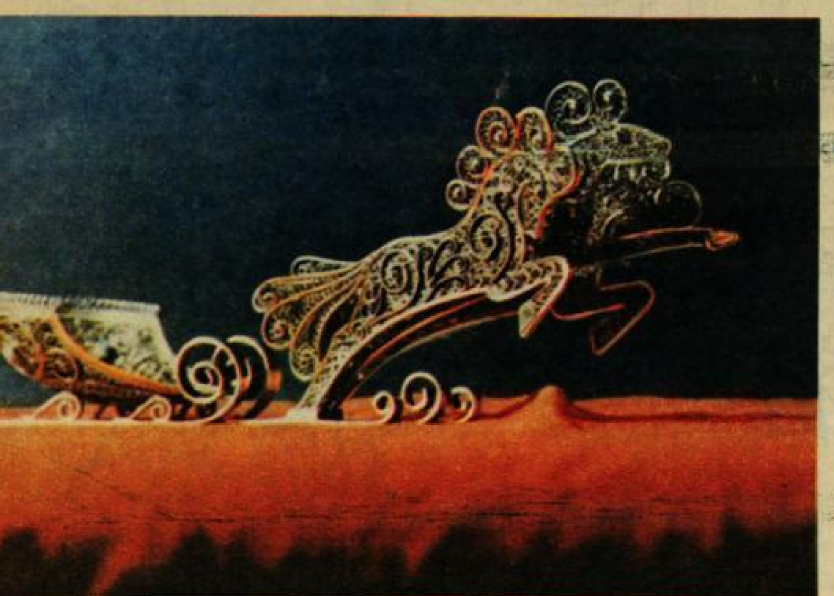
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 5/XI-68 г. А 00490. Подписано к печ. 19/XI-68 г. Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 004 000 экз. Изд. № 2210. Заказ № 3139.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.







Цена номера 30 коп.

Индекс 70663